

**Клуб
Красная площадь**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«Красная площадь»
20 марта 2006 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«РУССКИЙ ПРОЕКТ:
МОДЕЛИ ДЛЯ СБОРКИ»**

**МОСКВА
2006**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
20 МАРТА 2006 Г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«РУССКИЙ ПРОЕКТ:
МОДЕЛИ ДЛЯ СБОРКИ»**

**МОСКВА
2006**

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Сурков <i>Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности</i>	3
Сергей Градировский <i>От собирания земель к собиранию народов</i>	19
Вадим Цымбурский <i>Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации</i>	23
Виталий Найшуль <i>Как строить Российскую империю</i>	28
Александр Зиновьев <i>Советский вклад в социальный прогресс человечес</i>	31
Станислав Белковский <i>СССР — Будущее России</i>	36
Егор Холмогоров <i>Реставрация будущего</i>	41
Вадим Штепа <i>Мыс провидения</i>	51
Мирон Боргулев <i>Пересборка русского мира</i>	64
Константин Митчин <i>Украина under constructing...</i>	68
Пётр Щедровицкий <i>Русский мир. Возможные цели самоопределения</i>	71
Материалы к заседаниям <i>Московского интеллектуального клуба «Красная площадь»</i>	78

Владислав Сурков

СУВЕРЕНИТЕТ — ЭТО ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента — помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года.

Добрый день, коллеги. Думаю, что наиболее удобная форма донести **основные идеологические тезисы** — это описать новейшую историю в оценках и под тем углом зрения, который в целом соответствует курсу Президента, и через это сформулировать наши основные подходы к тому, что было раньше, и к тому, что будет с нами в будущем. Позволю себе начать немного издали, с некоторых вещей, которые могут показаться абстрактными. Сразу оговорюсь, что о текущих моментах говорить сегодня не буду. Сегодня мы поговорим именно об общеидеологических установках партии через **анализ новейшей истории** недавнего прошлого, нашего настоящего и ближайшего будущего.

Начиная издали хочу сказать, что развитие европейской цивилизации, частью которой является цивилизация российская, показывает, что люди на протяжении всех наблюдаемых эпох стремились прежде всего к материальному благополучию, а кроме того пытались добиться такого устройства собственной жизни, в котором они могли бы быть свободными и чтобы мир по отношению к ним был справедлив. Именно **материальный успех, свобода и справедливость составляют основные ценности**, которые мы с вами разделяем. Есть много всего, но все это следует из этих трех основных посылок. Не буду удаляться в историю Европы, хотя каждый из вас представляет, что именно так и развивалось общество в Европе, так развивались все народы. Постепенно все большее количество людей получало доступ к знаниям, развивались массовые коммуникации, системы транспорта и связи. Все большее количество людей начинало участвовать в принятии решений, вершиной чего стало появление массовых демократий, не очень давно, 100 лет назад. Напомню, что всеобщее избирательное право, всеобщее право участвовать в политической жизни — это изобретение недавнее. Но мы все вроде бы согласны, что изобретение это прогрессивное, и в таких обществах жить и выгоднее, и интереснее. Естественно, человек, у которого есть знания, человек, который может участвовать в той или иной степени (кто-то больше, кто-то меньше) в принятии решений по демократическим процедурам, у такого человека и больше свободы выбора, и больше чувство собственного достоинства. В связи с этим и социальная технология, и технология власти, и технология самоорганизации общества становятся все более сложными, все более, если угодно, мягкими и изощренными. **От принуждения общество постепенно переходит к технологиям убеждения, от подавления — к сотрудничеству, от**

иерархии к сетям горизонтальных связей. Это не значит, что один элемент исключает другой, но все-таки баланс современной цивилизации смещается в сторону умения убеждать и договариваться, с тем, чтобы как можно большее количество людей осознанно принимало то или иное решение и по возможности добровольно. Все-таки нельзя себе представить современное общество, состоящее, повторюсь, из образованных, умных, развитых людей, которым можно просто командовать, ничего не объясняя.

Хочу сразу предварить вопрос: при чем здесь, собственно, мы? А между тем вещи, о которых я говорю, абсолютно прикладные. Просто демократия в России — это всерьез и надолго, и общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов, и все большее значение в нашей политической работе придется уделять методам убеждения и разъяснения. Как ни парадоксально, **демократическое общество, по моему мнению, сверхидеологизировано, куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею. Поскольку там, где сила силы убывает, там возрастает сила слова.** И насколько «гвоздями вбиты» основные ценности демократии гражданам США, Англии, Франции. Их ночью разбуди — они вам начнут рассказывать про права человека и так далее. Так и в нашей с вами повседневной жизни все большее значение будут иметь общие ценности и умение друг до друга их доносить и побеждать противника в прямом идеологическом столкновении, и все меньше рассчитывать на административные возможности, которыми многие, как правило, любят оперировать. Это все будет во времени заканчиваться, и партия для того, чтобы она могла сохранить свое доминирующее положение в политической системе (а это наша основная задача), должна активнее овладевать навыками идеологической борьбы.

Для начала хорошо было бы объясниться по поводу того, что с нами со всеми случилось при нашей жизни. Все мы застали Советский Союз, все мы застали сложную эпоху 90-х, все мы живем сегодня и собираемся жить завтра. У нас **не выработано консенсуса в обществе по оценке недавних событий.** Следовательно, **не выработан подход к нашему будущему.** Я предлагаю начать с себя и попытаться сделать так, чтобы основные оценки стали для нас общими и чтобы мы могли смело ими оперировать.

Никакого секрета не открою, если скажу, еще раз повторившись, что **Россия — это европейская страна.** И какой бы особенной мы ее с вами не считали, и какой бы странной ее не считали те, кто смотрит на нее со стороны, все-таки, как и Президент указывал в своих выступлениях, мы в целом проходили тот же путь, что и другие европейские страны. Если заглянуть вглубь веков, да, увидим, к примеру, была реформация в западном обществе. Но у нас тоже именно в эту эпоху было знаменитое брожение в Церкви, движение нестяжателей, и все это отражено в исторических документах. И абсолютизм в России достиг своего апогея примерно в то же время, что и во Франции. Ничем мы здесь не хуже и не лучше других. Скажем так, торговлю людьми Россия отменила и запретила даже раньше, чем это сделали Соединенные Штаты Америки. Парламентаризм у нас тоже не на много младше, чем в других странах. Что касается того, что у нас в XX веке родилось довольно странное тоталитарное государство, то и здесь следует помнить, что мы не были одиноки, что в той же Европе существовала нацистская Германия, фашистская Италия, франкистская Испания... могу долго перечислять. Мы в этом смысле не уникальны, и мы не должны считать себя какими-то изгоями, у которых не получается то, что получается у других.

Бердяев, наш выдающийся мыслитель, еще в начале прошлого века говорил: *«Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Справедливость требует свободы для всех людей».* Это русская мысль, она нами не заимствована ни у Маркса, ни у Гегеля, это наша. И в связи с этим, наверное, было бы важно понять, что представлял собой СССР. Мы, безусловно, должны с уважением относиться к тому, что сделали наши предки. Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все — наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами.

Я бы сказал, что у **Советского Союза было два крупнейших достижения: с одной стороны, мощная идеологическая работа,** которая была развернута в планетарном масштабе, и Советский Союз тоже оперировал понятием свободы и справедливости. Хотя нам самим не очень поздоровилось от всей этой работы, но на весь мир эта мощная поддержка, как военная, материальная, так и просто моральная, оказала огромное влияние, о котором мы сегодня забываем. Мы

забываем, как Советский Союз был популярен среди западных интеллектуалов самого демократического толка. Советский Союз благодаря своим мощным идеологическим усилиям стимулировал освобождение колоний, ускорил гармонизацию социальных отношений в самих странах Запада и этим самым оказал благотворное влияние на мировой ход истории.

С другой стороны — индустриализация. Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами. Наши железные дороги, наши трубопроводы, наше жилищно-коммунальное хозяйство, наши заводы, наши ядерные силы — это все наследство Советского Союза.

При всем этом общество, которое у нас получилось тогда, вряд ли можно назвать свободным или справедливым. Мы, наверное, не должны тут долго разговаривать. Я думаю, все с этим согласятся.

Большая проблема была также в том, что такое **замкнутое общество, в котором результаты оценивались скорее с партийно-догматической точки зрения, а не с прагматической, воспроизводило неэффективную элиту.** В общем-то, ничего удивительного нет в том, что в один из самых драматических моментов развития Советского Союза на вершине власти оказались личности недостаточно высокого уровня. Может быть, в то время, когда нужны были люди масштаба Петра Великого, пришла к власти малообразованная и мало отдающая себе отчет в своих действиях группа товарищей. Это была «мина», заложенная в самой системе: она не могла воспроизводить другую элиту.

Госсекретарь Шульц пишет в воспоминаниях, что он был шокирован некомпетентностью советских руководителей. Он называет имена, но я не хочу их повторять, чтобы не обидеть людей, которые когда-то руководили нашей страной.

Это общество было не только несправедливым и несвободным. Оно и не решило материальные вопросы, оно явно отстало по удовлетворению потребностей людей в новом качестве жизни от тех же западных стран. Ну и кому нужна была такая империя, которая не могла дать своим гражданам ни хлеба, ни зрелищ? Вполне естественно, что она распалась.

Отказ от такого общества был неизбежен. Не надо считать крушение Советского Союза итогом интриг ЦРУ или заговором партийной верхушки. Это такое бегство от реальности. Был объективный процесс, который, как известно, пошел. Надо сказать, что **российский народ сам выбрал такую судьбу — он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он не туда зашел.** И он попытался вернуться к демократическим ценностям, которые, замечу, были подробно прописаны в советской конституции. В этом смысле Советский Союз был, безусловно, модернизационным крупнейшим проектом. Он уже нес в себе зачатки демократии, поскольку он ее декларировал и формулировал в словах. И рано или поздно эти слова должны были быть востребованы. Поэтому потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики — это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь.

Думаю, этот путь не мог быть простым, прежде всего потому, что, конечно, **страна была в массе своей не готова и не могла быть готова к жизни в условиях современной демократии.** Прочитую *Ивана Ильина*, который еще в 40-х годах предвидел крушение советской власти и пытался описать то, что произойдет после этого. Он писал так: *«Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и переходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса».* **Кризис был неизбежным,** потому что ведущий слой, в общем-то, исчез. Естественно, **остатки старой номенклатуры в рыночных условиях очень быстро сдружились с шустрыми самостоятельными коммерческими коллективами.** Государственная власть везде отступала, это было бессистемное бегство от ответственности. Даже провозглашалось, что государство есть зло. Сейчас мы просто это забываем, но на полном серьезе декларировалось, что чем меньше государства, тем лучше. А сведи его к нулю, так вообще станет все хорошо. Естественно, этот вакуум заполнялся, естественно, что именно такие **самодельные и амбициозные коммерческие руководители подменили собой в ряде случаев власть.** Ни для кого не секрет, что целые министерства, регионы, партии находились под контролем отдельных финансовых групп, причем под самым прямым и буквальным контролем. Может быть, ничего плохого в этом и не было бы, если бы это не было абсолютной подменой понятий. То есть **вместо того, чтобы двигаться к демократии, мы получили то, что справедливо названо олигархией.**

В чем, собственно, проблема олигархии? Прежде всего она нелегитимна по определению, потому что Конституцией не предусмотрено руководство министром со стороны какого-то коммерсанта и не написано, что те, кого выбрал народ, должны работать на тех, у кого больше денег. Там такого не написано. Во-вторых, проблема еще и в том, что это ведь действительно **власть не многих**. Это даже не тысячи людей. Это единицы людей. Их всех можно по пальцам пересчитать. Они не представляли не только большинства, которое, безусловно, теряло от реформ и переживало их очень болезненно, но они и не представляли, хотя это странно звучит, даже обогащающееся меньшинство. Даже бизнесмены, даже те, кто стал успешно делать карьеру в то время, они не давали им доверенность на то, чтобы они представляли хотя бы их интересы. Такого ведь не было. Они скорее дискредитировали деловое сообщество своими непомерными амбициями.

В результате все основные идеи демократии были искажены. Вместо общественной дискуссии мы получили сплошные придворные интриги. Мы **получили манипуляцию вместо представительства**. Мы помним выборы 1996 года, может быть, кто-то из присутствующих в ходе них уже и работал, как между турами вдруг в некоторых регионах сказочным образом поменялись предпочтения, причем самым радикальным образом. Комментировать то, как это произошло, мы с вами не будем: понимаем, как. Более того, это публично оправдывалось. Вот что пишет корреспондент Washington Post в 1997 году: один из известных российских либералов *«сказал мне, что любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданы. Если прожили 75 лет при коммунизме, как далеко вы пойдете, чтобы не допустить его возвращения?» — спросил он*. Нельзя не повторить: *«любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданы»*. Говорится публично представителям иностранной прессы. Куда делся закон и что было поставлено во главу угла, на чем основывалось это общество? И вот эти люди нас сегодня учат демократии и рассказывают нам о том, что она куда-то там сворачивается. Если тогда была демократия, тогда я не знаю, что такое демократия.

Коррупция заменила собой конкуренцию. Здесь еще раз процитирую. И тоже западный источник того времени Маршалл Голдман: *«Значительными инвестиционными средствами обладали мафиозные группы, нечестные директора предприятий и магазинов, правительственная и управленческая элита, которые могли заранее присвоить себе то, что раньше составляло государственную и партийную собственность...»*. Это тоже к слову о том, была ли там конкуренция, были ли там реальные рыночные отношения или это все-таки был скорее выбор, густо замешанный на коррупционных подходах.

Свобода слова тоже имела особый смысл: **ведущие телеканалы стали оружием в руках известных олигархических групп** и большей частью использовались для вышибания новых объектов госсобственности и участия в разделе таковых.

Глубина экономического падения вам известна: у нас фактически наполовину рухнул валовой продукт. Чтобы подчеркнуть драматизм той ситуации, могу сказать, что в прошлом году мы вроде бы вышли на уровень 60% зарплаты учителя по отношению к уровню 1989 года. Можно представить, куда мы откатились, если **до сих пор наш учитель получает меньше, чем при советской власти**.

Приватизация, в целом явление благотворное, в ряде случаев делалась по странным схемам, и, конечно, очень трудно и практически невозможно никому объяснить, чем были залоговые аукционы. Ясно, как кто-то справедливо заметил, это было назначение группы товарищей миллиардерами, то есть вас вызывали и говорили: *«Ты назначаешься миллиардером»*.

В федеративных отношениях царил хаос. Например, конституцией Республики Тыва закреплялось право этой республики выйти из состава Российской Федерации. Некоторые субъекты определяли себя как суверенные государства, ассоциированные с Российской Федерацией. Так было в очень многих случаях. Об экзотических экономических местных законах, странных экономических моделях на местах тоже много смешного можно рассказать. Нигде федеральный закон не считался выше, чем региональный. Апофеоз центробежных настроений — мятеж в Чеченской Республике, поднятый шайкой уголовников, который привел к большим страданиям самого чеченского народа прежде всего и позорной хасавюртовской капитуляции. Согласно хасавюртовскому соглашению определение статуса Чеченской Республики откладывалось на несколько лет. То есть на вопрос о том, входит ли Чеченская Республика в состав России, вы не могли дать утвердительный ответ. **Что это, как не нарушение территориальной целостности России?**

Внешние заимствования, оправдать масштаб которых очень трудно даже сейчас. И даже издали уже анализируя, почему так много занимали, и зачем занимали, и зачем были нужны краткосрочные и столь дорогие заимствования, непонятно. Но зато приходилось ежегодно утверждать наш федеральный бюджет в МВФ. Фактически **страна была на грани потери государственного суверенитета.**

Если то, что я описал, есть демократия и если это есть свободное и справедливое общество, то что же такое тогда Содом и что в таком случае Гоморра? Никакой свободы, конечно, не было и в помине. Сейчас многие говорят, что тогда была свобода. Ну разве был свободен нищий человек? Вообще что такое свобода? Помимо того, что это идея, это то, чем вообще-то надо бы пользоваться. Разве может обнищавший забитый человек пользоваться своей свободой? Только в каком-то разве что разбойничьем смысле. Что касается богатых людей, многие из вас тогда занимались бизнесом, помнят, что количество заказных убийств, количество заказных уголовных дел создавало у любого предпринимателя ощущение зыбкости и непрочности всего, что он делает для себя и для своей семьи. Разве это свобода? Это, может быть, воля, опять же разбойничья — «пан или пропал» и так далее. Но свободой в нормальном, цивилизованном смысле слова считаться такое свинство, конечно, не могло. И такой режим не был жизнеспособным, он был обречен. Но дилемма была простая — **либо олигархия, обрушиваясь, утащит за собой весь народ и всю Россию, и мы утонем все вместе, либо она все-таки пройдет как болезнь роста** и отслоится, и страна пойдет нормальной дорогой. Могло показаться, что Россия уже кончается, что то, что мы видим, — это просто затянувшаяся агония советской системы.

В общем, стоял вопрос — быть или не быть. Россия, как всегда свойственно российскому народу, ответила: «Быть!». И ответила, в том числе, путем выборов — Президентом был избран Владимир Владимирович Путин и, собственно, **он был должен заниматься нормализацией ситуации в стране.**

Очень важно подчеркнуть, что 90-е годы (при том, что это был действительно олигархический режим) ни в коей мере мы не должны считать потерянными для России, временем сплошных безобразий. Мы не должны забывать, что в **90-е годы были начаты громадные реформы и масса позитивного** и, прежде всего, пусть даже в таких извращенных, я бы сказал, условиях, сложных условиях, но осваивались **новые социальные практики**, люди привыкали к выборам, люди учились работать в рыночной экономике. И одно из самых важных достижений 90-х, мне кажется, то, что в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробилась по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, **материал для формирования нового ведущего слоя нации.**

Что касается первых шагов Президента Путина, то мы помним, что было объявлено о **диктатуре закона.** Мы помним, что была объявлена **политика стабилизации.** Я бы все это вместе назвал **политикой демократизации.** Хочу это подчеркнуть, потому что, когда вам внушают, что кто-то сворачивает демократию, это абсолютное извращение и подмена понятий. Я только что описал то, что мы получили. Все что угодно, но не демократию. **Президент возвращает реальный смысл слова «демократия» всем демократическим институтам.**

Начнем с того, что **его политика пользуется поддержкой большинства населения.** Как известно, главный принцип демократического общества — оно устроено и основывается на мнении большинства. Нельзя было этого сказать о режиме 90-х годов.

Что касается дальнейших его шагов, они все описываются очень простым подходом: **выполняйте то, что здесь написано**, вот Конституция, там написано «это», выполняйте «это». Мне кажется, ничего более демократичного, чем такое требование, придумать нельзя, потому что просто было предложено всем **исполнять Закон, а не извращать его смысл.** Это есть основа демократического общества. Оно должно быть правовым и должно основываться на законе.

Например (я перечислю некоторые моменты стабилизации, которые вызывали споры), реформа Совета Федерации... «Зачем это сделали? Как же так?» Много было этому причин, но есть одна, с которой невозможно спорить, — Конституция фиксирует разделение властей. В Совет Федерации входили руководители исполнительной власти, они входили в законодательный орган. Это прямое нарушение Конституции. Все приписываемые мотивы — доказать, что Федеральный центр важнее, а регионы вторичны, что-то еще, что-то еще... это все чепуха. Одна причина, которой достаточно, чтобы эта реформа была необходима. И

очень странно, что до сих пор иногда об этом вспоминают как о спорном решении. В нем нет ничего спорного. Оно безусловно с юридической точки зрения.

Были приняты законы об ответственности глав регионов. Тоже было подано как некая попытка найти управу и так далее. Хорошо, а почему глава руководящего органа не должен отвечать, если он совершает противоправные действия и нарушает права граждан? Почему он должен занимать эту должность, если он грубо нарушает те или иные законы? Тоже, на мой взгляд, абсолютно нормальное решение в рамках действующей Конституции.

Было предписано всем привести уставы в порядок, чтобы таких статей, которые я процитировал, в местных конституциях и уставах не наблюдалось. Было еще раз повторено, что **федеральный закон выше регионального**. Но чтобы доказать это и убедить людей в очевидном, понадобилось несколько лет.

Олигархи. Хотел бы напомнить, что олигархи — не просто крупные бизнесмены. Не любой крупный бизнесмен является олигархом, как сейчас почему-то стали думать. **Олигархи возникают там и тогда, когда и где крупный бизнес пытается подменить собой государство**. Было предложено равноудалиться, не болтаться по Кремлю, не шататься по министерствам и не решать вопросы, не входящие в компетенцию. А так, в целом, ходить вместе и ставить общие вопросы для общего развития рыночных отношений. Было предложено платить налоги. Все мы знаем об освобожденных от налогов фирмах, где работали 50 инвалидов, и через которые проходила вся выручка крупнейших нефтяных компаний. Было указано на недопустимость. Это что? Какое-то подавление бизнеса? Всем известен другой скандал с крупной нефтяной фирмой. Оказывается, они добывали на просторах Сибири не нефть, а скважинную жидкость, которая чудесным образом становилась нефтью, доходя до НПЗ. В чем здесь проблема? Кто здесь прав, а кто виноват? Подобный элементарный вопрос в любой стране мира был бы решен беспощадным, жестким образом, потому что, добывая нефть, не надо всем рассказывать, что ты добываешь скважинную жидкость. А надо говорить: «Я добываю нефть», — и честно платить налоги. Потому что **в нашей стране живут еще 140 миллионов человек, у которых нет нефтяной скважины во дворе** и которым тоже надо деньги зарабатывать. **Социальная справедливость требует не очередного передела собственности (зачем к одной несправедливости прибавлять другую?), а честной уплаты налогов**. Судьба средств массовой информации обильно оплакана мировым сообществом. Напоминаю, Первый канал всегда, и в 90-е годы тоже, был каналом, в котором был контрольный пакет государства. Те, кто влиял на его политику откуда-то со стороны, делали это незаконным образом. Как был этот канал государственным, так он им и остался. Он никогда не был ни общественным, ни частным. В чем здесь проблема, тоже непонятно. Еще один известный частный канал набрал у государственных компаний кредитов больше, чем его собственная капитализация, и возвращать их не собирался. Ему сказали: «Либо верни кредит, либо поступай в распоряжение кредитора...». Нормальная рыночная практика, абсолютно понятная, та, которую невозможно оспорить. Что в этом решении политического? Политическим решением было бы, напротив, оставить канал в той ситуации, в которой он, называя себя рыночной структурой, вел бы себя нерыночным образом. Не возвращать долги — это противоречит законам. Если ты их не вернул, поступай в распоряжение кредитора. Если кредитором оказалась государственная структура, ну что ж... У государства он кредитовался, потому что никакой частный банк не дал бы этой фирме кредитов больше, чем размер ее собственной капитализации. Только государство в минуты своего олигархического безумия могло это сделать. Вот и все! В чем здесь проблема? Где здесь свобода слова? И где здесь несправедливость?

Зарплаты и пенсии стали платить вовремя. Оказалось тоже, что это не очень сложно сделать. Но почему-то до Путина этого никто не делал. Это тоже было выполнение закона, потому что только у нас в 90-е годы можно было себе представить, что человек заработал деньги, но их не получил. Как это так? Я работал на заводе на окладе. Представляю, подхожу к окошку, а мне говорят: «Знаете, нет сегодня денег». Я бы умер через две недели. Вообще как это может поместиться у кого-то в голове? Тем не менее было. И восстанавливая здесь порядок, мы тоже привели ситуацию в соответствие с действующим законодательством, которое не велит не платить денег людям, а велит как раз платить то, что человек заработал. И это, кстати, тоже гарантировано Конституцией. Была приостановлена практика активных и бессмысленных внешних заимствований, и, как выяснилось, ничего страшного с нами не случилось.

Очень важный момент: был проведен референдум в Чеченской Республике и **восстановлена территориальная целостность Российской Федерации**, и минимизирована активность тех негодяев, которые истребляли и чеченский народ, и нападали на другие регионы страны. Был восстановлен фактически суверенитет российского народа на всей территории Российской Федерации. На всей ее территории стали действовать ее законы.

Мне кажется, **все эти действия исключительно демократичны, потому что направлены именно на то, чтобы работали законы демократического государства.**

Цифры, которые говорят о достижениях, называть не буду: они опубликованы, напоминаю, в выступлениях Президента и руководства партии. Скажу только, что **с 1999 года по 2004 год реальные доходы граждан возросли на 76%**. Это много. Но чтобы никто не зазнавался, скажу также, что они по оценкам экспертов составляют 88% от уровня доходов граждан в 1991 году. Сделано очень много, но далеко не все. Мы даже, повторюсь, не вернулись на уровень благосостояния, который был в последние годы советской власти.

О том, что было, мы поговорили вдоволь. Конечно, интересно и важно, что будет. Политика Президента Путина очень ясна. Она изложена и в его посланиях, и в его выступлениях на самые разные темы. Как же может развиваться Россия, какой она должна быть страной в будущем? Прежде всего она должна быть страной процветающей, где люди благополучно живут. Ясно, что просто это декларировать может каждый. Вопрос — как это сделать и что для этого нужно? Думаю, что **два стратегических условия должны обеспечить долгосрочное устойчивое развитие — демократия и суверенитет.** Необходимость демократии очевидна, **ведь только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным.** Потому что если в обществе снижен уровень соревновательности, если оно не воспроизводит все время эффективный лидирующий класс, то у такого общества не получится ничего.

Кроме того, немаловажный прагматический момент: **если мы не будем открытым демократическим обществом, если мы не будем широко интегрироваться в мировую экономику, в мировую систему знаний, то мы не получим доступа к современным технологиям Запада, без которых, как мне представляется, модернизация России невозможна.**

Наконец, мне кажется, в демократическом обществе жить все-таки комфортнее. Может быть, я субъективно рассуждаю. Но мне кажется, оно более приятно для жизни.

Что касается суверенитета: почему мы, собственно, должны все время о нем помнить и его беречь? Есть такое явление — глобализация. Сейчас говорят, что национальное государство устарело, оно слишком большое, чтобы решать маленькие задачи, и слишком маленькое, чтобы решать большие задачи. Есть такое модное рассуждение. Действительно, в процессы глобализации — обмен технологиями, товарами, всеобщий открытый рынок — вовлечены волей или неволей в той или иной степени все народы мира. Но не надо при этом думать, что это такой новый коммунизм. **Выгоды от глобализации распределяются неравномерно.** Не хочу сказать, что они распределяются несправедливо, хотя многие думают так, но они неравномерно распределяются.

В подтверждение своих слов процитирую великого русского поэта. Он, оказывается, тоже размышлял на эту тему. *Иосиф Бродский*, работа «Взгляд с карусели», 1990 год: *«Подлинным эквивалентом третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической. Отсутствие международного антитрестовского законодательства обеспечивает перспективу абсолютно ничем не ограниченного соперничества, где все средства хороши и где смысл победы — доминирующее положение. Битвы этой войны будут носить сверхнациональный характер но...»* дальше важно: *«... но торжество всегда будет национальным, то есть по месту прописки победителя. Финансовое могущество принимает обычно разнообразные формы экспансии — экономической, политической, культурной. Купить проще, чем убить. Национальный долг, как форма оккупации, надежнее воинского гарнизона. Представляется вполне вероятным, что страны Восточной Европы, высвободившись из-под коммунистического господства, окажутся в положении стран-должников»*... то есть стран, оккупированных на новый лад. Это говорит поэт Иосиф Бродский, отнюдь не сторонник теории заговора. Думаю, он прав. При всех радостях глобализации, как говорится, дружба дружбой, а дивиденды американцы считают там у себя, англичане — у себя, канадцы — у себя, ну а мы, грешные, — у себя, а большинство считает убытки... Поэтому когда нам говорят, что суверенитет — вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас.

Быть самостоятельной нацией для начала просто выгодно. Если мы не будем управлять собой сами, а передоверим это все, так сказать, транснациональным компаниям, мощным неправительственным благотворительным организациям, которые спят и видят, как бы нас похитрее благотворить и подороже облагодетельствовать, делать им больше нечего... Мне кажется, что в такой ситуации нам будут оставлять на жизнь столько, сколько считают нужным они, а не столько, сколько бы хотели оставить у себя мы. Один известный политолог удачно сказал, что из нас хотели бы сделать службу безопасности по охране их трубопровода, проходящего по нашей территории. Думаю, в целом, это так. Это не значит, что они враги. Нет, они конкуренты. Вот тут, я вижу, бизнесмены есть, они знают, что это такое. Ничего личного. Просто разденут до последних ботинок, политкорректно, при всем уважении. Это нормально. Мы должны к этому спокойно относиться и не обижаться ни на кого. Надо просто самим быть конкурентоспособными.

Суверенитет — это не крепость Россия, как трактуют некоторые наши критики, это не то, что мы с вами взяли и закрыли свои избушки, с утра до вечера пьем водку, дверь на засове держим и знать не знаем соседей, нет! Суверенитет — это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что **суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности.**

Россия, без сомнения, должна оставаться в числе держав, которые принимают решения по вопросам организации мирового порядка. Здесь причина тоже проста. Есть целое направление либеральной мысли, которое предлагает России уйти из глобальной политики. «Давайте сядем в свой дом и будем его обустривать», — говорят нам многие. Мы не против обустройства дома. Но, во-первых, дом так расположился, между трех океанов, что если даже мы захотим в нем тихо сидеть, к нам все равно придут и спать нам не дадут. Во-вторых, мне кажется, **если Россия уйдет из глобальной политики, перестанет влиять на мировые решения, то скорее всего эти решения будут приниматься ей в ущерб.** Это почти очевидно. Что думать о том, кто не может тебе возразить? Его интересы в последнюю очередь, и опять же не потому, что люди плохи или хороши, люди просто таковы. И ничего с этим не сделаешь.

Есть и самая романтическая из важных причин сохранения национального суверенитета: **русские, россияне, уже 500 лет являются государствообразующим народом,** мы нация, привыкшая к государственности. И в отличие от наших многих друзей по Советскому Союзу и многих других стран мы всегда были носителями государственной идеи. Ясно, что некоторые страны, которые объявляют своей национальной идеей вступление в Евросоюз, очень счастливые страны: им много думать не надо. У них все очень просто. Москвали плохие, они во всем виноваты, мы сейчас побежим в Брюссель, и там все будет хорошо. Надо помнить, что все эти нации ни одного дня в своей истории не были суверенными, они не имеют навыка государственного существования. Поэтому вполне понятно, что, когда в Москве не сложилось или сложилось не так, как хотелось, они сразу же, не задумываясь, бегут к другому хозяину. Это нормально. Были провинцией одной страны, станут провинцией другой. Я не представляю себе русских, россиян, которые думают также: «Сейчас мы в ком-то растворимся, к кому-то убежим, и там уж нас обласкают, обогреют и будут нами руководить». И винить нам некого, кроме самих себя, в том, что с нами случилось. И бежать нам некуда, кроме как к себе домой. Вот еще одна, и для меня вообще важнейшая, причина того, что Россия должна быть самостоятельным государством, которое влияет на мировую политику.

Россия должна содействовать выработке **справедливых правил глобализации.** Надо препятствовать монополии одной или двух стран в любой жизненно важной отрасли, поддерживать создание новых резервных валют, новых транспортных и информационных систем, новых международных центров высоких технологий. **Развивая демократию в нашей стране, мы заинтересованы в демократизации и международных отношений.** В них не должно быть места диктату. Свободные нации должны соревноваться и сотрудничать по справедливым правилам.

Мы, конечно, восстанавливаем свои позиции в мировом сообществе. Но я бы хотел напомнить, каким образом. Россия является одним из пяти постоянных членов Совбеза ООН, имеет право «вето», как известно. Насколько все это эффективно — вопрос другой, но это очень почетный статус. Хотел бы напомнить, что статус этот добыт не нами с ва-

ми — он явился результатом итогов Второй мировой войны, в которой одержали победу наши отцы и деды. Это наше наследство.

Мы также являемся членом «Большой восьмерки», даже председательствуем в ней в этом году. Хотел бы также напомнить, что по экономическим показателям Россия не вполне вписывается в «Большую восьмерку» и в этом смысле нам дали аванс, чтобы нас из виду не упустить.

Вот так мы и живем между наследством и авансом. Мне кажется, проблема нашего поколения в том, что свой вклад мы пока всерьез не внесли. **Мы только переходим от политики стабилизации к политике развития. Нет ни одного крупного экономического или социального достижения, которое совершило бы наше с вами поколение.** Об этом надо помнить. Уже и апломб появился, уже и миллиардер на миллиардере сидит и миллиардером погоняет и говорит: «Мы самые умные и все понимаем». Миллионеров вообще девать некуда. Люди настолько горды, как будто порох изобрели. Но они ничего не изобрели. Да и амбициозных голодранцев хватает, которые думают, что они хозяева вселенной, неизвестно, на каком основании. Пока мы не заработали реально, сами, своим трудом статус ведущей мировой державы.

Если мы хотим, чтобы наше общество было устроено демократически, чтобы оно обладало суверенитетом и было действующим лицом в мировой политике, **нам нужно развивать нашу демократию, и здесь основные направления видятся в укреплении, конечно же, структур гражданского общества.** К ним бы я отнес прежде всего **партии** как инструмент гражданского общества, как инструмент участия общества в политической жизни и во власти; это, конечно, **саморегулируемые и некоммерческие организации** самого разного типа; это **местное самоуправление**, которое не является госвластью, как вы помните, а все-таки скорее институт гражданского общества и самоорганизации граждан. И здесь мы с вами много делаем. Реформы 13 сентября, которые были оглашены Президентом после теракта в Беслане, они и направлены на укрепление этих базовых демократических институтов.

Одновременно с обеспечением конституционного принципа единства исполнительной власти процедура наделения полномочиями губернаторов предусматривает согласование их кандидатур с законодательным органом. Таким образом, **роль парламентской части нашего демократического механизма, роль политических партий радикально возрастает.** Уверен, что инициативы партий в формировании местной исполнительной власти будут нарастать, разных партий, естественно, тех, кто будет побеждать на выборах, поскольку по новому закону эта привилегия партиям дана.

Есть также переход на смешанную систему выборов в регионах, на пропорциональную систему выборов в Государственную Думу, что тоже радикально повышает роль партий в политической системе.

О местном самоуправлении вы тоже слышаны: сейчас как раз длится переходный период, в течение которого регионы расширяют эту базу самоорганизации нашего общества. Хотел бы напомнить, что введение пропорциональной системы осложняет для нас с вами задачу на 2007 год. Чтобы партии иметь хотя бы простое большинство, надо набрать больше голосов, чем все остальные избирательные списки вместе взятые. И как вы сами понимаете, это также был **шаг по развитию политической конкуренции**, усилению оппозиции.

Никто 13 сентября не утверждал, что сделаем так и тут же победим терроризм. Мы исходили из того, что общество, в котором прочны демократические институты, которое опирается на массовую политическую базу, такую, как местное самоуправление, такую, как политические партии, оно просто само по себе более устойчиво к таким угрозам, как экстремизм и его наиболее бандитская форма — терроризм. Это институциональная реформа, а не какая-то починка очередного министерства. И тут говорят: «А чем это поможет в борьбе с терроризмом?» А ровно тем, что не будет так же, как в 90-е годы, когда был триллион партий диванного типа, как их называют, полный хаос, партикуляризация и атомизация общества. И в эту кашу, естественно, влезли любые микробы, любая зараза шла в этот разлагающийся организм. **Наша задача оздоровить общество, укрепить его основу, не потеряв при этом преимуществ демократии, соревновательности, сложности нашего культурного устройства и разделения властей.** Вот задача тех реформ. Она выполняется, и я уверен, что приведет к позитивным результатам, в том числе и в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Для развития неправительственных организаций этими же реформами было предусмотрено создание Общественной палаты. Старт этой деятельности весьма успешный. Даже наша с вами любимая пресса, которая очень настороженно встретила эту инициативу, сегодня в целом благожелательно освещает деятельность этого нового органа по реализации и развитию возможностей сотрудничества между государственными структурами и общественными организациями.

У демократии есть большой враг — коррупция. И здесь тоже предстоит еще многое сделать помимо того, что с этим должны бороться правоохранительные органы. В прошлом году было расследовано 7000 дел по коррупции. И не верьте, когда говорят, что наше общество как-то в большей степени коррумпировано, чем большинство обществ мира. Нам пытаются вдолбить это в голову, чтобы дискредитировать власть и внушить нам, что мы люди, мало способные к цивилизованной жизни. Это не так. Но зло это есть — оно пронизывает все системы нашего социального организма.

Конечно, **не в плюс демократии — бедность.** И если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то, конечно, наше общество не может быть устойчивым. Рентабельность демократии не для всех пока очевидна. Она должна быть выгодна ее гражданам в самом прямом смысле слова. Она должна обеспечивать получение гражданами материальных благ, зарабатывание денег и так далее. Нашей демократии еще предстоит доказывать свою эффективность в этом направлении. Уклонение от уплаты налогов, коррупция подрывают экономическую базу демократии. **Устойчивое развитие свободного общества, свободной экономики предполагает более справедливое распределение национального продукта.**

Что угрожает суверенитету как составной части нашей существующей и будущей политической модели? **Основные угрозы суверенности нашей нации — это международный терроризм; это (к счастью, пока очень гипотетическая) угроза прямого военного столкновения; неконкурентоспособность экономики; мягкое поглощение по современным «оранжевым технологиям» при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям.** Чуть подробнее остановлюсь на каждом моменте.

Борьба с международным терроризмом — одно из основных направлений работы Президента и вашей работы. Естественно, тут велика роль наших спецслужб. Кроме силы, **очень важна работа гуманитарного и экономического характера.** Уже многократно говорили о социализации Кавказа, возвращении туда нормальных основ функционирования общества, занятости, восстановлении культурного единства наших народов. Это сложная задача, она на десятилетия, но надо верить в ее реализацию и верить в то, что мы с этой задачей справимся. Не быстро, но нельзя каждый раз при любом сбое в программе опускать руки, и мы, в общем, с вами продемонстрировали, что мы последовательны в решении этой задачи. Важнейшим аспектом является международное сотрудничество в плане борьбы с терроризмом, угрозой для всех, которая имеет корни не только в России, но и по всему миру.

По внешним угрозам военного характера, повторюсь, на сегодня так вопрос, к счастью, не стоит, но мы все реалисты и, к сожалению, должны признать, что всяко может быть, и, естественно, наша **армия и военно-морской флот — основа нашего национального суверенитета, в особенности, конечно, ядерные силы.** И этому вопросу будет уделяться самое большое внимание и сейчас, и в будущем. Вы знаете, удалось доработать некоторые новые виды вооружения, в том числе и стратегического характера.

Экономика. Не будет у нас, конечно, армии, не победим мы терроризм, ничего мы вообще не решим, если у нас будет «хромая» экономика. Экономический рост у нас большой, довольно впечатляющий, но, опять же, надо вспомнить от какого уровня мы растем и не особо зазнаваться. А во-вторых, не всегда понятно, что там у нас растет. Знаете, бывают такие нехорошие болезни, тоже что-то расти начинает, а потом плохо заканчивается. Я к тому, что, конечно, **структурная перестройка экономики, она чудовищно затянулась и рано или поздно эта проблема, плавно ли, жестко ли, но даст о себе знать. И огромные государственные расходы, и неэффективная бюджетная сфера, и слабое развитие передовых отраслей экономики — это проблемы.** Естественно, много разговоров, споров о том, что с этим делать. Есть адепты такого либерального мракобесия, которые предлагают просто все либерализовать до крайней степени, и само все вроде как образуется. Конечно, это не так. Так не будет, и общество должно думать и **вырабатывать реалистическую модель дальнейшего**

развития. Собственно, Президент Путин уже обрисовал эту модель, хотя мы находимся в начале пути. Надо **использовать свои конкурентные преимущества и развивать их.** Потому что если у вас сильные ноги, вам лучше прыгать в длину, а не в шахматы играть. А если у вас большая голова, то, может, лучше и в шахматы играть. И когда мы говорим о высоких технологиях и так далее, мы как-то забываем сказать, откуда они возьмутся. Мне кажется, надо брать то, что у нас и так получается, и просто делать это лучше.

Концепция России как энергетической сверхдержавы, мне кажется, вполне соответствует этому подходу. Все-таки топливно-энергетический комплекс — это главный наш экономический комплекс, который дает львиную долю нашего национального продукта. Естественно, речь ни в коей мере не идет о том, что надо быть и оставаться так называемым сырьевым придатком. Задача не в том, чтобы стать очень большим сырьевым придатком, а в том, чтобы максимально используя наши возможности, развить их и вывести на новый качественный уровень. Возможно, для начала мы должны научиться добывать нефть и газ более современными способами. Не секрет, что мы толком не умеем этого делать, и что мы не умеем сами добывать нефть на шельфе, например, и что у нас, по-моему, нет ни одного НПЗ, отвечающего современным требованиям качества нефтепродуктов (при всей гордости наших нефтяных гигантов и заявлениях о своих достижениях). Для начала мы должны качественно улучшить наш ТЭК, причем не только путем закупки оборудования на Западе, тогда мы действительно станем спецназом, охраняющим их трубу. Мы должны получать доступ к технологиям, экспортируя газ, нефть, нефтепродукты. На мой взгляд, мы должны думать не только о том, сколько денег за это взять (об этом, конечно, само собой надо думать), но деньги, извините за выражение, это бумага. Мы ведь имеем дело с мировыми эмиссионными центрами. Ну что там американцам эти деньги? Они сколько надо, столько их и «нарисуют». **Нам нужны знания! Нам нужны новые технологии!** Тогда и проблемы Стабфонда не будет, куда сплавить то, что набрали. Если мы получим доступ (в кооперации, конечно, с западными странами, в добром сотрудничестве с ними) к новым технологиям, пусть, может быть, не самого последнего дня, мы потом сами, развивая свою систему образования (мы, в общем-то, не глупые в целом люди), сможем выйти уже на те самые высокие технологии. У нас есть энергомашиностроение, которое, конечно, отстало, но у нас есть база, у нас есть люди, у нас есть специалисты, у нас есть от чего плясать. И это надо обязательно использовать. Конечно, нужно развивать и технологии энергосбережения, развивать новые технологии в области транспортировки энергии, энергоносителей, у нас есть и не утрачены пока, к счастью, хорошие возможности в области атомного энергетического комплекса, и это пользуется спросом. Россия должна в кооперации с другими странами думать о топливе будущего, используя преимущество, что у нас столько углеводородного сырья, нужно уже думать о том, что будет после того, когда это все закончится. **И если Россия сможет за счет своих сегодняшних возможностей попасть в международный кооператив, который создаст топливо будущего, тогда наши дети будут жить спокойно.** А если мы все проедем сегодня, пропьем, прогуляем, тогда кто ж нам спасибо скажет?

Также мы имеем определенные навыки в **освоении космоса.** У нас есть **оборонный сектор.** Финансирование научно-исследовательских работ в оборонке возросло в разы за последние годы. Здесь тоже мы не должны утрачивать наши возможности, причем, полагаю, что даже в оборонной промышленности по некоторым направлениям можем кооперироваться с другими странами.

Транспорт и связь. Само расположение России делает ее хорошей дорогой между Востоком и Западом. Здесь тоже есть к чему стремиться и есть с чего начинать.

Спрашиваю одного знакомого: «Что так мало дорог строим?». Он говорит: «Да не возят же ничего, чего их строить?» Говорю: «А ты построй, может, повезут?» Мне кажется, тут есть проблема «курицы и яйца». Конечно, когда человек сидит дома, думает: «Сейчас поеду, там ухабы, свалюсь куда-нибудь да помру». А если хорошая дорога, вокруг прекрасная инфраструктура, он поедет просто так. То же самое и с грузопотоком: **надо создать привлекательную инфраструктуру** — повезут. Надо только показать, что здесь нормально, комфортно, и безопасно, и удобно.

Что касается средств связи, то только **прямое участие российских компаний в создании глобальных информационных сетей** сможет обеспечить место России в приличном обществе. От этого зависит наш суверенитет, и кто мы в мировой паутине — пауки или мухи.

В некоторых отраслях ради сохранения суверенитета необходимо преимущественное влияние национального капитала. Национальный — не обязательно государственный. Но **ТЭК, стратегические коммуникации, финансовая система, оборонная сфера должны быть преимущественно российскими. Остальные отрасли нужно открывать по максимуму для зарубежных инвестиций, для глубокой модернизации.** Мы должны стремиться к участию в глобальной экономике в составе новых мультинациональных корпораций. Именно многонациональных, а не транс-, сверх-, над- и вненациональных. **Экономическое будущее не в исчезновении великих наций, а в их сотрудничестве.**

Что касается мягкого поглощения, это тоже вполне реальная угроза суверенитету. Как это делается, известно: размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты. «Оранжевая» технология это вполне наглядно показывает. Не могу сказать, что вопрос этот снят с повестки дня, потому что если у них это получилось в четырех странах, почему бы это не сделать и в пятой? Думаю, что эти попытки не ограничатся 2007 — 2008 годами. Наши иноземные друзья могут и в будущем как-то пытаться их повторить. Здесь есть одно лекарство, по большому счету, — **формирование национально ориентированного ведущего слоя общества.**

У нас ведь бизнес, который вырос в бурное время 90-х, который родом из советского времени, когда за лишние 100 рублей могли посадить на 100 лет, и господствовала совсем другая мораль, он у нас запуганный, с одной стороны. Да и с другой стороны — тоже. Сложилась такая психология, что называется «оффшорная аристократия»: вроде хозяева жизни, но при этом они видят свое будущее, будущее своих детей не в России. Один из них написал: «Мы воспринимали Россию, как зону свободной охоты...». Промысел такой. «А сейчас поеду на плантацию, как там они?». И дело не в том, что он имеет счета в оффшорах, пусть имеет. Но живет он ментально не здесь, не в России, и держаться за нее такие люди не будут, и заботиться о ней тоже не будут. То есть у них не только деньги в оффшоре, но и голова там же.

Если наше деловое сообщество не трансформируется в национальную буржуазию, то, конечно, будущего у нас нет. Причем даже называя многих этих людей «оффшорной аристократией», отнюдь не нужно считать их врагами: все эти графы Бермудские и князья острова Мэн наши граждане, у которых есть масса причин так себя вести. Эта проблема не решится каким-то одним усилием, одним законом. Можно сколько угодно говорить о том, что собственность незыблема и так далее. Но пока это не уляжется в головах у людей, пока не поверят, что здесь можно работать долго, всю жизнь и оставить все детям, и дети будут здесь тоже жить хорошо, и никто не придет к ним и ничего не отнимет, и не скажет: «Вот ты негодяй, какой! Мы тебя наконец нашли!». Здесь нужно сотрудничество бизнеса и остальной и большей части общества. Я специально не говорю «государство». Государство — это способ самоорганизации общества. Когда говорят о противоречиях бизнеса и государства, это глубочайшее заблуждение. У бизнеса противоречия с обществом, потому что чиновник воспринимает сигналы от общества. Не только у чиновника претензии. Эти претензии распространены более широко. В этом ничего хорошего на самом деле нет, потому что **если отношения между богатыми и не очень богатыми людьми в нашей стране не нормализуются, у нее нет будущего.** И мы должны с вами все сделать для того, чтобы эти отношения гармонизировать, хотя это очень трудно. Гораздо проще стать на популистскую точку зрения: «Бей богатых! Все отнять и поделить». Ни в коем случае нельзя этого делать при всей кажущейся соблазнительности. Лишние 2% на этом заработать? Я имею в виду рейтинг. Не стоит овчинка выделки, потому что последствия будут гораздо хуже. Мы должны беречь наш бизнес-класс, лелеять его и заботиться о нем, а они — платить налоги и уважать общественную традицию и мораль.

Другая мощнейшая часть ведущего слоя — это, конечно, бюрократия. И она должна проделать свой путь от полусоветской, полуконпетентной, привыкшей к поражениям бюрократии к эффективному, конкурентоспособному сообществу государственных служащих, потому что мы и здесь проигрываем соответствующим корпорациям других государств. Я бы сказал, что Госдеп при любом к нему отношении эффективнее пока, расторопнее работает и даже прямо у нас под боком, а мы пока, в целом, не успеваем. Есть такая американская поговорка: ковбои бывают двух видов — быстрые и мертвые. Мне кажется, в наше время надо быстрее все делать, быстрее.

Трансформировав оффшорную аристократию в национальную буржуазию и постсоветскую бюрократию в современную, успешную, гибкую бюрократию, общество может быть спокойным за будущее нашей страны. Здесь требуются нелинейные подходы и долгосрочные усилия по созданию в России атмосферы сотрудничества и стремления к успеху.

И здесь крайне важна проблема образования и, конечно, культуры. Такова хрупкая инфраструктура воспроизводства национальной элиты — образование и культура. И в области образования нам пока есть куда стремиться. Мы любим говорить, что оно у нас лучшее в мире, это не совсем так, между нами говоря. Наши вузы не имеют достаточной материальной базы, они не всегда еще хорошо оснащены и современным интеллектуальным продуктом. Я бы, честно говоря, звал бы и иностранных преподавателей, не стеснялся бы этого. Нам очень важно модернизировать образование, чтобы те, кто заканчивает наши вузы, были по классу не хуже выпускников Гарварда и Массачусетского технологического университета. Я не говорю, что здесь у нас все плохо, здесь, опять же, у нас есть конкурентное преимущество, у нас неплохая система образования, но надо ее развивать, четче ориентировать и, что очень важно, она должна воспроизводить национально ориентированную элиту. У нас же в некоторые вузы зайдешь — там такое услышишь на лекциях о России, там какие-то просто, с позволения сказать, неправительственные организации, а не преподаватели работают, которые, кажется, вот только что деньги пошли из какого-нибудь посольства взяли.

У образования много значений. Создание образа человека и народа. Образа мыслей. Образа будущего. Образование, то есть создание нации, организация ее жизни, ее культура. Образование как возможность прорыва в экономику знаний. Это далеко не все причины, по которым образование, наука, культура требуют особенного к себе отношения. «*Битву при Садовой выиграл прусский учитель*», — сказал *Бисмарк*. «А при Сталинграде — учитель русский», — добавим мы. А получает русский учитель, вы помните, 60% от советской зарплаты. Вот и думайте, платить ли налоги или обождать?

Итак, если мы решим все эти задачи, **Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией. То есть выйдет на путь устойчивого развития. Будет экономически процветающей, политически стабильной, высококультурной. Будет иметь доступ к рычагам влияния на мировую политику. Будет свободной нацией, совместно с другими свободными нациями формирующей справедливый миропорядок.**

Есть ли абсолютная уверенность в том, что все будет так? Абсолютной, конечно, нет. И это благодущие, что у нас стабильность, у нас это, у нас то... Иногда даже с партийцами говоришь: «Что вы не боретесь с оппонентами у себя в области?» — «Ну мы же выше борьбы, мы будем делами что-то там доказывать...». Коллеги, отсылаю к началу своей лекции: **по мере развития демократии информационная борьба обостряется. Борьба за умы.** Хорошо бы это понимать и не надеяться на то, что вегетарианство и непротивление отправят нас в рай. Ничего подобного.

Ведь есть и другие подходы к будущему России. Их очень много, но в политическом спектре я бы выделил **два основных течения, которые оппонируют нам** и которые борются с нами. Кто мешает тому, кто идет вперед? Тот, кто идет назад.

У нас **есть политическая сила, которая предлагает нам сделать шаг назад.** Я бы назвал ее **партией олигархического реванша.**

Не нужно забывать, что в 90-е годы при всем том бардаке, который существовал, очень многие политики, массу которых мы наблюдаем и сейчас в активной политической жизни, жили на самом деле очень хорошо. Те, кто называл себя либералами, что-то бесконечно там делили. А те, кто называл себя державниками, сидели в парламенте, имея большинство, и тоже себя неплохо чувствовали.

Был такой удивительный симбиоз. Между ними вроде было много противоречий, но при этом все они были как бы в доле, потому что оппозиция получала свою статусную ренту со всего происходящего, а правящий, но почему-то находящийся в меньшинстве отряд революционеров имел что-то свое. Естественно, у этих людей дикая ностальгия по тем временам. Приносили им деньги для решения различных вопросов. Ведь можно только представить, насколько упала капитализация некоторых партий, извините за грубость. Ведь раньше они влияли на решения, теперь, честно говоря, особо не влияют. Много мотивов у людей повернуть время вспять. Ностальгия.

Есть и потенциальные политические лидеры у этого направления политической мысли. И зарубежные спонсоры. Безусловно, **мы не можем допустить реставрации олигархического режима, потому что, повторюсь, это путь в никуда, это нежизнеспособная система, ведущая к мгновенной утрате суверенитета и демократии.** Какие бы выводы все эти деятели из прошлого ни сделали, они, как сказано было о Бурбонах, ничего не забыли и ничему не научились. Но потенциальная опасность их возвращения существует, не надо ее сбрасывать со счетов.

Второе направление политической реставрации, я бы сказал, — это партия двух шагов назад. Назову их изоляционистами, потому что слово «патриот», которое они сами к себе прилагают, я бы не пачкал об них. Это такие почти нацисты, люди, которые муссируют дешёвый тезис, что и Запад — это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают, и мусульманский мир нас подpiraет, Россия для русских, Татария, видимо, для татар, Якутия для якутов, видимо, по этой логике... О Кавказе не буду, потому что окажется, что они заодно с Басаевым. Мне кажется, что **если национал-изоляционисты придут к власти в нашей стране, возникнет ухудшенная копия советского, недосоветского, бюрократического государства,** причем даже без советского величия. Это просто будет смехотворная пародия, которая также ввиду своей абсолютной несостоятельности приведет нацию к демографической катастрофе и к политическому краху. Я уж не говорю о том, какие последствия это может иметь для наших граждан, потому что межнациональные конфликты провоцировать в нашей стране очень опасно. У одних во всем русские виноваты, у других — евреи, у третьих — татары, мы так далеко зайдём. Я не пытаюсь кого-то там призвать к любви и нежности в отношении друг друга. Мы с вами не учителя жизни, а практикующие политики. Предложил бы подумать с прагматической точки зрения, к чему это может привести. Благо все примеры у нас в недавнем прошлом. Один раз нам внушили, что казахи, украинцы и другие товарищи — это обуза на шее России. Я хорошо помню статью в одной влиятельной газете на заре перестройки. Украина — убыточная республика. И там нам расписывали про эти убытки, как из нас кровь сосут все наши недавние братья. Поверил, наверно, кто-то в это. И чем закончилось? Мы потеряли полстраны, полнаселения, пол-экономики и так далее. Если мы и сейчас поверим в то, что во всем виноваты те-то и те-то, мы потеряем еще полстраны, еще пол-экономики. Можно и так. Кому как веселее. Считаю, что мы с вами должны быть жестко против. **Мы за Россию, которая для русских, татар, мордвы, осетин, евреев, чеченцев, для всех наших народов, для всей российской нации.**

Вот два основных направления, две основных противостоящих нам политические силы. Они могут оформляться в разные партии, коалиции и так далее. Но именно с ними нам придется иметь дело в ближайшем будущем, в 2007 — 2008 годах, и именно у них нам надо вырвать победу.

И это не просто. Пути демократии не всегда прямые. И не только в России. Демократии угрожают олигархические и национал-изоляционистские группы во многих регионах мира. Добавьте терроризм, международный криминалитет. **Трудности становления демократии в нашей стране, двойные стандарты западной политики дают стимул для разочарования в демократических ценностях.** Едва ли способствуют популярности демократических идей секретные тюрьмы ЦРУ в Европе, незаконное насилие в Ираке, антиконституционные оранжевые перевороты в соседних странах. Такие вещи на руку как раз контрдемократам всех мастей.

Все знают о веймарских ротозеях, которые допустили к власти Гитлера. Демократическим способом. Предлагаю рот не разевать и не зевать. **И не дать сторонникам олигархии разрушить демократию с помощью демократических процедур. То же касается и поклонников национал-диктатуры.** Всех противников народного суверенитета.

Хотел бы также напомнить, что наши оппоненты способны на многое. Один из вождей олигархической оппозиции призывает к силовому захвату власти, другой заявил в Британии, что вообще российскую нефть нужно продавать по 20 долларов за баррель. Видно, так хотелось понравиться западным гражданам. Просто хочется сказать этому человеку: «Не англичане будут вас избирать, а русские вас уже, видимо, не выберут после таких заявлений». И эти все песни, что Россию развратила цена на нефть. Представляете, вам заявят: «Что это ты зарабатываешь 20 000 рублей в месяц? Тебя это развращает. Давай-ка ты будешь зарабатывать 2000 рублей в месяц». Это же абсурд. Как можно собственному народу желать

меньших доходов. Нельзя, конечно, допустить, чтобы мы действительно почивали на лаврах. Но и желать падения цен на нефть России по меньшей мере глупо.

Так что задача на 2007 год у нас серьезная. И задача у партии «Единая Россия» не просто победить в 2007 году, а думать о том и делать все, чтобы обеспечить доминирование партии в течение минимум 10–15 предстоящих лет. Именно для того, чтобы те силы, о которых я говорил, не сбили Россию с того пути, по которому ей предназначено идти сегодня. Если сбьют, мы откатимся на шаг — на два назад и уже с совершенно неясными последствиями. Напомню, что японская либерально-демократическая партия около 40 лет доминировала и до сих пор является основной партией Японии. И шведские социал-демократы находились у власти непрерывно с 1932 по 1976 год. Ничего, нормально.

Что касается основных задач партии, я прежде всего хотел бы выделить еще раз и еще раз подчеркнуть: овладевайте ее идеологией, вы ее знаете, но она слабо вербализована, мы мало ей уделяем внимания. А у наших оппонентов как раз нет идеологии. Хотя они вам говорят: «У вас ее нет». У них ее нет. Не понимаю, как могут левые говорить о демократии и нести одновременно портреты Сталина. Как могут либералы говорить о либеральной судьбе России и одновременно идти в общем строю с нацистами. Мне это непонятно. И это говорит о том, что у них нет идеологии, у них есть только паранойя: они к власти хотят вернуться любой ценой. Или как один известный политический мусорщик и его соратники: то они призывают запретить все еврейские организации, то вдруг приглашают на работу евреев, чтобы вместе бороться с ксенофобией, а заодно борются с олигархами на деньги олигархов. Так ты реши, за что ты борешься. Вот их идеология. Это не идеология, это цинизм, замешанный на страшной жажде поругать. А как раз у нас идеология есть, и, повторю, она очень четко очерчена в многочисленных документах, и партийных, и президентских. Вы просто побольше этому уделяйте времени, особенно те из вас, кто непосредственно отвечает за идеологическую работу.

И поскольку по мере развития демократии сила силы сменяется на силу слова, прошу развивать возможности для нашей пропаганды в каждом регионе. В том числе активно работать по вопросам местного патриотизма. Надо, чтобы все видели, что партия знает местные проблемы и реагирует на них.

Нужно создавать целый класс агитаторов, которые способны примерно, хотя бы как я сегодня, изложить наши позиции, обсудить, подискутировать.

Развивайте внутреннюю дискуссию, не стесняйтесь обсуждать между собой, если что-то непонятно, спорьте. Конечно, не в ущерб партийной дисциплине. Но партийная дискуссия должна развиваться. Если ее не будет в партии, то ее не будет и вовне. Если вы не будете спорить между собой, как вы сможете переубедить других, я не очень себе это представляю.

Забудьте о том, правые вы или левые. Партия общенациональная и здесь синтезированы, как и в обществе, разные интересы. И у нас есть место и бизнесменам, и рабочим, и учителям, и врачам, и военным — всем. В ключевых регионах, в крупнейших регионах, надо создавать постоянные группы по пропагандистскому обеспечению борьбы с политическими противниками. И в каждом регионе должны быть люди, которые получают за это зарплату, которые с утра и до вечера думают о том, как насолить конкурентам, как им возразить, как их поставить в глупое положение. И только так можно одержать победу в политической борьбе.

Уличная технология. Не в каждом регионе у нас партия легкая на подъем. Сам с этим сталкивался, знаю, о чем говорю. Если сохраняется хотя бы один шанс из ста, что в нашей стране ее недоброжелатели могут применить уличные технологии, мы должны быть готовы мирными, законными способами ответить им тем же. Улица должна быть наша и в Москве, и в других крупных городах. Не забывайте, что улица — это тоже метод политической борьбы в виде мирных демонстраций, мирных шествий, и такое право гарантируется нашей Конституцией. Так что чаще бывайте на свежем воздухе. Полезно, уверяю вас.

Молодежь. В партии есть планы по активизации работы с молодежью. Хочу только подчеркнуть, что если в 2007 — 2008 годах партия не продемонстрирует, что она является партией обновления, что она создает вакансии, что она привлекает новых людей в свои ряды и обещает им новые возможности в жизни, то о победе можно будет думать с большим трудом. Партия должна быть дверью, а не стеной. К сожалению, в некоторых структурах, прямо чув-

стнуется, бронзой отливают партийные лидеры, и видно, что, конечно, трудно пробиться к ним простому трудящемуся с накопившимися вопросами. Надо в этом смысле быть, мне кажется, поконтактнее и создавать дополнительные возможности для молодежи в своих рядах.

Надо работать со сторонниками и привлекать всех тех, кого только можно привлечь, если это, конечно, не экстремисты и не какие-то жулики. Я бы сказал так, что все те, кто не против нас, тот за нас. Такова специфика политического момента. Я прошу уделять работе с внешними организациями непартийного толка больше внимания.

Также там, где это выгодно и возможно, прошу вступать в альянсы, в коалиции и с оппозиционными партиями: одно другому не мешает. Надо бороться с ними, но при необходимости там, где наши действия могут быть солидарными, надо участвовать и в совместных акциях. Ничего страшного в этом нет, наоборот, это полезно.

Естественно, прошу не забывать и про реализацию национальных проектов. Хочу еще раз подчеркнуть, что это не раздача денег, это попытка выработать новые подходы в реализации политики по основным направлениям. Вы знаете: жилье, образование, здравоохранение и, наконец-то, село. В кои-то веки перестали говорить, что там все украдут, и наконец отнеслись более серьезно к сельскому хозяйству. Мы должны добиться того, чтобы на селе, и в нашей высшей школе и в средней школе, и в медицинских учреждениях мы бы смогли за этот период уже показать какой-то результат. И для этого все у нас есть.

Еще раз попрошу вас активнее изучать идеологические документы Президента и партии. Хочу вас поблагодарить за то, что вы с нами, что вы поддерживаете Президента Путина. Спасибо вам большое. Успехов.

*Опубликовано на официальном сайте партии «Единая Россия» 22 февраля 2006 г.
Публикуется по согласованию с руководством официального сайта партии «Единая Россия»*

ОТ СОБИРАНИЯ ЗЕМЕЛЬ К СОБИРАНИЮ НАРОДОВ

В определенный исторический момент стержневой целью существования России, ее геостратегией стало «собрание земель», которое выразилось в масштабной территориальной экспансии с последующей социокультурной переработкой населения. Становление России было прочно связано с освоением новых земель, с успехами и неудачами в области интеграции и ассимиляции иноплеменников.

Устройство русского государства, его сословная организация (весь цикл закрепощения от верхнего до низшего сословия и постепенного высвобождения из него), формы сопротивления государственной власти (казачество, раскол и другие способы бегства от государства и его «тягла»), отношения с Церковью и предпринимательским классом, вся система общественных институтов в целом, транспортные, военные и пространственные приоритеты — все это и многое другое было «заточено» под ключевую задачу *собрания земель*.

ТОТАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Итогом такой геостратегии стала держава с территорией и объемом природных ресурсов, намного превышающими пространство и объемы любой другой (на сегодня) страны мира. Мы также доминировали численно, уступая лишь Китаю и Индии, твердо удерживая третье место в рейтинге населенности стран планеты.

Вторым важнейшим результатом выбранной стратегии было то, что Россия оказалась единственной страной, не относящейся к Западной Европе, но так и не ставшей ее колонией хотя бы на краткий исторический период. Мы всегда себя защищали, даже в период гражданской смуты, чего не смогли сделать ни страны ислама, ни многочисленные и цивилизационно многоопытные Китай и Индия.

Таким образом, стратегия *собрания земель* полностью себя оправдала.

И это была тотальная стратегия. Василий Ключевский утверждал, что вся история русского народа — это история колонизации. Собственно, русский народ состоялся как суперэтнос (используя язык Льва Гумилева) именно что в процессе колонизации, выявляя несокрушимое качество культурной ассимиляции, которое возможно исключительно в связке с открытостью, терпимостью и культурным любопытством. В результате был создан социокультурный сплав, получивший устами Достоевского имя *всемирного*.

Итак, русская история — это история колонизации... Но не вся. Спустя почти век после смерти Ключевского стало ясно, что не вся.

В XX веке Россия пережила как несколько триумфов центристской политики, блестящих геополитических побед, так и несколько сомасштабных геокультурных катастроф. Мы уступали земли, и мы отпускали целые страны и регионы — так было с Польшей, Финляндией, Карсом. Мы боролись с центробежными национализмами. Мы делали барские подношения — Крым. Мы также пытались взять то, что нам не могло принадлежать, — Афганистан.

Но именно в XX веке, на пике своего могущества после окончания Второй мировой войны, мы (чуть ли не впервые) прибегли к несвойственному нам способу формирования пространства контроля не путем присоединения и распространения на приобретенные земли гражданских (ранее — подданных) прав, а путем формирования пояса геополитических фаворитов (стран соцсодружества)

Об этом неоднократно писал философ-публицист Борис Межуев, указывая на то, что Россия явилась единственной империей в XX веке, устранившей, еще в период нахождения у власти Временного правительства, все виды дискриминации подданных по национальному, расовому или религиозному принципу, предоставив всем народам, входящим в состав Российской империи, равные избирательные права. Причем начало этому процессу было положено в рамках избирательного закона 1906 г., который обеспечил представителей неправославного населения империи правом голосовать и быть избранными в Государственную думу. «Причина такой

легкости коренилась в том, что Россия упорно не желала признавать себя “колониальной” империей, аналогичной Британской или Французской: на такой позиции в начале века — особенно в период обострения отношений с Англией в конце XIX столетия — сходились практически все русское общество — от монархистов до крайне левых. Именно поэтому провозглашение политического равноправия всех народов империи до сих пор кажется нашим согражданам совершенно естественным актом, своего рода восстановлением поправленной исторической справедливости, при том что ни на что похожее не отважились даже французские социалисты в период нахождения у власти Народного Фронта в 1930-х годах» (Б.Межуев).

Но в конце сороковых по итогам войны политика Кремля резко меняется. Расширению и включению новых народов в гражданский состав СССР руководство страны предпочло создание пояса фаворитов, а собственную страну стыдливо прикрыло железным занавесом. Видимо, это и стало прелюдией внутреннего *Перелома*.

Совсем скоро, в 1960-е, произошел слом многовекового колониационного тренда. Русский народ двинулся вспять, в свой исторический центр — Московию, а часть его и того дальше — на Запад, с которым у части населения произошла культурная ассоциация (90-е годы лишь обнажили этот процесс). Вся информация об этом в советские годы была засекречена не хуже, чем местонахождение ядерного потенциала. Но традиционная кремлевская секретность не могла снять нарастающую проблему.

В те же 60-е годы нетто-коэффициент воспроизводства населения страны опустился ниже единицы и с тех пор, за исключением краткого периода 1986–1988 гг., таким и остается. Другими словами, замещение поколений с этого момента стало отрицательным — каждое последующее было меньше предыдущего.

Тогда же произошел слом тренда мужской смертности, которая, вопреки всему, после долгого падения стала расти — что происходит и по сей день, когда больше половины мужского населения страны не доживает до не такого уж высокого пенсионного возраста.

Наконец, в конце 1960-х, когда наш идеологический враг переживал культурную революцию, мы предпочли законсервироваться. В результате формирование *нового отношения к человеку и нового отношения человека к действительности*, закрепленного в рамках так называемого второго эпидемиологического перехода — фитнес-революции, — не состоялось.

То, что все это закончилось 91-м годом, — не удивительно.

СМЕНА БАЗОВОЙ СТРАТЕГИИ

Наше историческое отношение к пространству и народонаселению нужно кардинальным образом менять. Почему?

Да потому, что у нас больше нет демографического избытка. Мы больше не можем генерировать колониационные волны из центра к периферии, построенные на массовом выбросе коренного населения. Ведь исторический колониационный потенциал русского народа был подкреплен показателями естественного прироста населения. Сегодня это кажется невероятным, но в конце XIX — начале XX вв. рождаемость у великороссов, малороссов и белорусов была много выше, чем у других народов. В крестьянских семьях Центральной России детей было больше, чем в сельских же семьях народов Северного Кавказа и Средней Азии. Естественно, что в тот период страну распирало от избытка энергии, и она могла позволить себе любой масштабный колониационный проект. *«Что людишек жалеть — бабы еще нарожают»*, — в этом циничном афоризме была своя известная логика. Демографический взрыв в России на рубеже веков по своей мощности позволял решить геополитические задачи по уплотнению системы расселения на огромной территории от Карпат до Тихого океана. Но все это в прошлом.

У нас больше нет возможности продолжать экстенсивное освоение огромного пространства, и тем более такими методами, какие мы применяли в рамках системы ГУЛАГа (неоднократно обращалось внимание на тот факт, что карта Главного управления лагерей совпадает с картой индустриализации СССР).

Мы уже не можем действовать в аграрной логике, «сажая» колонизацию на земельные наделы (вспомним политику русского правительства на Дальнем Востоке в начале XX века), — времена изменились, и доля традиционно аграрного населения будет неизбежно падать до незначительных величин.

Мы уже никогда не сможем «затыкать» дыры, возникшие в результате масштабных управленческих ошибок, дешёвыми (и, казалось бы, неисчерпаемыми) человеческими ресурсами...

...а значит, необходимость смены пятивековой геостратегии — очевидна.

Очевидны и возможности осуществления такой смены. Ведь у нас огромная геокультурная периферия — и это не только постсоветское пространство, еще нами удерживаемое невзирая на участвовавшие внешнеполитические ошибки Кремля.

Мы по-прежнему первая страна в мире и по площади, и по ресурсам, хранящимся в наших недрах, что обеспечивает нам уникальный собственный энергетический баланс и завидную долю в глобальном энергетическом балансе, а следовательно, уверенное будущее.

Но при этом мы допускаем нарастание антропопустынь — «остывающих» от человеческого присутствия пространств старообжитых территорий. На нашей территории господствует «западный дрейф», — массовое перемещение населения с востока на запад — превращающий страну, в системе глобального обмена населением, в транзитную территорию. Мы испытываем возрастающее демографическое давление со стороны наших восточных и южных соседей, с одной стороны, и с другой, западной стороны, мы сталкиваемся с настойчивым выманиванием наших ученых и талантливой молодежи.

Все сказанное позволяет почувствовать направление, в котором просматривается наша новая геостратегия. Стратегия, учитывающая слом вековых отечественных трендов, нарастающую силу новых глобальных тенденций, учитывающая те заделы, которые мы имеем благодаря и вопреки нашей истории, и чутко улавливающая открывающиеся возможности...

Поэтому необходимо говорить о переходе — *от геостратегии собирания земель к геостратегии собирания народов.*

С ОПОРОЙ НА БЫЛОЕ

Мы находимся в состоянии, когда еще можем избежать катастрофы. И несмотря на то что — утратив в 1991-м земли на западном и южном рубежах с проживающим на них населением, мы в миг уполовинили свою численность (на западе и на юге мы лишились практически всего, чего можно было лишиться, но и это не предел: остаются калининградский эксклав и Северный Кавказ; на востоке после истории с Аляской и Алеутами мы, сколь это ни удивительно, ничего не потеряли — разве что в последнем эпизоде российско-китайских отношений Амурские острова; но именно на востоке сохраняется угроза глобального геополитического поражения);

— утратив механизм не то что расширенного, но даже простого воспроизводства населения в ситуации слабой освоенности земель за Уралом и демографического давления со стороны перенаселенных трудоизбыточных соседей, мы оказались не готовы к последствиям глобального демографического перехода;

— сумев подготовить и развернуть в XX веке грандиозный проект новых общественных отношений и человека нового типа, проведя масштабный социокультурный эксперимент, мы пришли к ситуации тотального уничтожения практически всех общественных институтов, в результате чего на сегодня имеем крайне низкую степень как социальной структурированности, так и социальной связности с туманными перспективами их быстрого восстановления;

— поразив в свое время мир скоростью разворачивания индустриального проекта, мы, тем не менее, оказались не готовы совершить следующий шаг (причем на сегодня лишнего времени для преодоления постиндустриального барьера у нас нет, фактически мы ограничены темпом втягивания нас в чужие глобальные производственные цепочки, предписывающие России долгосрочную сырьевую специализацию);

— проиграв Холодную мировую, мы, как всякий проигравший, вынуждены выплачивать репарации победителю, который сегодня во многом предопределяет русло развития культурной политики в стране. В итоге не российское государство, а большой мир, олицетворяемый Западом, обеспечивает личные права и возможности капитализации граждан России...

...шанс у нас остается. Шанс сохранения себя в истории.

Проект *сбирания народов* может быть успешным только в том случае, если будет предъявлен идеологический стержень, вокруг которого начнет формироваться *нация*, в языке христианской мифопоэтики — «Новая Земля Обетованная». Нация не как этнокультурная общность, не как кровь и плоть, а как дух и язык, оформленный в непреложные политические принципы. И это будет новый универсалистский проект, указующий на вечные ценности. Таковыми — универсалистскими — были как наши собственные исторические проекты «Третьего Рима» и коммунизма, так и современные проекты, сформулированные интеллектуалами объединяю-

шейся Европы, политического ислама и неоконсервативными протестантами США, т.е. элитами полноценных участников исторического процесса.

Какие народы, в каком количестве и, главное, в рамках какого геокультурного проекта будет собирать наша страна — от этого зависит, сможет ли она существовать в будущем именно как Россия (не по этнониму, а по сути культурного наследия) или, как заметил питерский исследователь Дмитрий Житин, — подобно Риму, заселенному варварами, станет лишь разделом в учебном пособии по мировой истории.

В ОЖИДАНИИ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В стране придется менять очень многое. Предстоит подлинная социокультурная модернизация даже не масштабов эпохи Петра Великого, а эпохи монгольского ига, когда в глубине самого ига формировались подходы к работе с пространством, населением, обществом, культурой. Перелом, который нас ждет, сомасштабен эпохе образования Московской Руси.

Главное — придется изменить отношение к человеку: провести подлинную гуманизацию всех сфер жизнедеятельности — армии, систем наказания, взаимоотношения населения с властями, воспитания, образования и репродуктивного поведения.

Без этого невозможно ни сделать Россию привлекательной для миллионов новых граждан, ни существенно поднять качество жизни тех, кто уже является российскими гражданами.

Поэтому новая стратегия России, какой бы она ни была, в обязательном порядке будет иметь дело с *культурной революцией*, задача которой — фундаментально изменить характер отношения к человеку, истребить «звериное» начало в структурах принятия судьбоносных решений.

Опубликовано на сайте «Полит.ру» 16 ноября 2005 г.

ЗАУРАЛЬСКИЙ ПЕТЕРБУРГ: АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Непростые отношения Москвы и России сегодня начинают вырастать в геополитическую проблему. Эта проблема законности нынешней российской столицы как той привилегированной точки, откуда наш сегодняшний Центр видит свою страну и мир. К сожалению, как раз геополитический аспект обычно вовсе и игнорируется идеологами, выступающими на тему новой столицы, — и этим сама постановка проблемы оказывается дискредитированной, ибо, как я попытаюсь показать, иные аргументы в пользу такой идеи могут быть либо вспомогательными, либо псевдоаргументами.

I

В этом отношении очень наглядный пример — статья В. Миронова, опубликованная в свое время в «Независимой газете», с ее, я бы сказал, антигеополитической трактовкой вопроса. По Миронову, Москва «как центр опасной сверхконцентрации власти стала как бы противовесом остальной стране» и тем самым «превратилась в острейшую общенациональную проблему». Предлагается решить эту проблему «всем народом» с подачи Федерального Собрания, сломить неизбежное свирепое сопротивление московских бюрократов, построить новую столицу где-нибудь «в чистом поле» и переселить значительную часть московских чиновников из «старого и усталого города». Тем самым будет покончено со столичным снобизмом, улучшена атмосфера в Москве, сглажены «антимоскальские настроения» в России, внесен вклад в демократизацию, децентрализацию и облегчение жизни глубинки.

Сразу же хочется спросить: кто это будет делать, кто, по Миронову, будет организовывать принятие решения «всем народом», выбирать место для новой столицы, бороться с московской бюрократией, частью которой, собственно, и является наш Центр, обеспечивать поддержку этой идее в силовых структурах, МИДе, Госбанке и т.д.? Это может быть только некая сплотившаяся вокруг данной идеи или подхватившая ее элита, которая была бы, во-первых, в таком варианте заинтересована, во-вторых, располагала бы средствами, позволяющими переселить московскую правящую верхушку, и значит — сформировать новый Центр.

Попытаемся проанализировать этот сюжет дальше. Понятно, что инициаторами подобного «всенародного решения» — говоря словами Сталина, «организаторами вставания» — могли бы быть только те люди, для которых такой вариант означал бы резкое улучшение их собственных позиций, иначе говоря, политики и бизнесмены, принадлежащие к элитам «второй руки», региональным и отчасти столичным, пытающиеся легитимно получить власть во всероссийском масштабе. Пропаганда переноса столицы должна была бы завоевать сердца россиян для элиты-претендента, открывая некие «светлые горизонты» перед страной и ее гражданами. Но как раз при внушении такого взгляда доводы, конструируемые Мироновым и по существу сводящиеся к голому «антимоскализму», никак не могут присутствовать на первом плане, не говоря о том, что пустить все начинание на дно, подорвав у пропагандируемых малейшее доверие к элите-претенденту.

Ибо последняя и без того будет очевидно небескорыстна, нацелена на захват власти и даже вовсе не обязана убеждать народ, ожегшийся на «демократах», в своей незамазанности земным прахом. Беда в ином: демагогический «антимоскализм», с обещаниями отпустить регионы и глубинки на вольную волю после выноса столицы в чисто полюшко, скорее всего уверит население в полном отсутствии за душой у выражающих свои притязания на власть и перенос столицы чего-либо, помимо желания урвать и свой кусок от истончившегося российского пирога. Вообще, региональные элиты, при обычном своем ворчании на Москву, достаточно наловчились улаживать с нею дела и закрепили за собой слишком много «феодалных свобод», чтобы

испытывать желание подпускать к обустройству государства еще и субъектов, кричащих о «сверхконцентрации власти в старом, усталом городе» как об общенациональной проблеме.

В то же время во всех сколько-нибудь значительных проектах и прогнозах мы должны исходить не из свойств нынешнего режима, а из неизбежности прихода ему на смену к концу десятилетия режима-антитезы. Каким он будет, пока неясно, диапазон возможностей довольно велик. Определенно можно сказать только одно: его идеология и политика будут преподнесены как реакция на многие не оправдавшие себя установки и надежды времен перестройки и начала так называемых «реформ». Это будет, несомненно, режим «контрреформ», и история нескольких русских поколений будет определяться тем, какую из нескольких возможных форм обретет эта реакция, пройдет она в ущерб или во благо России. Идея новой столицы сейчас может проецироваться не на контекст «радикальных демократических реформ», а только лишь на контекст близящихся «контрреформ». Не исключено, что, войдя в идеологическое поле наших элит, она сможет сильнейшим образом воздействовать на протекание этой реакции. Я допускаю даже, что смена режима будет опосредована столь решительной самодискредитацией московских властей, что в переломной точке откроется возможность для волевой реализации и такого проекта, как перенос столицы.

Чтобы в подобных обстоятельствах этот акт не усугубил хаоса в стране, он не должен преподноситься как отпускание всего и вся на вольное «самоспасание утопающих». Новое местоположение Центра должно выглядеть не случайно выпавшим в чистом поле привалом эмигрантов из столицы, а как геополитически необходимый узел, скрепляющий страну. Идея новой столицы в условиях, когда ориентиры московских правителей разошлись с реальными обстоятельствами страны, должна предстать не идеей вольноотпущенничества, но идеей строительной, снимающей отчаяние отчаявшихся и связывающей несвязанные, бродячие социальные и политические энергии.

II

Среди событий октября 1993 г. досадно малозаметным оказался призыв Верховных Советов сибирских республик и малых советов восточных областей к Руцкому и Хасбулатову — перенести в борьбе с Ельциным резиденцию Верховного Совета РФ и созданного им правительства в Новосибирск. Имея шанс при поддержке массы евросибирских местных элит разыграть этот вариант и попытаться низвести Москву на положение заблокированного Западного Берлина, оппозиция, однако, выбрала тогда обреченный путь битвы за существующую столицу. Минув год, и омский губернатор Леонид Полежаев, один из самых способных региональных администраторов, написал в «Деловом мире» (16.09.1994): «Не будет больше такого положения в России, когда западная часть страны управляла, отчасти колонией, необозримым, экономически более мощным материком... Нужна не просто новая концепция государственного строительства, а переоценка ее составляющих. Акцент политики и экономики под давлением новых обстоятельств придется перенести вглубь территории».

В нарочито обтекаемых тезисах сибирского губернатора на сказано больше, чем во всей статье В. Миронова, как показывает простейший геополитический комментарий к словам о «новых обстоятельствах» и «переоценке составляющих».

В наши имперские века «колониальное» управление Востоком задавалось общепринятым у нас взглядом на Россию как на великую европейскую державу, подкрепляемую в своей европейской игре зауральским — «азиатским» — тылом. «Новые обстоятельства» в том и состоят, что Россия, предоставив независимость своим восточноевропейским имперским владениям, свела — не будем себе лгать! — к минимуму свое присутствие и свою роль в Европе. Последние годы разоблачили нелепость идеи, сопровождавшей роспуск империи, — той именно идеи, что Россия как таковая, после нескольких десятилетий ее противостояния с Западом по ялтинским рубежам, будет принята в европейские и евро-атлантические структуры, стоит только отказаться от тех самых земель, которые в материальном плане делали ее неоспоримо европейской силой. Конец 1991 г. был временем счастливого недоразумения: мы радовались, что «вернулись в европейскую цивилизацию», а Европа начинала осознавать, что похоже, избавилась от нас. Сегодня недоразумение рассеялось — и не в нашу пользу.

Между тем, отодвинувшись от Европы, Россия не стала из-за этого азиатским государством, уравнив этот отход не меньшим отступлением от Ближнего и Среднего Востока. Ныне наша страна меньше, чем когда-либо за последние три века, принадлежит мирам как Евро-

пы, так и Азии, — да и затасканное словечко «Евразия» вовсе не передает ее сегодняшней обособленности на материке. Прямое внешнее давление на Россию снижено: за вычетом Китая, ее окружает на суше пояс государств, несравнимых с нею по военной мощи, а у нее самой, если она не сделает ставку на изнурительную имперскую реставрацию, не обнаруживается внешних целей, на которых она должна была бы сосредоточивать силы, стремясь к серьезному изменению европейского или азиатского status quo.

Как следствие, российская геополитика все более становится геополитикой внутренней, нацеленной на оптимизацию использования российских пространств, на востребование возможностей, пребывавших в имперскую эпоху «задепонированными». С отчетливостью открывается, что даже главный внешний вызов, с коим нам сегодня приходится иметь дело, китайский демографический нажим на Приморье, на две трети сводим к внутренней российской проблеме недоосвоенности дальневосточных земель. Совершающееся геополитическое обращение России к себе самой порождает вовсе не только регионализацию и федерализацию ее устройства. Тенденцией на самом деле более важной оказывается та «переоценка составляющих», на которую намекает омский губернатор.

III

Сегодня Россия четко членится на три огромные географические платформы: западную (евророссийскую), урало-сибирскую и приморскую. По их стыкам тянутся с севера на юг большие меридиональные пояса этнических образований — поволжский и якуто-бурятский, причем к последнему регионально тяготеют две русские области Прибайкалья — Иркутская и Читинская. Из трех основных платформ каждая несет свой собственный геополитический потенциал, — и величайшие сдвиги в строении державы определяются не федерализацией как таковой, а объективными изменениями в структурной роли именно этих трех образующих Россию пространств.

Начнем с платформы, которую я обозначаю как «Евророссию», то есть «часть России, выдвинутую в сторону Европы», в отличие от привычного термина «европейская Россия», создающего принадлежности этой российской земли, в отличие от всей остальной, к европейскому миру. Так вот, Евророссия сохранила после империи в крайне урезанном виде подступы к евроатлантическим окраинам: Восточной Европе, Балтике, Черноморью. Большинство внешних или окраинных проблем, тревоживших нас последние годы, являются по своему геополитическому характеру евророссийскими: таковы вопросы Грузии, Чечни, Ингушетии, Молдовы, Крыма, стычки с балтами, демарши против «расширительных» поползновений НАТО — и злость на турок, приватизирующих Дарданеллы после отступления России до Азова. Признаемся, во всех этих случаях мы эпигонски расхлебываем последствия и нашей империи, и ее роспуска: здесь масса обязательств и минимум перспектив — день пережит, и слава богу.

Дальний Восток с его крепкой элитой из местных боссов, региональной мафии и командования Тихоокеанского флота, естественно, сползает в тихоокеанский и индоокеанский мир, будучи крайне слабо связан с делами Евророссии. По прогнозам некоторых экспертов, крупномасштабный политический кризис в России мог бы вообще соблазнить Приморье на попытку «автономного плаванья» под флагами, импонирующими «мировому цивилизованному сообществу», и с неясным исходом. Конечно, если устроится с топливом, в самом прямом смысле.

На этом фоне резко изменяется роль Урало-Сибири, что еще не вполне осознает основная масса жителей этого края. На деле этот регион с его ресурсами, в том числе топливными, с его технологиями, с его аэродромами и Транссибом, перестает после нашего отхода из Европы служить только «базой», питающей Евророссию в ее устремленности на запад. Теперь Урало-Сибирь обретает немислимое прежде качество того стержневого, срединного ареала, каковым синтезируется и держится российская государственная целостность. Устоявшаяся географическая терминология морочит нам голову: мы зовем «Центральной Россией» часть упершегося в Восточную Европу запада страны, ее фактическое приграничье, между тем как подлинную Центральную Россию представляет сегодня русская Южная Сибирь, с Уралом на входе.

Карты плотности населения, авто- и железнодорожных путей, энергосетей и распределения промышленных предприятий — все без исключения дают одну и ту же картину: размазанный контур огромной воронки с раструбом в Евророссии, резким сужением от Урала к Иркутску и полуобособленными анклавами Приморья и Якутии. Это — воронка российской цивилизации, упирающаяся узкой частью в ареал наших наибольших, «задепонированных» природ-

ных ресурсов. Вдумаемся: успехи сил, оппозиционных любому московскому Центру — не обязательно нынешнему — в той или иной части Евророссии, определенно, будут «смазаны» ее экономгеографической, энергетической, транспортной целостностью. Между тем, добейся такая оппозиционная сила контроля над зоной сужения цивилизационной воронки — группой городских центров между Тюменью и Иркутском — и в важнейших моментах такая сила определит все российское будущее: и доступ России к Мировому океану, и соприкосновение с тихоокеанским котлом технологий, и самоопределение Приморья, и шансы Китая в северной Евро-Азии, и то, кто будет разрабатывать и доосваивать Сибирь, и поведение народов на меридиональных этнических поясах, если последние окажутся не внутри «русской России», а на ее актуализирующихся разломах.

Более того, в пределах этой платформы можно выделить участок повышенной структурной значимости. Если Евророссия исторически разворачивается с севера на юг (отсюда и «Центральная Россия» в устаревающем словоупотреблении), так что великие реки Волга и Дон выступают существеннейшими компонентами ее организации, то зауральская Новая Россия организована Транссибом и авиалиниями как протянувшаяся с запада на восток, и сейчас она начинает навязывать эту свою структуру России в целом. Очевидно, что при этом могла бы оказаться исключительно важной композиционная роль соприкасающегося с южным Приуральем так называемого Нижнего Поволжья в качестве сочленения этих развертываний России Старой и Новой. И впрямь, стратегическая ценность этого района видна из истории: именно на него было нацелено германское наступление 1942 г. Но в то же время иные, вполне объективные факторы предостерегают от такого геополитического строительства, которое бы доверчиво акцентировало естественную значимость этого пространственного узла России. Среди таких факторов — уязвимая близость Нижнего Поволжья к Кавказу и Средней Азии с маячащим за ними Средним Востоком, своего рода зажатость этого края между подступающим к России югом и входящими в нее поволжскими республиками исламских народов. Напротив, рациональная стратегия внутренней геополитики требовала бы серьезного перераспределения композиционной значимости Нижнего Поволжья в пользу некоего иного района, способного при большей безопасности для внешних воздействий выполнить сходную миссию в связывании России пред- и зауральской. В качестве такого узла отчетливо выделяется юго-запад Сибири, верховья обско-иртышского бассейна с охватом Тюмени, Новосибирска, Тобольска, Томска. Это не только место концентрации российских и европейских топливных ресурсов, — не менее важно и его равновесное положение между Старой и Новой Россией и схождение здесь железнодорожных путей, устремляющихся в Евророссию через Южный и Северный Урал, в том числе миная исламские автономии. Сейчас здесь находится подлинное геополитическое сердце России, и непонимание федеральными властями новой реальности может превратить это сердце в «ахиллесову пята».

Южная Сибирь способна стать местом сугубо внутренней уязвимости России, ее испытания на разлом. Но, с другой стороны, это сейчас единственный мыслимый плацдарм для подлинного «отыгрыша» и роста российской цивилизации. Роста экстенсивного, вширь — разведками в Северную Сибирь и очаговым в нее внедрением, которое оправдало бы в конце концов идею второго Транссиба до Аляски. И, прежде всего, роста интенсивного, который придал бы нашей цивилизации новое, но предреченное еще О. Шпенглером «русско-сибирское» качество — соединением в гигантский инновационный комплекс урало-сибирских технологических возможностей с потенциалом главных для нас сегодня тихоокеанских портов.

IV

Вот в этом-то контексте и надо ставить вопрос о месте и миссии Центра. Москва периода «реформ» стала символом самоопределения русских как маргинального народа Восточной Европы. Обретающаяся вблизи западного приграничья, столица играет роль пародийно вывернутую по сравнению с ролью императорского Петербурга: вместо напора на Евро-Атлантику — паразитарное за нее цепляние. Окутавшая Центр московская элита перенасыщена аристократами без рода и племени, технократами без знаний и харизматиками без харизмы, уверенными, что их Россия — до окружного кольца — вполне в «мировом цивилизованном сообществе» и даже без Сибири с Приморьем ничего не потеряет. Московская бюрократия на деле гнетет не так численностью, как нефункциональностью, в своем неприятии объективного движения страны к «переоценке составляющих». Но эта нефункциональность неуязвима, пока столичное запад-

ничество ее оправдывает установкой на бесцельное прозябание страны по ту сторону «конца истории». Л.Полежаев допускает серьезный просчет, когда риторически связывает регионализацию державничества, строительство державы снизу и «переоценку составляющих» с неким демократическим «поворотом лицом к Европе»: именно претензия на статус западного авангарда в России дает Москве мнимое право манипулировать ресурсами страны. Нам нужен не «поворот лицом к Европе», куда мы взирали в течение всех имперских веков, а поворот к неиспользованным возможностям, открывающимся в нынешнем положении России.

Державническая оппозиция не нашла ничего, что можно было бы противопоставить «новой московской философии», кроме реставрационистских идей, сводящихся к тем или иным вариантам «новой Ялты». Жириновского в отношении Сибири хватило на обещание дать сибирякам самим решать собственные проблемы и на выражение надежды, что благодарные сибиряки не останутся за это в долгу перед своей родной страной. Однако предвидя наступление нового режима, который будет реакцией на сегодняшнюю демократическую брежневщину и попытается обозначить новые цели для России, нужно отметить, что в геополитическом плане выбор этого режима будет невелик. Либо «новая Ялта» русскими ресурсами и русской кровью — либо «переоценка составляющих России» с фокусировкой активности Центра на тех краях, которыми обновится место страны в мире и ее национальная судьба.

История знает примеры тому, как подобные изменения в геополитике народов оборачивались и закреплялись переносами столиц. Петербург, обретя столичный ранг, сделал балтийские форпосты плацдармом российского «похищения Европы», а возвращение столицы в Москву совпало с первым, послеоктябрьским, отступлением русских из Европы и последующим всплеском евразийских веяний. Не менее яркие иноземные примеры. В начале 20-х гг. нашего века сдвигом турецкой столицы из Стамбула в Анкару был отмечен конец обращенной к Балканам Османской империи и возникновение турецкого национального государства на малоазийской платформе. В 60-х гг. переезд столицы Бразилии с Атлантики вглубь континента стал началом наступления бразильцев на громадные лесные массивы в центре страны, до тех пор подвластные только индейцам. В наши дни проекты перенесения столиц Германии и Казахстана нацелены на интеграцию слабо вписанных в целостность этих государств и, если можно так выразиться, склонных к «отсыханию» регионов на стратегически высокоценных направлениях.

Повторю, мне вовсе не думается, что социальный заказ на новую столицу в России уже созрел и налицо элита, готовая «пробить» такое решение. Русские небыстро запрягают. Но геополитические предпосылки для такого стратегического поворота — способного, в частности, серьезно повлиять на динамику проблемы Северного Казахстана — уже вполне зримы. И если наступивший век увидит еще одну столицу в российской истории, едва ли можно сомневаться, в каких краях ей суждено быть воздвигнутой, ибо единственной осмысленной альтернативой такого рода для России, если она хочет сохранить целостность и обрести новые силы, может стать «зауральский Петербург».

КАК СТРОИТЬ РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ

В первую очередь, предложения Президента о реформе региональной власти вызывают вопросы по форме, а не по содержанию. Вроде бы речь идет о коренном переустройстве страны. Если это не шутка. Если речь идет всего-навсего о том, что циркуляры 4-бис не будут задерживаться в одном органе, а сразу передаваться в вышестоящий, то метод проведения реформ выбран правильно, ничего страшного. В этом случае содержание реформ можно было публично и не обсуждать. А если это коренное переустройство, то его нужно подавать по-другому.

Либерализацию цен или даже модели хозрасчета все-таки обсуждали перед тем, как принять. А нынешнюю реформу — не обсуждали. Она выскочила как чертик из табакерки. И дело не в том, что нарушились какие-либо конституционные процедуры, и даже не в самом факте неожиданности и волюнтаризма, а в том, что коренному переустройству государства подобает определенный антураж — король обычно голым не ходит, он ходит в подобающей одежде и с пышной свитой. Так и на пороге крутых изменений, исходя из политической традиции и практической целесообразности, следует объяснять, зачем мы идем и куда мы придем. Административное переустройство всей страны — тема, достойная обращения главы государства к нации, а не одного абзаца.

Есть один очень важный вопрос, который в нашей практике заимствования западной демократии повис в воздухе. Любое ли человеческое множество способно выбирать себе начальство. Можно, например, устроить выборы начальника Курского вокзала проезжающими пассажирами. Даже если это будут безукоризненные демократические выборы, все равно никакой пользы от такой демократии не будет.

К проблеме федеративного устройства все это имеет непосредственное отношение. Федерализм подразумевает местную законодательную деятельность, а для того, чтобы принимать законы, необходимы основания. Первое основание — практическая целесообразность. Второе — нужно понимать, что этому региону исторически свойственно. Поэтому устойчивая законодательная система должна опираться на традиции.

То же самое можно сказать и о всей нашей стране в целом. Россия страдает от произошедшего в 1917 году прекращения исторической государственности, которая должна быть восстановлена. А до той поры можно каждый божий день менять строй, ломать сложившиеся социальные отношения, прижимать и «отжимать» бизнес и т.п. Нет корней, которые бы этому препятствовали.

Это обо всей стране. Но и у региона тоже должна быть традиция, которая предавала бы ему устойчивость. Традиция зиждется на «святынях и преданиях». А со святынями и преданиями связаны русские земли. **Поэтому нужно держаться за традиционное деление на земли и использовать его в государственном строительстве.**

Кстати, роль святынь и преданий поняли наиболее «продвинутые» губернаторы. Прусак переименовал Новгород в Великий Новгород, в других регионах местные власти активно содействуют популяризации местной истории и прославлению местных святынь.

Границы областей не всегда совпадают с границами земель. Они — часть административно-территориального деления — т.е. деления для целей администрирования, а не самоорганизации. Самый яркий пример расхождения между областями и землями есть Сибирская земля, которая, понятным образом, включает в себя ряд областей и краев.

Русские земли можно определить по простому признаку. В православных календарях можно найти «Соборы Святых в такой-то (Тамбовской, Новгородской и т.п.) земле просиявших». Не знаю, правда, полным ли будет список земель, сделанный по такому критерию. Этот вопрос требует дополнительного исследования.

Кроме земель в России существуют края — Краснодарский, Приморский и т.п. Сейчас смысл такого названия территории во многом утерян, но в прошлом «край» — означал край земли. В крае действуют законы Русской земли и соответствующей «малой» земли. Так, например, в Приморском крае должны действовать законы Русской и Сибирской земель.

Но у «края земли» в силу его пограничья, должны быть особые права.

До сих пор мы говорили о русских землях, объединенных культурной традицией. Но в нашей стране есть и иные, нерусские земли, и это — одна из определяющих, главных особенностей России, отличающая ее от большинства современных европейских государств.

Нерусские земли в России бывают двух видов. Первый — это земли, территории которых не являются частью территории Русской земли, например, Чечня. Как поется в солдатской песне «на чужой стороне, на чеченской земле». Они могут находиться или не находиться в составе российского государства по соображениям политической целесообразности. С ними можно объединяться, разъединяться, договариваться и т.д.

Второй вид — это «сросшиеся» земли. Лучший пример — это Татарстан, который одновременно является Татарской землей с татарскими святынями и преданиями и Казанской землей с казанскими святынями и преданиями. Казанская земля — неотъемлемая часть Русской земли с местными и общерусскими святынями: знаменитой Казанской иконой Божьей Матери и Собором Святых, в земле Казанской просиявших.

Подобная ситуация встречается в нашей стране достаточно часто. Эти «сросшиеся земли» должны иметь сложное государственное устройство. Подробнее об этом написано в моей статье «Проблема Татарстана сквозь призму русской языковой картины мира».

Западные страны, как правило, — это национальные государства, в которых состоялся «брак государства и культуры» — необходимое условие существования демократического капиталистического урбанизированного модернизированного государства. «Национальное государство» на русский язык переводится как «земля». И то, что в нашей стране имеются «сросшиеся земли», не дает возможности разделить ее на культурно-однородные территории без потрясения всех основ. Это можно считать плюсом или минусом, но это — исторический факт, это данность. Этим мы и впредь будем отличаться от Франции, Германии и Италии.

Политическое устройство, которое работает с разнокультурными землями — «империя». В толковом словаре английского языка империя определяется как «объединение разных стран под общим управлением». Так что мы, в этом смысле — империя. Российская империя, Россия.

Чтобы наша Российская империя процветала, в объединении должны быть свои выгоды и у русской, и у татарской, и у всякой другой земли.

У нас не только много разных земель. В России много разных народов, живущих на своей и не на своей земле. Например, в Русской земле живут татары и чеченцы. Некоторые народы (армянский, немецкий, еврейский) вообще не имеют собственной земли внутри нашего государства.

А еще у нас люди живут этническими общинами в чужой земле, среди других народов. Например, общинами в Москве живут недавно приехавшие азербайджанцы и китайцы.

Наконец, в каждой земле живут и не образовавшие постоянной социальной организации этнические индивидуумы.

Итак, в России имеется четыре типа этнической организации населения: земли, народы, люди и их общины, и отдельные индивидуумы. Все они должны иметь подобающие права.

Количество понятий — конечно, в разумных пределах, — не имеет решающего значения. Главное, чтобы они были ясными и понятными для населения.

Например, наш закон делит религии всего на два типа: традиционные и нетрадиционные. Скажите, кто традиционнее для России: католик-поляк, баптист-украинец или еврей-иудаист?

Путаница со статусами религий исчезает, когда мы пользуемся ясными для нашей культуры понятиями. Есть вера земли (русской — православие, татарской — ислам и т.п.). В соответствии с этой верой строится законодательство земли, например, устанавливаются ее государственные праздники и выходные дни.

Есть вера народа (русского — православие, еврейского — иудаизм и т.п.), с которой тесно связаны его обычаи. И они требуют уважения, даже если этот народ живет не в своей земле. Правительство могло бы предложить работодателям позволить работникам соблюдать народные обычаи в той мере, в какой это не препятствует делу. Заметим также, что народ в чужой земле больше всего хочет сохранить свои обычаи. При этом он отнюдь не заинтересован в том, чтобы навязывать их другим народам, а тем более всей земле.

Есть вера людей, и она бывает очень разной (у русских, например, это и православие, и старообрядчество, и баптизм и т.д.), и опять же, религиозные права их общин должны быть защищены законом. Например, право на религиозное обучение и воспитание в школах.

Наконец, есть **вера** и у каждого отдельного **человека**, и она может быть самой диковинной. Но, коль скоро он не нарушает правил общежития, он должен иметь возможность оставаться в ладу с законом и со своей верой.

Получаются четыре этнических и четыре религиозных статуса людей, соответствующих русской языковой картине мира. Можно, конечно, спросить, а почему именно русской, ведь различных земель, народов, общин да и просто людей с их собственными взглядами у нас много? Потому что русский язык и русская культура всегда были и остаются «общим знаменателем» для Российской империи. В практическом отношении это означает, что они знакомы всем.

Обобщающий ответ состоит в том, что капитализм или демократия — это не основания религии, это четвертый или пятый пункт в государственном строительстве. Совсем не нужно брить бороды и надевать европейские камзолы, чтобы построить капитализм. В Чили, меры, необходимые для работы капиталистической экономики провели так жестко, как ни в какой другой модернизации, но больше они ничего не трогали. Нам нужно из мирового устройства вычленил ровно то, что нам нужно для эффективной конкуренции в мире. Я не вижу, чем мешает рынку эффективное, опирающееся на традиции государственное устройство. Я, наоборот, могу сказать, чем оно помогает — тем что преобразования будут поддерживаться населением. Чем более естественным образом мы проведем модернизацию (опираясь на традиции, рассчитывая на народ и его историческую память), тем эффективнее будет и экономика.

Во время обсуждения » один из участников заметил, что можно «положить голову за рязанскую землю», но нельзя «погибнуть за рязанскую область». Найдутся ли после путинских реформ территориального устройства люди, готовые «сложить голову за свою землю» и «за Россию» или нет? Или, что требуется гораздо чаще, проявить чувство долга? Говорят, что нужно принимать какие-то особые меры против милиционеров, которые делают паспорта для террористов. Если чувство долга есть, то и мер принимать не надо.

Если реформы проходят без народа, если весь их смысл в том, чтобы обеспечить лучшее взаимодействие номенклатуры между собой, то о чувстве долга и других доблестях можно забыть. Весь разговор, который мы вели о землях и об административном устройстве, и вообще все исследования нашего института направлены на то, чтобы обществу, народу и стране было не все равно. Не все равно, какой закон принимается, кого выберут и т.п., чтобы создавалось мощное напряжение народной заинтересованности — только тогда все будет работать.

Опубликовано на сайте «Полит.ру» 1 ноября 2004 г.

СОВЕТСКИЙ ВКЛАД В СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Слово «коммунизм» употреблялось и употребляется во многих значениях. Я в свое время насчитал более сотни различных употреблений. Выбирать какое-то из них в качестве правильного — занятие бессмысленное и бесперспективное, ибо на этот счет никаких принудительных правил нет. К тому же во всех употреблениях этого слова, которые я рассмотрел, логические правила введения научных понятий не соблюдаются. Не соблюдаются они и в марксистской литературе. Это наносило значительный ущерб репутации марксизма. Знаменитое марксистское определение «полного» коммунизма через распределение «по потребности» стало предметом насмешек в самых широких кругах людей.

Состояние терминологии не есть нечто второстепенное, оно есть важный компонент самого способа исследования и понимания обозначаемых ею объектов. Я с самого начала моих размышлений на тему о коммунизме (а это началось еще в конце тридцатых годов двадцатого столетия!) пошел путем, которому не изменял всю жизнь и не намерен изменять впредь. Убедившись в том, что все то, что в те годы (как и во все последующие) печаталось и говорилось о коммунизме и о советской реальности, так или иначе, не соответствовало тому, что я сам наблюдал в этой реальности, я принял решение изучать эту реальность как нечто объективно данное мне и вырабатывать свое собственное ее понимание, отбросив упомянутый словесный мусор (разумеется, мусор с моей точки зрения). Я различил коммунизм идеологический (коммунистический идеал) и коммунизм реальный, т.е. тот социальный строй (или тип социальной организации человеческих объединений), который получается на самом деле при попытке воплотить идеал в жизнь, причем — получается в силу объективных социальных законов, независимых от сознания и воли людей.

В рамках идеологического коммунизма я различил немарксистский и марксистский идеалы. В первом случае имелся в виду идеал социального строя, при котором ликвидируется частная собственность на средства производства, частное предпринимательство и скопление больших богатств в частном владении. Во втором случае — то специфическое, что внес марксизм. Это специфически марксистское привнесение было четко определено классиками марксизма и общепризнано в советской идеологии. Сюда входят доведение классовой борьбы до диктатуры пролетариата, отмирание государства и денег, различения социализма как низшей стадии коммунизма и «полного» коммунизма и т.д. Я установил для себя, что коммунистический идеал в первом смысле сполна реализовался в Советском Союзе в результате Октябрьской Революции 1917 года, тогда как марксистский идеал не реализовался и, как я установил, в принципе не мог реализоваться в силу объективных социальных законов, которые, кстати сказать, не были известны марксистам (и прочим специалистам в сфере социальных исследований не известны до сих пор).

Сложившийся в СССР социальный строй я стал называть реальным коммунизмом. Для тех, кто считал его неправильным или ненастоящим коммунизмом, я делал оговорку: кому это название не нравится, можно удовольствоваться термином «советский социальный строй» или, короче, «советизм». Я считал и считаю до сих пор советизм наиболее полным (можно сказать — классическим) воплощением коммунистического идеала в первом смысле. И не вижу в обозримом будущем возможности того, что где-то возникнет нечто близкое к нему по уровню этого типа социальной организации. И говоря о советском вкладе в социальный прогресс человечества, я имею в виду именно советизм или реальный коммунизм. В этом отношении наша страна стала величайшим новатором социального прогресса человечества. Советский коммунистический эксперимент является непревзойденным в истории по масштабам, достижениям и влиянию на ход социальной эволюции человечества. И тот факт, что советский коммунизм был разгромлен, не снижает его историческую значительность. Более того, чем дальше он удаляется в прошлое, тем отчетливее проявляются и вырастают его масштабы. Прав был Есенин: большее видится на расстоянии. Убитый великан не становится карликом, а пришедший на его место карлик не становится великаном.

Советизм (реальный коммунизм) возник в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года и прекратил существование в результате антикоммунистического переворота, который начался в августе 1991 года и завершился в октябре 1993 года. Он прожил немногим более семидесяти лет. Срок с исторической точки зрения ничтожный. Он только вступил в стадию зрелости и еще не успел развернуть во всю мощь заложенные в нем потенции. Он был убит в самом начале своего пути, разрушен искусственно, а не изжил себя, как утверждают его враги, разрушители и мародеры. Тем не менее, он успел проявить свою социальную натуру настолько сильно и ярко, что вычеркнуть его из памяти человечества, как это стремятся сделать упомянутые люди, вряд ли удастся. История человечества просто немыслима без него, как немыслима без Великой французской революции конца восемнадцатого века, без наполеоновских войн, без первой мировой войны, без гитлеровского правления в Германии и других значительных событий реальной истории.

А стремление исказить и вычеркнуть совсем из истории советизм превысило все известные случаи такого рода и невольно порождает сомнение в здравом уме носителей этого стремления. Например, при праздновании Дня Победы над Германией в войне 1941-1945 годов говорили о том, что победу одержал народ. Просто народ. При этом не сказали ни слова о том, что это был народ советский, организованный в коммунистическую социальную систему, возглавлявшийся сталинским руководством и т.д. Победа в этой самой грандиозной войне в истории человечества была, прежде всего, и главным образом победой советизма. Это — исторический факт. И каким бы ни было наше субъективное отношение к советизму, игнорирование его означает умышленную фальсификацию истории.

Поразительно то, что в фальсификации сущности и истории советизма принимают участие не только политики и идеологи, но и люди, претендующие на статус ученых. Официально признанное научное понимание советизма так и не было создано в советские годы. Среди причин, помешавших выработке такого понимания можно назвать новизну самого предмета и общее состояние социальных исследований в мире. Но главным препятствием при этом, на мой взгляд, стала господствовавшая в стране марксистская идеология. Марксизм сам претендовал на статус высшей науки о социальных явлениях. И все то, что не укладывалось в его рамки, считалось антинаучным и беспощадно преследовалось. С разгромом советизма марксистская идеология была просто отброшена. Но на ее место пришел воинствующий антикоммунизм и антисоветизм, и условия для создания научного понимания советизма несколько не улучшились. Забавно, что одни и те же попытки построения научной теории советизма, предпринимавшиеся мною, оценивались в советские годы как антисоветизм и антикоммунизм, а теперь оцениваются как апологетика советизма и коммунизма.

Исторически реальный коммунизм (в качестве советизма) возник по такой схеме. Возникла коммунистическая идеология. У нее появились сторонники. Появились революционеры, намеревавшиеся изменить мир в соответствии с призывами ликвидировать частную собственность как основу эксплуататорского общественного устройства. В октябре 1917 года революционеры коммунисты осуществили революцию и захватили высшую власть в России. Они создали новую систему власти, с которой стали создавать коммунистическую экономику и другие компоненты новой социальной организации. В этой организации стала проходить вся жизнь населения страны. Очевидно, что процесс происходил совсем не по марксистской схеме: до революции в России не было никакого коммунистического базиса в марксистском смысле, так что в реальности не было никакого приведения надстроек в соответствие с базисом, а было, наоборот, создание нового базиса по инициативе и под руководством новой власти, т.е. надстройки в марксистском смысле.

Все компоненты новой социальной организации и их взаимоотношения строились не по идеологическому проекту. Такого вообще не было в строгом смысле слова «проект». Были отдельные высказывания на этот счет скорее мечтательного, морализаторского, агитационного и т.п. характера, а не научно обоснованного. Предпринимались попытки какие-то из них претворить в жизнь. Но скоро они отпали как нежизнеспособные и даже просто нелепые. Это не означает, что идеология не сыграла роль. Она как раз сыграла огромную роль, но именно как идеология, т.е. роль средства организации и ориентации масс людей на восстание против существовавшего социального строя, на его разрушение. Думаю, что без коммунистической идеологии это условие, совершенно необходимое для возникновения реального коммунизма в России в те годы, не появилось бы. Позитивная же работа по построению новой (коммунистической)

социальной организации осуществлялась как историческое творчество многих миллионов людей в течение ряда поколений. Это была грандиозная историческая драма и в значительной мере трагедия для многих участников процесса. В нем совершались бесчисленные преступления. Имели место жестокость, обман, насилие, нелепости, ошибки, бессмысленные эксперименты, потери, жертвы и т.п. И все же это был грандиозный исторический процесс, в котором рождалось социальное существо более высокого уровня социальной организации человеческих объединений, какого до того не знала история человечества.

Этот процесс проходил как сознательный в том смысле, что в нем проделывалась огромная интеллектуальная работа, принимались бесчисленные сознательные решения, создавались планы, прилагались сознательно-волевые усилия к их выполнению, строились прогнозы и т.д. Но он не был субъективно произвольным. В нем действовали объективные социальные законы, независимые от воли и сознания людей. Никакого противоречия тут нет: социальные законы суть законы именно сознательно-волевой деятельности людей. Люди не знают о них и зачастую действуют вопреки им, за что они «наказываются» негативными последствиями своих поступков, что не отменяет сам факт существования таких законов. Реальный советский коммунизм сложился не по злumu или добromy умыслу отдельных деятелей истории (хотя такие умыслы суть обычные явления), а как закономерное социальное образование, во всяком случае — не менее закономерное, чем общества прошлого и настоящего, включая западные.

В моих многочисленных книгах и статьях, которые стали публиковаться на многих языках, начиная с 1976 года, я детальнейшим образом описал упомянутые социальные законы и тот тип социального феномена, который сложился в нашей стране и затем во многих других странах в двадцатом веке после Октябрьской революции 1917 года. Это мое описание как в целом, так и в деталях принципиально отличается от марксистского социального учения (называемого историческим материализмом) и марксистского учения о коммунизме (называемого научным коммунизмом). Марксистское учение претендовало (и претендует) на научное понимание социальных явлений, включая реальный коммунизм. Но фактически оно не вышло за рамки идеологии. Я же противопоставил ему именно научный подход. Поясню кратко, в чем состоит отличие научного подхода в моем понимании от идеологического.

Научный подход к социальным явлениям (в моем понимании!) предполагает, что изучаемые объекты существуют в какой-то мере и форме эмпирически, на самом деле, а не в воображении. Их можно наблюдать. Высказываемые при этом суждения можно проверять путем сопоставления их с наблюдаемой реальностью. Когда возникло марксистское учение о коммунизме («научный коммунизм»), в реальности никакого социального явления такого рода нигде не было. И все, что говорилось на эту тему, можно было рассматривать лишь как гипотезы или проекты. В советские же годы специалисты по «научному коммунизму» игнорировали советскую реальность, вырывали из нее лишь то, что можно было изобразить как подтверждение учения Маркса, подгоняли явления реальности под марксистские фразы (фальсифицировали реальность), в лучшем случае утверждали, что коммунизм в стране еще не достроен или что он строится неправильно. Об изучении советской реальности именно как реального коммунизма и речи быть не могло. Всесильная советская идеология (в основе марксистская) расценивала даже самые робкие попытки на этот счет как клевету.

Научный подход к социальным явлениям, далее, означает субъективную беспристрастность в отношении этих явлений. Марксизм же всегда подчеркивал то, что он явился выражением интересов рабочего класса (пролетариата). В советские годы стали говорить об интересах трудящихся, трудового народа. И именно в этой пристрастности марксизма видели его величайшее достоинство. Утверждали, что именно переход на позиции пролетариата позволил классикам марксизма создать якобы научное понимание социальной реальности (и вообще всего на свете, включая атомы, электроны, хромосомы и т.д.). Марксисты до сих пор цепляются за это пристрастие, хотя пролетариат как социальный класс вообще почти исчез с исторической арены в странах западного мира. Да и в России социальная структура населения принимает такой вид, что пролетариат можно обнаружить лишь с помощью словесных махинаций. Думаю, что именно классовая тенденциозность марксизма стала одной из причин того, что марксизм не дал научного понимания социальных явлений вообще и реального коммунизма в особенности.

Говоря все это, я вовсе не отвергаю великую историческую роль марксизма как самой грандиозной в истории человечества гражданской (светской, нерелигиозной) идеологии. Без него была бы невозможна Октябрьская революция 1917 года в России, не возник бы советизм (со-

ветский реальный коммунизм). Но это не превращает марксизм в науку. Идеология состоит из множества суждений (утверждений, высказываний). Далеко не все они ложные. Многие истинны. Иначе идеология не может иметь успех в массе людей, В этом смысле можно говорить о степени адекватности идеологии той реальности, с которой ее соотносят. Марксизм имел довольно высокую степень адекватности той реальности, в которой он возник и затем распространялся. Идеологи и политики выдавали это за подтверждение научности марксизма, чего (научности) на самом деле никогда не было. Вследствие тех перемен, которые произошли в мире (включая нашу страну), степень адекватности марксистской идеологии настолько сократилась, что он утратила всякую позитивную роль. В Советском Союзе она стала одним из важных факторов в том комплексе факторов, который стал условием разгрома советизма (реального коммунизма).

Научный подход к социальным явлениям, наконец, предполагает следование правилам логики и методологии познания. На словах эти правила признаются всеми. Но в практике исследования и сочинения текстов с ними считаются очень редко и в самых примитивных случаях. Обычно же их игнорируют или не знают вообще. Марксисты к ним сознательно относились с презрением, воображая, будто они следуют какой-то высшей (диалектической) логике. Если последнюю понимать как диалектический метод (диалектику), то он в марксизме был сведен к некоему учению об общих законах бытия, а эти законы ограничили заимствованными у Гегеля несколькими общими утверждениями, лишенными методологического смысла. А без фундаментальной логической обработки понятийного аппарата и методов социальных исследований научное понимание современной социальной реальности (включая советизм, западнизм, постсоветизм, глобализацию) исключено даже при наличии страстного желания, иметь его и при поддержке со стороны правящих и имущих слоев населения страны. И не удивительно, что советизм (реальный коммунизм) остался непонятым на научном (в моем понимании научности) уровне как в Советском Союзе, так и на Западе. В официальной (университетской и академической) науке он на этом уровне не понимается и теперь, поскольку необходимые для этого интеллектуальные средства просто отсутствуют. Их не разрабатывают, им не обучают студентов. Если в этом направлении что-то и делается, то лишь отрывочно, случайно, несистематически. На интеллектуальном состоянии сферы социальных исследований это не сказывается заметным образом. А если к сказанному добавить вполне сознательное препятствование новшества на этот счет со стороны массы специалистов в сфере логики, методологии и социологии, то рассчитывать на серьезные перемены в понимании интересующего нас здесь объекта в обозримом будущем не приходится.

Как я сказал выше, в советский период в нашей стране была изобретена социальная организация (строй, система) более высокого уровня, чем все существовавшие ранее и в других странах планеты. Я назвал этот уровень сверхобщественным, мотивируя это следующими соображениями. Осуществив экспликацию понятия «общество» по правилам логики, я установил: в том, что создавалось в Советском Союзе, имели место все основные компоненты социальной организации общества (государственность, правовая сфера, экономика, система образования, культура, идеология и т.д.). Но одновременно сложились над ними явления сверхгосударственности (их называли словами «партия» и «партийный аппарат»), сверхэкономики (в виде органов командно-плановой и централизованной системы построения и управления хозяйством), сверхидеологии (в виде единой гражданской идеологии и идеологического аппарата, контролировавшего всю менталитетную сферу) и т.д. Эти явления образовали целостную систему, подчинившую компоненты социальной организации общества. Последние, говоря языком диалектики, включились в систему сверхобщественной организации в «снятом виде». Тут проявилась общая закономерность развития — новое качество возникло как структурное образование более высокого уровня.

Фактически сложившееся советское сверхобщество было первым в истории человечества сверхобществом огромного масштаба. Наша страна с этой точки зрения опередила западный мир, по крайней мере, на пятьдесят лет. Запад встал на путь эволюции в направлении к сверхобществу лишь после второй мировой войны, причем — под влиянием Советского Союза и в соответствии с социальным законом уподобления противников в мировой борьбе за лидерство. Поскольку советское сверхобщество осталось непонятым в этом его качестве, все его явления оценивались в научной, политической и идеологической среде ошибочно, причем — как на Западе, так и в самом СССР. В последнем даже больше ошибались, чем на Западе. На Западе хо-

тя бы догадывались о преимуществах советизма, придавая в пропаганде им негативную окраску. Советские же политики, идеологи и «ученые» от непомерного приукрашивания советизма в духе западных добродетелей бросились в другую крайность — преклонения перед пропагандистки приукрашенными дефектами западнизма и очернения непонимаемых достоинств своего советизма. Вспомните, что идеи коммунизма (социализма) с человеческим лицом и перестройки страны в западном духе стали навязываться советскому населению сверху, с высот власти и интеллектуальной элиты страны. Очернение советизма превратилось в Советском Союзе буквально в оргию, скорее напоминающую медицинское умопомешательство, чем критическое осмысление реальности. И эта оргия не утихает до сих пор. Теперь к породившим ее факторам добавилось стремление оправдать свою эпохальную глупость и предательское поведение в судьбоносный период истории.

Обычно мои оппоненты выдвигают против моей концепции реального коммунизма такой аргумент: если советский строй был таким, как я его описываю, почему же он рухнул? Такой аргумент есть типичный пример логической безграмотности моих оппонентов. Я на такой вопрос отвечаю так. Во-первых, рухнул не советский социальный строй (советизм), а конкретная страна с таким строем, причем — в конкретных исторических условиях. Социальный строй не существует сам по себе. Это лишь один из аспектов организации жизни конкретного народа в конкретных геополитических условиях, в конкретной социальной среде. Советский Союз рухнул в результате многолетней войны нового типа с западным миром (более полувека!). Исторически сложился целый комплекс факторов, обусловивших этот крах. Среди этих факторов — колоссальный перевес сил Запада, назревание первого в истории специфически коммунистического кризиса в СССР, неизбежные дефекты самого советизма и т.д. Удивительно тут не то, на мой взгляд, что Советский Союз рухнул, а то, что страна в чудовищно трудных условиях перманентной борьбы с мощным западным миром в течение более чем семидесяти лет успешно защищала себя, выиграла крупнейшую в истории войн победу, добилась грандиозных успехов за исторически ничтожно малые сроки. И это — благодаря советизму! Советизм в нашей стране был молодым социальным строем, вполне жизнеспособным и самым совершенным из всего того, что могло сложиться в тех условиях. Он был разрушен искусственно. Причем, главную роль в его разрушении сыграли те, кто по идее должен был его защищать, — сами советские руководители, идеологи, привилегированные категории граждан. Вспомните, что в стране было около восемнадцати миллионов членов КПСС, которые при вступлении в партию давали клятву до последней капли крови сражаться за коммунизм. Они сдали коммунизм без боя, не пролив ни единой капли своей крови.

Но на этом эволюционный прогресс не прекратился. Разгромив советское сверхобщество на Востоке, западный мир сам устремился к сверхобществу. При этом он стремится с помощью российских холуев вообще вычеркнуть из памяти человечества тот факт, что Советский Союз в течение более семидесяти лет был бесспорным лидером эволюционного прогресса человечества. Я считаю, что наш долг как представителей русского народа, который был основным субъектом советизма, научно осмыслить опыт советизма и сохранить его хотя бы в какой-то мере в памяти потомков.

Глава из книги: Распутье. М.: Элефант, 2005.

СССР — БУДУЩЕЕ РОССИИ

Интересные вещи происходят в последнее время с нашей Россией. Прошли времена, когда нас просто не любили и делали вид, что боятся. С 2005 года нас демонстративно не уважают. Так теперь принято.

Украина прямо и официально заявляет, что никогда не была учредителем «несерьезной структуры» СНГ — поскольку не подписывала Устав Содружества. (Это, конечно, прямое издевательство: еще не написаны канонические учебники постсоветской истории, но пока что все помнят, что первый президент Украины Леонид Кравчук был одним из главных застрельщиков СНГ). Грузия публично требует срочно вывести российские военные базы, причём на условиях, интересных исключительно Тбилиси. (Отдельно указывается, что вывод баз — акт помощи безмозглой забитой России, которая без поддержки Грузии никогда не поймёт своего счастья и не придёт к подлинной демократии, уже расцветающей в медовых долинах Кавказа). Литва, вопреки всем договорённостям 2002 года, начинает менять условия калининградского транзита. Она уже требует от граждан России, едущих в Калининград железной дорогой, обязательной и весьма недешевой медицинской страховки. Молдавия устами её президента Владимира Воронина без обиняков говорит, что России пора убираться из региона, а никаких российских санкций против Кишинёва не будет — потому что не будет никогда. Мол, знаем мы этот весь московский трёп.

История с приглашением лидеров балтийских стран на празднование 60-летия Победы вообще превратилась в дурной анекдот. Президент Латвии Вайре Вике-Фрейберга сначала изощренно издевалась над русскими туземцами, дикими нечистоплотными полулюдьми, разрезающими собственное гнилое прошлое на засаленной газетке, а потом милостиво согласилась почтить своим присутствием переполненную возбуждением праздничную Москву. Президенты Эстонии и Литвы демонстративно никуда не едут, словно забыв о том, что отмечаются отнюдь не именины путинского лабрадора, а юбилей окончания Великой войны — итоги и смысл которой вельможные Америка и Европа, кажется, под сомнение до сих пор не ставили.

Хотя пересмотр итогов войны — в части оценки роли СССР как державы-победительницы — уже не за горами. Оно и понятно. У Советского Союза как члена коалиции победителей не осталось правопреемника. Сегодняшней России преподан единственно возможный суровый урок: тот, кто не хочет защищать свою историю, неизбежно потеряет её.

Но — на сей раз дело вовсе не в содержании поступков. В конце концов, и в грузинских демаршах, и в украинской забывчивости, и в балтийской фанаберии — не менее 90% заведомого блефа. Дело — в форме. **Ни с какой уважаемой страной, наипаче членом Совета безопасности ООН в нашу эпоху вязкой политкорректности так развязно и хамски общаться не принято.** И если постсоветские лидеры решили, что пришло время откровенно вытирать о Россию ноги, то это «жжж», как говаривал известный политтехнолог нечеловеческого происхождения, неспроста. Раз шакалы позволяют себе громко и отчетливо огрызаться на льва, значит, лев при смерти. Причём за последний сезон изменилась не столько ситуация в бывшем СССР, сколько понимание этой ситуации субъектами межеумочного постсоветского мира.

Во-первых, всем вдруг стало очевидно, что политика Москвы в бывшем СССР вопиюще неэффективна — и другой быть при нынешней власти не может. Провалы Кремля в Абхазии, на Украине и в Молдове, а потом и скорбное бесчувствие на фоне событий в Киргизии показали, что политико-интеллектуальный ресурс нынешней российской власти практически полностью исчерпан. Ничего, кроме набора примитивных политтехнологических ходов и традиционного по водочно-селёдочному составу десанта убогих прокремлёвских маргиналов Москва, былой светоч прогрессивной части пытливого человечества, постсоветскому миру предложить не может.

Зачем же бояться такую Москву? В такой ситуации надо унижать её как можно больше, чтобы обменять прекращение издевательств на какие-нибудь реальные и внятные уступки. Например: мы перестаем хамить, а вы срочно выводите базы. Или: соглашаетесь с любыми условиями для Калининграда. Стоит заметить, что склонность Владимира Путина выдавать объём

тия и лобзания с зарубежными начальниками за реальное достижение (а чего еще можно ожидать от закомплексованного провинциала, посаженного на престол владельцем футбольного клуба «Челси»? — он и автограф Шрёдера на ресторанном меню преподнес бы своей стране как внешнеполитический прорыв) здесь тоже используется в полной мере. Например: когда путинская Россия в экстренном режиме выведет войска из Грузии, бросая по дороге все осмысленные остатки былой военно-политической роскоши, Кремль тут же объявит о своем дипломатическом успехе: как же, ведь удалось помириться с Грузией, а могли совсем, совсем разругаться!

Во-вторых, постсоветские элиты теперь видят ясно и объемно, что Кремль по сути вообще не оперирует и не мыслит политическими, тем более — геополитическими категориями. Политика представляется нынешнему руководству России исключительно системой частных экономических договорённостей «по понятиям», вуалируемых бесконечными «технологиями» и риторикой, которая, как правило, вообще не связана с реальным содержанием происходящего. В этой системе такие понятия, как «нация», «стратегия», «плацдарм», «союзники», «соотечественники» лишены смысла и используются лишь как слова-паразиты, прикрывающие отсутствие политического содержания в типовом кремлевском высказывании.

Всем известно, например, что Россия не принимала никаких реальных мер, чтобы принудить Латвию хоть в малой степени соблюдать права русского населения этой страны. Почему? А потому что любые экономические санкции были невыгодны придворным «Газпрому» и «Северстали», имеющим в ухоженной балтийской стране свои интересы, и нескольким тысячам высокопоставленных россиян, хранящих деньги на негромких счетах в уютных латвийских банках. И когда вставал вопрос, не пришло ли время сделать что-нибудь реальное для 700 тысяч брошенных в чужом пространстве соотечественников, кремлёвское начальство неизменно рассуждало так: наши деньги — это понятно что, а пыльное быдло, рассыпанное в дебрях сырой Латгалии — оно нам, по сути, зачем?

Дальше. Россия никак не влияла на президентские и парламентские выборы в Литве (хотя успех пророссийских сил мог бы стать ключевым фактором урегулирования проблемы Калининграда), потому что околоремлёвские корпорации на момент выборов не успели обзавестись в этой стране «чисто конкретными» бизнес-интересами. И прав свежепереизбранный молдавским парламентом Владимир Воронин, многожды прав: не введёт Россия против санкции против Молдавии. Потому что это невыгодно тому крупному бизнесу, который уже поучаствовал в молдавской приватизации и теперь собирается задать Путину и Ко традиционный вопрос: послушайте, зачем вам это недоделанное Приднестровье с трухлявой военной базой, когда мы тут живые деньги потерять можем? И неумный Михаил Саакашвили близок к хрустальной истине, как никогда прежде. Ведь результат истерического наката на Россию почти достигнут, причем с нулевого захода: Москва уже готова выводить базы не за 11, как утверждалось еще недавно, а всего за 3-4 года, а главный вопрос — чтобы кто-то дал деньги на сам процесс вывода. И если раньше требовали \$500 млн., то теперь согласны и на \$200-300 млн.. А значит, в конце концов базы России придётся выводить за каких-нибудь 2 года и полностью за свой счёт, поскольку истинная цена кремлевской банно-прачечной «политике» уже известна.

Наряду с другими заметными результатами сегодняшний Кремль, постоянно навязчиво ссылающийся на мифическое «укрепление позиций России в мире» (скоро эти слова будут восприниматься примерно так же, как тезис о неуклонном совершенствовании гражданских свобод в Туркмении и КНДР) продемонстрировал всем, что не понимает самой природы постсоветской реальности. В частности, трехуровневой модели изначального построения СНГ: Россия — еще 11 республик экс-Союза (кроме Балтии) — непризнанные государства. За минувшие 4 года Москва неоднократно давала понять странам второго уровня, что готова по сходной цене продать уровень третий и, тем самым, отказаться от статуса эксклюзивного модератора этнополитических конфликтов в бывшем СССР. Теперь второй уровень убеждён — и небезосновательно — что так оно в результате и получится. А Приднестровье и Абхазия уже не хотят быть с Россией — они просто хотят, чтобы Россия не мешала им выжить.

Наконец, управляющие круги стран СНГ и Балтии получили все возможности убедиться, что, несмотря на псевдопатриотические речи с обитых новорусским бархатом триумфальных трибун, российский правящий клан полностью зависим от США и Западной Европы — так как с этими субъектами связаны жизненно важные меркантильные интересы нынешних властителей РФ. И как бы принципиален ни был для России как государства тот или иной вопрос, всегда можно создать систему давления на Кремль из Вашингтона или Брюсселя, которая заставит

Москву отступить. Потому что ареста своих счетов в западных банках и проблем с недвижимостью на атлантических побережьях никто из знаковых представителей нынешней российской элиты не хочет.

Развитие событий в январе — апреле 2005 года свидетельствует: самого постсоветского пространства как геополитического феномена, возникшего в последние часы 90-х годов XX века, больше нет. И нет России как неформального центра этого пространства, некоронованного председателя СНГ. Теперь евразийский хартленд со всеми его стратегическими ресурсами будет структурирован по-другому. Его плоть составят несколько горизонтальных цепочек более или менее жизнеспособных государств, ориентированных на внешние центры силы: США, Евросоюз, Китай. РФ в таком раскладе останется — и то лишь на полтора-два десятилетия, пока не будет создана альтернативная инфраструктура транзита — источником энергоносителей. И ещё — временным рынком нелегального постсоветского труда.

Может ли Россия, страна, в силу самой логики своего зарождения, становления и развития вынужденная быть системообразующей силой — добиться для себя лучшей участи? Теоретически, да. Может, если возьмёт на вооружение принципиально новый стратегический проект, которому мы дадим условное название — СССР (Содружество стран-союзников России).

В НА-МАРС СТРАНУ

Как возникают империи? Почему государства объединяются в союзы? Почему у одной страны возникает мотивация прислониться к другой? История дает недвусмысленный ответ на этот вопрос. Государство способно и готово добровольно стать младшим партнером другого, если потенциальный старший партнер:

- выступает единственно правильным гарантом безопасности этого государства, в том числе — безопасности социокультурной, то есть, сохранения идентичности «империализуемой» нации;
- создаёт для возможных союзников-сателлитов творческие, интеллектуальные и моральные образцы, которым хочется подражать; — предоставляет элитам этого государства возможности для использования своих ресурсов, недоступные прежде — и немислимые ни в каком другом, альтернативном «большом пространстве»;
- обеспечивает доступ к качественно новым пространствам — экономическим и культурным;
- открывает для растущих, входящих в жизнь поколений «младших партнёров» невиданные доселе возможности вертикальной социальной мобильности: тот, кто мог бы стать лишь первым в деревне, отныне может прорваться в город и даже, со временем, стать в этом громокипящем городе хозяином положения.

Так империя Александра Македонского дала толчок распространению великой эллинской культуры на огромной территории — до Египта, Сирии и Вавилонии. Так Рим спас, защитил от разлива варварства эллинистическую культуру и интегрировал греков в имперскую элиту. Так Россия защитила Украину от ополячивания и окатоличивания — в том и был смысл подвергаемый ныне множественным сомнениям Переяславской Рады, а позднее взяла под защиту от Турции и Персии Армению и Грузию, дав последним сохранить национальную, культурную и религиозную идентичность. Так Венгрия и балканские славяне спаслись от угрозы потери национальной и религиозной идентичности, исходящей от османских завоевателей, под сенью империи Габсбургов.

Франция позволила и помогла провинциалу-корсиканцу стать императором Наполеоном Первым. Только в Германии приобрел шансы на политическую карьеру провинциальный художник Гитлер, только в Советском Союзе сын сапожника мог превратиться во властелина мира, а другие дети далеких окраин — стать членами всемогущего Политбюро ЦК КПСС, академиками и Героями. Империя позволяет лучшим, талантливейшим вырваться за околицу провинциального мира, прикоснуться к неисчислимым богатствам иных измерений, — и в том ее привлекательность и сила. Причем, разумеется, решения об интеграции в те или иные союзы, качественно новые геополитические сущности всегда принимаются элитами стран — и никогда на плебисцитах. Элиты сразу видят возможности для прорыва, которые открывает Большое Государство, тем качественно и отличающееся от Малого — пусть прекрасного и удобного, но неизбежно — провинциального.

Сегодня в бывшем СССР осталось без малого 5 стран, элиты которых объективно — то есть, независимо от взаимной любви-ненависти президентов, премьеров и начальников генеральных штабов — пока ещё (!) заинтересованы в реальном альянсе с Россией. Белоруссия, Ар-

мения, Казахстан, Таджикистан, Киргизия (страшно сказать, но отпадение последней от России еще толком и не начиналось, несмотря на сумбурную весеннюю революцию).

Что должна — и по-прежнему может — предложить Россия элитам этих стран?

1. Возможности для инвестиций, то есть, фактически, легализации капиталов на российской территории. Очевидно, что эти капиталы, сформированные за минувшие 15 лет, не могут найти достойного применения на скромных территориях собственных отечеств. А в странах G7 носителей подобных капиталов ждёт, в лучшем случае, тюремно-скандальная судьба Павла Лазаренко. Так что российский рынок постсоветским инвесторам нужен как воздух.

2. Безопасность. В одиночестве, без силовой поддержки извне Белоруссия и Казахстан едва ли смогут сохранить свою государственность, Армения — обеспечить фактическую независимость Нагорного Карабаха. Таджикистан — предотвратить исламский переворот. Киргизия — избежать распада. Конечно, США как военный гарант куда сильнее немытой России, но «сильнее» в данном случае не значит «эффективнее». Задачи Америки слишком сильно расходятся с интересами национальных элит всех пяти стран, чтобы последние могли безоглядно довериться Вашингтону.

3. Рост над собой. Карьера в большой России — выход для тех, кому тесны рамки небольших национальных участков. К тому же продвигаться в культурном поле России для людей и поколений, не забывших русский язык, куда проще, чем безнадежно инородными телами пытаться пробить стену американско-европейского отчуждения. Конечно, чтобы создать единый механизм вертикальной мобильности в рамках СССР, Россия должна ввести институт двойного гражданства с каждой из союзных стран. Со временем талантливые армяне и казахи, киргизы и белорусы смогут править Россией. А это, товарищи, — жизненный стимул.

4. Защиту от глобализации. Глобализация, которая есть во многом американизация, не оставляет странам и народам шанса сохранить свою идентичность, уникальную социокультурную среду. Проблема многих стран и культур сегодня — как использовать технологические структуры, порожденные глобализацией, и не утратить собственную национальную уникальность, равно как и волю к принятию своих, отдельных политических решений, к самостоятельному формированию своего будущего. Найти баланс непросто, но межгосударственный союз открывает для этого возможности.

Если в конце прошлого века Американская Империя воспринималась как защитник и освободитель Восточной Европы от гегемонии СССР и советского тоталитаризма, то сегодня, напротив, многие нации нуждаются в защите от превращения в размазанных и обезличенных официантов и посудомоек на глобальном американском балу удачи. В региональном масштабе Россия, как носитель сильной, все еще не утраченной культуры и неуничтоженной традиции государственности, может играть роль неформального лидера коалиции тех, кто понимает свободу, прежде всего, как право быть самим собой.

Поэтому и только поэтому может быть создан новый СССР — удаленная от вашингтонского Старшего Брата территория самоценности и потому — свободы.

УСЛОВИЯ СОДРУЖЕСТВА

Хотим сразу оговориться, что есть два необходимых условия воплощения какого бы то ни было геополитического проекта, исходящего от России. Тем более — такого сложного, как СССР.

Условие первое. Смена российской правящей корпорации. Власть по состоянию на 1 апреля 2005 года полностью маргинализирована как политически, так и интеллектуально. Из Кремля уже давно не исходит ни одной жизнеспособной идеи. Люди, принимающие основополагающие решения в современной России, расписались в том, что не живут национальными ценностями, что долгосрочная судьба российской государственности их, по большому счету, не интересует. И любая нация на это готова сказать России: если вы сами себе не нужны, то какого черта вы нам предлагаете быть с вами? Если ваша собственная страна вам не дорога, то чего ж вы запускаете грязные руки в наши независимые страны, которые нам-то очень даже дороги? Здесь и лежит ключ к пониманию стремительного растущего отчуждения между Россией и теми, кто еще недавно надеялся на нее, или, по крайней мере, уважал ее.

Разумеется, то, о чем нельзя говорить вслух, надо произнести. Смена правящей корпорации, бесспорно, означает уход Владимира Путина от власти. Потому что он — подлинное средоточие псевдоценностей этой корпорации. И никаких образцов, привлекательных для постсо-

ветских стран, Путин и Ко создать по определению не могут. Государство, в котором идеальные политики — Грызлов со Слиской, а идеальный интеллектуал — псевдополитолог со скошенными к носу от постоянного вранья глазами, не может быть привлекательным ни как старший исторический партнер, ни как партнер вообще. И в постсоветском хамстве, обрушившемся сегодня на Россию, кроется дикое карнавальное осознание нашими бывшими друзьями-попутчиками той колоссальной деградации, каковая постигла российский правящий класс. Никакие госканалы российского телевидения, никакая чахлая путинская цензура не способны скрыть мерзопакостную слюнявую нищету, вырождение сегодняшнего Кремля.

Условие второе. Роспуск Содружества Независимых Государств по инициативе России. Только такой шаг позволит Москве вернуть себе политическую инициативу и моральное право что-либо предлагать потенциальным странам-партнёрам.

Успех проекта СССР зависит, по большому счету, не от того, кто придет к власти в последних странах бывшего СНГ. А, в первую голову, от власти, которая займет Кремль после феерически бездарного и бессмысленного Путина. А значит — все опять зависит от нас. Попробуем всё ж таки что-нибудь сделать.

Опубликовано на сайте «АПН.ру» 14 апреля 2005 г.

РЕСТАВРАЦИЯ БУДУЩЕГО

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ФИЛОСОФИИ РУССКОЙ РЕАКЦИИ

Существует устойчивое представление, что целью консерваторов является «сохранение» прошлого, а целью реакционеров и вовсе «возвращение к прошлому». Для каждого здравомыслящего человека очевидно, что «сохранение прошлого», а тем более «возвращение к нему» попросту невозможны, поскольку прошлое оно прошло, его уже нет, в лучшем случае, есть его остатки в настоящем в худшем — вообще не остается ничего кроме воспоминаний и каким образом реакционер может надеяться на то, чтобы к прошлому «возвратиться» без помощи явных сверхъестественных чудес, остается загадкой. На самом деле, никакой загадки тут нет. Консерватизм остается в течение столетий влиятельной политической ориентацией, в рамках которой возможно говорить даже о «консервативной революции», а случаи «реакции» и контрреформ следуют в истории с удручающей прогрессистов регулярностью как раз потому, что с бессмыслицей «возвращения к прошлому» ни консерватизм, ни реакция ничего общего не имеют. Основной идеологической и практической установкой пламенных реакционеров во все времена было не возвращение к прошлому, а *реставрация будущего*, то есть восстановление в правах того будущего, которое было утрачено в результате тех или иных катастрофических изменений — реформ, революций, завоеваний и гражданских войн, короче говоря, различных форм *смуты*.

АПОЛОГИЯ КОСТОПРАВОВ

Различие между консерватизмом и прогрессизмом, таким образом, — это не различие между ориентацией на прошлое или на будущее. Это различие двух несовместимых *образов будущего*.

В мировидении «прогрессизма» будущее воспринимается как определенный «проект», **формируемый произвольно с любой заданной точки**. Поскольку для воплощения этого проекта в жизнь, чаще всего не хватает стройматериалов, то они получают за счет разрушения тех или иных участков действительности. Кирпичи реально взорванных храмов пускаются на фундамент воздушных замков. Будущее воспринимается прогрессистом как дорога, по которой можно двигаться в любом направлении, и, находясь в любой точке, можно будет сказать, что нас в эту точку привела «железная историческая необходимость», а также обещать, что эта же железка вывезет нас в «желаемое» нами светлое будущее. Будущее воспринимается прогрессистом как *пространство*, причем пространство равномерное, однородное и содержательно пустое.

Для консерватора будущее является результатом развития имевшихся в прошлом и настоящем возможностей, будущий проект является строительством на уже имеющемся фундаменте. Будущее воспринимается консерватором в органических метафорах — как растущее дерево, как развивающийся скелет. И, соответственно, **жестко осознается ограниченность вариантов развития и невозможность их произвольного превращения один в другой**. Если же растущий скелет приобретает недолжные и деформированные очертания, то консерватор без колебаний определит это как **«вывих»**, — нарушение нормального развития и сбой в направлении движения. Будущее воспринимается консерватором именно как *будущее*, как *время*, причем время неоднородное, содержательно насыщенное и, наряду с подлинным будущим избыточное и смысловыми пустотами («безвременьем»).

Консерватизм может и должен понимать себя как определенную философию времени, влекущую за собой и определенную практику — сохранение **осмысленного хода времени**, удержание истории от попадания в смысловые пустоты. Если это по каким-то причинам не удастся, то консерватизм может и обязан становиться *реакцией*, то есть идеологией вправления исторических вывихов, и вытягивания времени из пустоты. Вправление вывихов всегда довольно болезненная процедура, еще тяжелей — сращивание переломов, когда в иных случаях кость приходится снова ломать, чтобы в итоге она правильно срослась. Нахождение в **«реакционном» гипсе** — тоже процедура не из приятных. Поэтому костоправы-реакционеры пользуются у предраснодушных граждан весьма дурной репутацией. Но взвешенный суд истории признает, обычно, их работу необходимой и спасительной.

Если продолжить нашу аналогию с неправильно развивавшимся (по тем или иным причинам) скелетом, то в задачу костоправа не входит абсолютно бессмысленное дело — уменьшить этот скелет вновь до детских размеров, а потом вырастить его еще раз правильно. Его задача в том, чтобы, по возможности устранив вывихи, искажения и искривления, осуществить *реставрацию будущего* этого скелета, то есть придать ему те свойства, которые он имел бы, не случись этих искривлений. **У каждого «прошлого» есть его возможное «будущее»**, наиболее богатое в плане раскрытия заложенных в «прошлом» возможностей. Смута уничтожает это будущее, пытаясь перевести историю на некий другой путь, чаще всего заводит её в «безвременье», в смысловую пустоту, откуда нормального хода вперед попросту нет. И консервативная реставрация будущего является единственным способом вернуть историю «на место».

ЖЕСТОКОСТЬ БУДУЩЕГО

Сегодня Россия оказалась *страной без будущего*. Мы попали в состояние безвременья, в которое чаще всего и приводит попытка прогрессизма заставить тяжело груженный состав перескочить на другие рельсы. Пошли под откос. Исправив в самой себе, довольно жестокими методами, состояние исторического вывиха, принесенного Революцией, Советская Цивилизация начала работу над превращением России в **высокоорганизованное технократическое общество**. Если партийная элита была «боярством» советского общества, со всеми достоинствами и недостатками высшего слоя элиты, то в том, кто является «дворянством», то есть реально действующей и направляющей развитие элитой, никаких сомнений не было — это ученые, конструкторы, инженеры, техники, испытатели, то есть все, кто был связан с научно технической сферой как в военной, так и в мирной областях. Настоящими героями, сродни былинным богатырям, были «космонавты», то есть те, кто был вынесен как бы на передовые рубежи создания будущего.

Постепенно эта технократичность приобретала все более утонченные формы, — наряду с работой с материей и энергией, началось освоение организационных методов, сферы *смыслов*, наряду с естественными и технологическими дисциплинами начали активно развиваться и теория систем, методология, семиотика. Появилась особая порода интеллектуалов, которые наряду с конкретными исследовательскими результатами были интересны и значимы тем, что формировали вокруг себя сферу новых смыслов. Люди эти были очень разные, от Льва Гумилева до Юрия Лотмана и от Георгия Щедровицкого до Игоря Шафаревича. Но общим для них было то, что созданные ими новые смыслы не ограничивались чисто интеллектуальной сферой, а притяжали на социально организующее значение, **посягали на власть**. То есть советская технократия постепенно развивала из себя высшие и, возможно, превосходящие ее формы — смыслократию. Постепенно это представление оформилось даже в попахивавшее некоей сектантской религиозностью учение о «ноосфере». За весьма сомнительными и не вполне адекватным идеям Вернадского содержанием этой мифологемы, крылось очень важное здоровое зерно, — признание существования некоторой сферы, надстроенной над биосферой и техносферой, в которых действие совершается по вполне определенным законам.

Ставшие культовыми для советской интеллигенции романы братьев Стругацких тем были интересны, что перешли из разряда технократических и социальных утопий, сперва в смыслократическую утопию, а потом и в смыслократическую антиутопию. Пессимизм поздних Стругацких, был тоже своеобразной формой практической смыслократии, предугадывая реальную смысловую пустоту общества, внезапно потерявшего свое будущее. Совсем незадолго до его потери, этому будущему был создан своеобразный гимн, трогательный, наивный и чистый, поскольку сказочный — **«Гостя из будущего»**, потрясая целое поколение позднесоветских детей. В конце последней серии Алиса Селезнева предсказывает будущее своим одноклассникам из нашего времени — кто-то станет изобретателем, кто-то детским врачом, кто-то поэтом, а кто-то спортсменкой, которая выиграет Уимблдон. И звучавшая после этих предсказаний песня про «Прекрасное далеко» была уже более похожа на молитву этому будущему, с совсем уже трогательным прошением «не будь ко мне жестоко».

Жестокость будущего превзошла самые смелые ожидания. После неожиданного превращения «ускорения» в «перестройку» началась планомерная деконструкция контуров будущего советской цивилизации, которая осуществлялась теми же самыми людьми, которые были лидерами этой цивилизации на предыдущем этапе. После первых ударов по партократии, армии, КГБ «революция» очень быстро принялась за *главное*, — то есть за уничтожение технологичес-

ких основ советской цивилизации. Уничтожались институты, разгонялись с помощью голода сотрудники, распродавались оборудование и секреты, растаскивались по частям заводы и технологические линии, любая деятельность в направлении проектируемого в 1930–80-х годах будущего тотально обесмысливалась, так, чтобы и подумать не смели что-то делать в этом направлении. Очевидное и вполне ясное для всех будущее «закрылось». Причем крайне сомнительно, что когда-либо удастся реставрировать в полном объеме его материально-техническую часть, поскольку разрушено было то, что создавалось десятилетиями.

Несколько более устойчивой оказалась *смыслократическая* структура. Даже лишенная технологической привязки, она, после нескольких лет паузы, начала развиваться, пользуясь новыми возможностями, открытыми «свободой прессы». Первая половина 2000-ных дала неожиданную картину, — абсолютное большинство сколько-нибудь заметных, смыслящих в деле производства смыслов и ответственных за свои слова интеллектуалов ориентировано в той или иной степени на *традиционные ценности*. Тех, кто готов поставить свои смыслократические способности на обоснование режима «деконструкции будущего», практически не находится.

За время демонтажа рядом шла работа и по подготовке планов «реставрации будущего». Самая сложная, концептуально-смысловая сторона этих планов отработана за предыдущие полтора десятилетия, и теперь целостная конструкция потихоньку начинает собираться и показываться над водами всероссийского Потопа. Эта реставрация представляет собой продолжение основных, наиболее значимых линий в будущее из советского прошлого (отсюда и понятный «неосоветизм» большей части нашего консервативного движения), однако без механицизма. От технократии акцент ощутимо сдвигается именно к смыслократии, от концентрации на создании технологических систем к созданию и отработке систем интеллектуальных.

Этот новый проект, уже в силу своей смыслократической специфики, не является и не может являться в чистом виде неосоветским. Он должен быть починен более глубокой идее **реставрации всего утраченного будущего России**. История России представляет собой чрезвычайно печальную картину неожиданных **катастрофических «перезагрузок»**, которые происходили как раз тогда, когда мы выходили на осуществление очередного варианта проектного будущего. В результате история «будущей России» более всего похожа на связку оборванных проводов, ведущих к несозданным приборам. Каждый перелом оставлял на теле страны и народа серьезные повреждения, причем кости, когда они все-таки срачивались, срачивались плохо и как попало. Даже если помнить историю в рамках школьного учебника, то можно нащупать несколько подобных переломов — монгольское вторжение, опричнина, Раскол XVII века, петровские реформы, освобождение крестьян по навязанной помещиками модели в 1861, Революция (точнее — три революции), «перестройка» и реформы. Не исключено, что глубокий смысл предшествующих обрывов в том и состоит, чтобы все обломленные возможности были восстановлены одновременно, в одном месте и при одних обстоятельствах. Чтобы на кладбище недоношенных политических и культурных смыслов произошло чудо воскресения.

НАЦИЯ КАК «ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ» НАРОД

Вопреки достаточно распространенному представлению, нации не являются. О различных формах национального сознания, национальных самоназваниях, национальной гордости, чувстве национальной исключительности, и национальной идее приходится говорить с очень давних времен. Национальный миф расцветает еще в античности, имеет развитые формы в средневековье. И Новое время нам приносит не феномен нации или даже феномен национализма как таковых, а лишь их оформление, — рационализованное с одной стороны и директивное, превращенное в лозунг, с другой. Современный национализм является упрощением национальной идеи, бытующей в традиционном сознании, до формы, в которой эта идея пригодна для упаковки в отдельные головы, не связанные между собою неформальными связями общей традиции. Однако нация намного шире чем тот образ, который предлагают нам технологии национализма Нового времени.

«Нация» как категория традиционного сознания народа и культуры — это не столько обозначение для настоящего времени народа, сколько его футуристическая проекция. «Традиция» — это не просто обращение от настоящего к прошлому, а «передача» (*traditio*), способ сохранять в жизни народа непрерывную «связь времен». И полнота традиционного сознания охватывает как прошлое и настоящее, так и будущее. Если прошлое вполне охватывается в традиционном сознании идеей «наследия», оставленного предками; если настоящее эмпирически

наблюдаемо как страна, её люди, и её учреждения, то для включения в традиционную цепь времен звена *будущего* необходим сильный ход воображения, — представление о предельных целях народного бытия, об историческом пути народа, и уверенность в его будущем существовании.

Именно в идеи нации народ связывается не только общностью предков и эмпирической общностью проживания, но и намерением дальше существовать вместе несмотря на любые препятствующие этому обстоятельства. Национальные идеи конституируют основания для совместной будущей жизни. Одной из первых зрелых наций, с высокоразвитым национальным сознанием были древние евреи, основой национального бытия которых было «призвание Авраама» и «обетование» ему: «Умножая умножу народ твой». Другим столь же древним народом, сохранившим с древнейших времен статус нации, были персы, теология которых предполагала идею «последней битвы», в которой они видели себя передовым отрядом армии Ахурамазды. Наконец, для римлян национальной идеей была «Roma Aeterna», и именно это поддерживало в них чувство национальной исключительности, позволившее им создать великую Империю. И, напротив, потеря веры в эту «вечность» Рима привела и к фактическому концу римской нации. Развитое национальное сознание потому и является уделом «исторических» народов, а не народов, сохранивших первобытный уровень, что чувство времени у последних не позволяет полноценно работать с будущим, воображать будущее, и тем самым конституировать себя не только как естественную общность, но как нацию.

Мы говорим «национальные идеи», но это не совсем точно. Представление о нации в традиционном сознании точнее будет обозначить как *национальный миф*, подчеркнув тем самым многомерность, нелинейность образа нации в этом сознании. Как и всякий миф, **национальный миф предполагает приложение к одному и тому же объекту не совпадающих и, порой, противоречащих друг другу в линейной логике определений**. Одну и ту же Москву можно было в XVI веке воспринимать и как «отчину» московских Рюриковичей, и как «Третий Рим», и как «Новый Иерусалим». Именно мифологичность национального сознания, причем непрерывно обогащающаяся новыми образами и сюжетами, новыми героическими циклами, святынями и легендарными рассказами, и является гарантией полноценного существования нации. Одномерность «лозунга» приводит к тому, что в случае его крушения нацию потрясает масштабный кризис, фактический слом, **как произошло это с уплотнившейся до одного нацистского лозунга Германией**. Гарантией устойчивости нации является как раз разносторонность, богатство, национального мифа.

Футурологию национального мифа не следует излишне мистифицировать, относя ее к сакральному в строгом смысле слова. **Не следует превращать нацию из формы жизни в неязыческий культ**. Национальная эсхатология может быть как подлинно сакральной, сводясь к религиозному предназначению, но может оказаться и вполне мирской и даже примитивной — уничтожить всех вокруг и остаться одним самыми сильными. Тут уж каждому свое. Но национальный миф, лишенный футурологии, попросту рассыпается, а за ним рассыпается и нация, как воображенное будущее народа. Национальный миф перестает выполнять функцию «потусторонней», смысловой сборки нации, оправдания её настоящего ее проектным будущим. Тем самым исчезают основания, определяющие для людей необходимость жить и действовать вместе, и нация рассыпается.

КОНТУРЫ РЕСТАВРАЦИИ

Здесь мы возвращаемся к исходной нашей проблеме — проблеме *России без будущего*, проблеме исчезновения точки смысловой сборки национальной истории в результате разрушения и дискредитации национального мифа. Деконструкция исторического прошлого России, от недавних советских времен, до седой киевской древности, разрушая национальный миф в его исторической части, подрывала и футурологию нации, поскольку ни одна эпоха, ни одно состояние русской истории не признавались образцовыми, и способными быть достойным примером для будущего подражания. История была самым тщательным образом прополота от «сорняков» русского будущего, в надежде то ли на то, чтобы вырастить на нашем поле демократический фикус (для которого история начиналась 12 июня 1990 года), то ли добиться того, чтобы вовсе ничего не выросло.

Впрочем, нельзя сказать, что в нынешнем положении есть что-то уникальное. Исторические разрывы известны — церковный раскол, петровские реформы, «либерализация» Александра I затем Александра II, Революция, «десталинизация» — этот ряд можно продолжать в оба

конца и прописать куда более подробно. Самое страшное при этом, не то, что что-то разрушалось, но то, что ничего не *доставалось*. Русская история изобилует руинами того, что разрушено, но еще более, фундаментами, остовами недостроенного. Недостроенными церквями, недоосвоенными землями, недодуманными мыслями и распиленными на металлолом корпусами недоделанных авианосцев. Это пространство «недо» можно использовать в качестве повода для продолжения бесконечного морального уничтожения России как «недоделанной страны». То же самое можно воспринять и как творческое задание, как проект восстановления **недостроенного здания Русской Истории**.

Реставрация будущего являлась бы, одновременно, и новым творческим порывом, предоставляющим подлинную свободу действий, и, в то же время, соединением порванных нитей прошлого, вправлением исторических вывихов. Можно взять очень древние, тысячелетней выдержки, образцы и чертежи, но исполнить их по новейшим технологиям и с учетом уже пройденного пути. Можно **создать Россию-какой-она-могла-бы-быть**, причем под этим «могла бы» разумеется не некий фантастический вневременной проект, а осуществление заложенных в реальной конструкции возможностей. Поскольку эти возможности сохранились в исторической матрице, но только отпечатываются на страницах нашей истории пока что слишком слабо.

Вот еще один хороший образ — книга с частично рассыпанным набором и с плохо пропечатанным текстом, иногда — с пустыми страницами на месте текста. Где-то нужно вшить недостающие страницы, где-то, — восстановить набор. Но в большинстве случаев достаточно просто подбавить краски, добиться того, чтобы текст был напечатан четко. Заниматься вместо этого, как у нас любят, бесконечным переизданием «Списка опечаток. Исправленного и дополненного», — дело гиблое, особенно если учесть, что этот список оказывается куда толще самой книги и содержит до сотни вариантов прочтения одной и той же строчки.

Было бы преждевременно и авантюристично со стороны автора, предлагать читателю собственную *программу* Реставрации Будущего. Поняв и приняв метод, базовую установку на подобную реставрацию, каждый волен прочертить контуры этой реставрации по-своему. Настоящая политическая борьба должна идти не между разной степени жестокости программами уничтожения России, а между десятью, двадцатью и более **проектами Реставрации Будущего**. Конкуренция между научной технократией, неоевразийством, имперским сталинизмом, ориентацией на киевскую вечернюю демократию, православной монархической теократией, консервативной смыслократией и т.д. была бы действительно здоровой политической конкуренцией, победитель в которой впитал бы у своих оппонентов все действительно ценное.

Что действительно имеет смысл, — это указать на основные аспекты, на *смысловые узлы национального мифа*, нуждающегося в реставрации.

1. ОТ ДОСТОИНСТВА РУССКОГО К СОЮЗУ НАРОДОВ

Первый аспект — это сама категория *русского*. «Русское» давно уже не является только прилагательным к конкретному этносу, — это знак определенного «достоинства», определенного качества вещей. И главный вопрос, на который не могут ответить русские уже не первое столетие — это вопрос о знаке, — «плюс» или «минус», этого качества. Именно здесь в оценке «русского», а не в плоскости отношения к эмпирически наблюдаемому народу, подлинный, глубокий раскол между «русофобами» и «русофилами». И тогда, когда речь идет о реальных недостатках, и тогда, когда в открытую произносится клевета, удар «русофобии» нацелен на русское как таковое. Имеется ввиду **отрицательная оценка русского как определенного качества**.

Мы впервые обнаружим в явном виде этот раскол сознания в церковном расколе XVII века. Никониане воспринимали русское как нечто относительное, Россию, как подлежащую проверке остальным миром (пусть — православным миром, греками), и лишь по результатам этой проверки заслуживающей той или иной оценки. Для старообрядцев Россия сама по себе, как «Третий Рим», была миром, и нуждалась в «проверке» лишь Богом, но никак не другими народами. И русское тут мыслилось как не подлежащее соотнесению. После распада старообрядчества как массового «реакционного» движения на отдельные и вырождавшиеся в секты толки, абсолютизм восприятия был перенесен на отдельного человека, которому раскрывалась истина, что «всё в тебе».

Этот смысловой раскол нами не преодолен, не найдена точка равновесия между абсолютизацией России и ее выведением сперва в относительность, а затем и в самоуничтожение. Реставрация национального мифа должна начинаться с определения достоинства *русского*. И это оп-

ределение даст нам и ответ о *русских* как о носителях этого достоинства. Неопределимость русских как «народа», «нации», «цивилизации», состоит именно в том, что каждое определение оказывается одновременно и слишком широко и слишком узко. Как русский нами воспринимается именно носитель русского достоинства, и **членство в русской нации ни для одного народа не являлось и не является групповым**. Можно было сказать что князь Багратион или художник Айвазовский — русские, но нельзя того сказать ни о грузинах, ни об армянах. Граница русского народа и как этноса и как нации является очень подвижной. В те эпохи, когда достоинства *русского* растет, увеличивается число желающих принять это достоинство (не только корыстно, но и вполне искренне), в эпохи падения этого достоинства, в эпохи самоненависти, национальное поле сжимается, как высушенная кожа.

Однако эти расширения и сжатия не меняют русской установки на *самодержавие*, на **суверенитет народа над своей страной**. Для России более чужда и нетерпима чуждая, нерусская, иноземная по духу или по букве власть, чем для каких-либо других народов. Понимание этого факта систематически затемняется спекуляциями вокруг «иноземных династий», «иноземной» природы русской власти. С вынужденной резкостью приходится заметить, что эти спекуляции, столь характерные для русской философии, более всего похожи на сознательную диверсию против российских властей, им специально подсказывают **ложное самовосприятие, чтобы добиться их отчуждения от нации**. В России чужеземная власть была один раз — с 1610 по 1612 — все это время народ вел систематическую войну против нее, как против власти оккупационной. А сам факт такой власти воспринимался как национальный позор. Все остальное время Россией правили династии и правители, которые **воспринимались народом как русские**, и, более того, неоднократно ставили себе в заслугу и оправдание государи, пришедшие к власти не вполне легитимным путем — Елизавета Петровна, Екатерина II, Николай I. Именно **национализация власти была эффективной технологией укрепления ее легитимности**.

К теме *национального суверенитета* русское сознание очень чувствительно. Идеальной для нее моделью является *самодержавная власть в самодержавной России*. Поэтому вместо того, чтобы говорить об известном лозунге «Россия для русских» как о «лозунге придурков», лучше дать ему правильное истолкование. Не как лозунгу этнократии, а как лозунгу национального самодержавия: «Россия для русских» должно значить не «Россия не для татар», а «Россия не для американцев» и «Россия не для ЕС».

Восприятие же **национальных отношений русских и других народов России** осуществляется в рамках совершенно иной идеологемы и мифологемы — **«Союза»**. Идея союзнических отношений пронизывает всю историю национального расширения России, причем она настолько прочна, что даже отношения завоевания (как, например, в Средней Азии) практически сразу же после этого завоевания переоформлялись как союз и покровительство. Одним из недостатков нынешней системы национально-государственного устройства России стала унаследованная от РСФСР идея «федерации». **«Союзная» модель воспринималась народом как своё**, и развал союза был пережит очень болезненно, **«федерализм» же понимается как нечто чуждое**, поскольку оформлен как договорное содружество территорий, а не как объединение народов.

Первые шаги по реставрации национального мифа России должны затронуть восстановление *русского* как достоинства, и через это установленное достоинство дать определение границам и смысловому содержанию русского народа. Должно быть покончено с переименованием русского как «клейма позора». Говоря попросту, быть русским должно стать престижно и популярно. Это должно повлечь за собой реставрацию *национального самодержавия*, то есть установление целеполагания власти как русской, оберегающей суверенитет России, а не некие наднациональные ценности, во имя которых Россией можно пожертвовать. С другой стороны, должны быть реставрирована идея **межнациональных отношений в России как союза народов, а не как безликой и внутренне противоречивой «федерации»**. Однако до тех пор, пока не будут решена центральная проблема, проблема *русского* как *достоинства*, невозможно будет выстроить и целостную модель государственности.

2. ОРИЕНТАЦИЯ — «СЕВЕР», «ЮГ», «ОКЕАН»...

Коснемся далее аспектов национального мифа, связанных с идеей территориального расширения русского мира. Здесь заслуживает внимания, прежде всего, функциональный конфликт идеи *империи* и идеи *экспансии*. Будучи плодом экспансии империя по смыслу **противоположна ей**. Экспансия предполагает расширение пространства при допустимо низком уровне его

структуризации. Империя, напротив, занята структурированием пространства, для чего ей необходимо его замыкание в определенной границе, высокая структурность. Основной для экспансии процесс колонизации прямо противоположен имперской политике *переселения* и *заселения*. Горизонтальная социальная мобильность экспансии и колонизации конфликтует с вертикальной мобильностью имперского пространства власти.

В российской истории эти конфликтующие тенденции шли, противостоя друг другу и . Однако в XX веке произошла победа Империи над экспансией, спонтанный колонизационный поток был остановлен. Результатом стало катастрофическое по скорости обрушение самой Империи, треснувшей по своим вертикальным управленческим уровням. Результатом стал известный всем кризис русской имперской государственности и популяционный коллапс русского населения. Началась **народная деколонизация**, когда покидаются, казалось бы, давно и прочно освоенные пространства. Поэтому, когда строятся проекты имперского возрождения, то *необходимо начинать с экспансии — экономической, культурной, популяционной*. Необходимо пробудить этот экспансионистский дух, и выявить его основные направления. Лишь в этом случае имперский структурный принцип сможет вступить с экспансией в плодотворный конфликт. Если же планировать восстановление империи лишь как внешнюю, военно-политическую работу, то мы так и останемся свидетелями продолжающегося сжатия России, и за Ереваном, Ташкентом и Кишиневом последуют Калининград, Владивосток и Владикавказ.

Сейчас **Россия переживает кризис освоения**, недоосвоенным остается как ее внутреннее пространство, так и его периферия. Причем жестче всего это сказывается на основном пространстве русского освоения — Севере. Именно *Север* и *Северо-Восток*, как ни парадоксально, доминировали в идее русской национальной экспансии еще со времен основанных учениками преп. Сергия монастырей. Напротив, наследующая византийской идее Империя была устремлена , и здесь конфликтность создала уникальную возможность «убить двух зайцев», очертив имперской границей исключительное по объему пространство. **Сегодня Империя утратила Юг. Сегодня нация покидает Север**, утрачивая северное самосознание, северный образ жизни. Тем самым перекрывается и идея связанного с освоением Севера будущего. Программа Реставрации Будущего, напротив, должна включать в себя идею восстановления *«ориентации — Север»* как базовой для русской цивилизации.

Напротив, южный вектор расширения России был связан с идеальным, религиозно-культурным призванием России как наследницы Византийской империи. Порыв к Константинополю доминировал в русской имперской идеологии в течение столетий и не был утрачен даже с падением монархии, южное расширение мыслилось как глубокий обходной маневр на пути к Константинополю. Это связано во многом с тем, что, не решив *«Восточный вопрос»*, русская цивилизация не считает себя вполне разрешившей и вопрос «русский», не устраненным остается зазор между пониманием себя как обломка расколотой восточнохристианской цивилизации и взглядом на Россию как на самодостаточное цивилизационное и религиозное пространство.

Другим аспектом, нуждающимся в реставрации, является *морской, океанический* аспект русской цивилизации. **Вопреки утверждениям о «континентальности» России, важным аспектом национального мифа издавна было покорение моря и создание морской мощи**. Причем моря не просто как удобного для передвижения пустого пространства, а именно в его качественном отличии от суши. Если американский теоретик морской мощи адмирал Мэхен вполне мог предложить своим читателям, для объяснения важности морских коммуникаций сравнение с пустыней, через которую ходят караваны, то русской теоретик морской экспансии адмирал Горшков, напротив, видит в Океане принципиально отличную от сухопутной форму жизни, которая должна быть освоена именно в своем отличии. На этом строилась обширная морская программа России, уже несколько раз за одно столетие насильственно прерывавшаяся.

Русское пространство включает в себе как бы три недостроенных здания — **недостроенное с «южного фасада» здание империи, недостроенное в северном крыле здание освоения и экспансии, и, наконец, недостроенный выход к морю**. Есть еще и *космическая идея России*, однако в своем идеальном, мобилизующем аспекте это более чем идея пространственного расширения — это скорее пространственная, материальная, если угодно — атеистическая метафора того, что поималось в России прежде как .

3. РЕАЛЬНАЯ АГИОПОЛИТИКА

С этим восхождением связан еще один важный аспект национального мифа, — понимание России как *Святой Руси*. Вопреки широко распространенному заблуждению, речь здесь не идет о сакрализации всей данности русской жизни. «Святая Русь» понимается не как нынешняя Русь, которой установлено некое полуязыческое поклонение, но как совокупность русских святых и священных пространств и святынь на Руси и в русском культурном ареале. Святая Русь — это та сторона Руси, которая реально приобщена к Царствию Небесному. В этой идее представлена **высшая и благороднейшая форма национализма — не свою нацию объявить «святой», но реально умножить в своем народе число святых так, чтобы в Царствии Небесном они были не отдельными лицами, но именно «Русью»**. Таким образом осуществляется русская, то есть программа рациональных политических действий, направленных на упрочнение этой сакральной инфраструктуры русского мира.

И в этом смысле должна быть правильно осознана роль Русской Православной Церкви, долгие столетия оказывавшейся жертвой излишне «инструментального» политического отношения к ней. Помимо понятной внеполитической роли в личном спасении каждого христианина, Церковь имеет и общественные, в том числе и политические функции, но не прикладные, а агиополитические. Именно она осуществляет **связь наличных нации и государства со Святой Русью**, именно она, как священный организм, имеет право предстательства за «страну и люди ея» перед небесными заступниками. И именно это значение Церкви в обществе не должно вытесняться на второй план ее возможными мирскими функциями. Напротив, в совершенствовании «аппаратуры спасения» должны вкладываться значительные материальные и человеческие ресурсы. В истории России был период — XIV-XVI веков, который вполне законно можно назвать эпохой. В этот период создавалось и являлось миру великое множество святынь, переносились на Русь из Византии святыни древние, общежительные монастыри Руси превратились в своеобразные «фабрики святых», с которыми могли соперничать лишь монастыри и ски-ты Афона. Речь шла о мобилизации национальных ресурсов — человеческих, земельных и финансовых на эти цели.

В рамках программы Реставрации Будущего должен быть поставлен и разрешен и вопрос о возобновлении связи между здешней, земной Россией и небесной Святой Русью. Эта программа должна включать в себя не только политический и геополитический, но и агиополитический аспект. И необходимо в той или иной форме повторить программу «сакральной индустриализации» России, которая хотя бы восполнила урон, нанесенный той вполне реальной и действенной инфраструктурой спасения, которая действовала на Руси в течение столетий.

4. «ВЕБЕРОВСКАЯ МОДЕЛЬ» ДЛЯ РОССИИ

Скажем и об аспекте национального мифа, связанном с восприятием экономической и хозяйственной деятельности. Давно уже отмечено, что традиционный капитализм в России прививается плохо, одни списывают это на отсутствие », другие — на «непредприимчивость русских», третьи, на бессеребренничество русской души. Однако и предприимчивость русских, и умение организовать свою деятельность в больших масштабах, и способность стремиться к личному обогащению вполне очевидны. Только эти черты не склеиваются в цельную систему капитализма как рационально организованной эксплуатации человека человеком ради достижения личной выгоды. Разрыв проходит между коллективной организацией и индивидуальным обогащением, капиталистическая их смычка представляется несправедливой. В качестве нравственно приемлемой мыслится либо **организация и даже жестокая эксплуатация во имя надындивидуальной цели, — общинной, государственной, религиозной**. Либо, если речь идет о личном обогащении как цели, **приобретение богатства воспринимается как личная авантюра, как игра с судьбой**. Богатство, приобретаемое в ходе такой игры оценивается как **куда более чистое, чем полученное от рациональной эксплуатации**. Успешные и производительные «капиталистические» предприятия в современной России строятся на сочетании «авантюрного» элемента у организующих их предпринимателей и советской служебной этики в организации трудового коллектива, где работа воспринимается не столько как размещение себя на рынке труда, сколько как реализация священной и надындивидуальной обязанности трудиться.

Рациональная организация общего труда, в том числе нацеленная на прибыль и рентабельность, может быть основана на не корыстной мотивировке — от общенациональных задач, до «служения людям» своей деятельностью. При этом предоставляемые в рамках этой органи-

зации личные выгоды могут мыслиться лишь как **вознаграждение за труд, а не как «рыночная цена» труда**, продаваемого как товар. Восприятие труда как товара действительно характерно лишь на уровне отдельных лиц или артелей («шабашников»), наживающих богатство «на свой страх и риск», но никак не для участников больших производительных систем. Для России было и остается необходимым формирование **официального или неофициального национального плана развития**, участие в котором будет придавать смысл деятельности конкретных предприятий и организаций. Где-то координация может быть очень плотной, где-то на уровне самых общих направлений, но без такой идеальной задачи, с развитием лишь идеологии частного предпринимательства большие структуры будут распадаться на небольшие предприятия индивидуального или артельного характера. Такие предприятия действительно будут оптимизированы, прежде всего, под извлечение прибыли, но от них невозможно будет ожидать рационального хозяйствования.

5. МИФ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сравнительно новым аспектом национального мифа, начавшим разрабатываться лишь с петровской эпохи и вышедшим на важнейшее место лишь в советский период, стало осмысление России не просто как особой страны или культуры, но как *особой цивилизации*. Многие могут с этим не согласиться, отодвинув феномен русской цивилизации в глубь веков, однако реальное цивилизационное строительство невозможно на чисто духовных основаниях, оно требует обилия материальной культуры, создаваемой по заданной духом матрице. Цивилизация предполагает рациональную организацию деятельности и производства по заданной определенной матрице. И очевидно, что лишь в советский период были предприняты значительные усилия по созданию достаточно большого количества новых «слов и вещей», материальных, организационных, культурных и поведенческих структур, обеспечивающих человеку многочисленные «расширения» его деятельности — начиная от средств связи и транспорта, библиотек и типографий и кончая унифицированным словарем и формами этикета.

Это строительство новой цивилизации значительно обострило отношения России с Западом, поскольку тем самым мы предъявили претензию не только на свою самобытность, но и на глобальное цивилизационное лидерство. Первой подобной заявкой было создание Петром русской **армии как ведущего национального института**. Воинские традиции ценились и развивались на Руси и до того, однако начиная с Петра армия становится, в каком-то смысле концентрированным выражением всей национальной жизни и ее высшим достижением. Именно за счет этого Российской Империи и продолжившему ее дело Советскому Союзу удалось создать *армию, способную победить сильнейшую армию мира*. Подобная формулировка «боевой задачи» связана была с религиозным оправданием военной деятельности. Россия воспринимала себя как «*Катехона*», *Удерживающего*, то есть военную силу, способную сдержать наступление в мире «беззакония» и скорый приход антихриста. Именно в этой идее преемства Римской Империи и Византии в метаисторической функции, и заключен смысл». Отсюда и задача **не победить всех любой ценой, а осадить того, кто претендует на победу над всеми**.

Советский период, как уже было сказано в начале этой обширной статьи, прибавил к идее новой цивилизации аспект научно-технического лидерства, идею «*технократии*» и перерастающей ее «*смыслократии*», в которых и был усмотрен залог оформления новой цивилизации в нечто целостное и превосходящее постоянно державшийся перед глазами западный образец. Однако «прививка» себе некоторой части этого западного образца закончилась для попыток создать новую цивилизацию плачевно. Начинаясь как «ускорение» пресловутая «перестройка» быстро превратилась в распад. Но **этот распад не только не привел к отказу от идеи новой цивилизации, но и реально внедрил ее в сознание масс. Отличие России от Запада осознается теперь куда более остро, чем в советский период**, возникает требование усилить эти отличия, найти новые технологии и формы цивилизационного соревнования. Именно здесь оставленная совсем недавно строительная площадка более всего напоминает о необходимости *достроить*, о том, что Будущее не должно быть утрачено навсегда.

Иногда, причем довольно часто, в этих проектах новой цивилизации чувствуется надрыв «*последнего боя*». И это не случайно. Эсхатологическое напряжение является характернейшей чертой русского национального мифа. «Святая Русь» выступает как эсхатологическая концеп-

ция; самым необычным утверждением в формулировке идеологии «Третьего Рима» было утверждение, что *«четвертому не бывать»*, что сразу ставило Россию в положение . Перевернутым эсхатологизмом отличалась и советская концепция будущего. Так или иначе, будущее России мыслится в национальном мифе не просто как бесконечно или до определенного момента продолжаемое развитие, а как выход России, а вместе с ней и мира к «точке Омега», к концу времен. И здесь в единое целое скрепляются и исторический оптимизм многих святоотеческих пророчеств о России и исторический пессимизм Священного Писания. Россия видится как та сила, столкновение которой с Антихристом закроет нормальную историю и откроет счет последних событий. Это, если так можно выразиться, , обреченная на поражение в битве с врагом, непобедимым ничем из того, что доступно человеку. Но такое поражение стоит многих побед.

Эсхатологическое «стояние у конца времен», — это последний ракурс, с которого может быть рассмотрен *национальный миф, как матрица для выработки будущего*. И в последнем счете, *Реставрация Будущего* должна быть рассмотрена как реставрация эсхатологического призвания России. Но это не отменяет прочих аспектов и прочих смыслов, — конечная судьба может быть собрана из тысяч и тысяч больших и маленьких «реставраций», из достраивания, доделывания и додумывания того, что должно быть достроено, доделано и додумано. Потому что лишь в этой завершенности можно узреть ту «полноту времен», которая и позволит нам перешагнуть порог истории. Впрочем, шаг за этот порог не означает конца России. Особенность русского будущего в том, что оно создало свои плацдармы и за этим последним порогом.

Опубликовано на сайте «АПН.ру» 15 марта 2005 г.

Вадим Штепа

МЫС ПРОВИДЕНИЯ

На Север, в будущее!
Официальный девиз Аляски

Долой тлетворное влияние Запада!
Идеальный слоган для Чукотки

У мэтра европейской постмодернистской философии Жака Дерриды есть небольшая, но довольно показательная работа под названием «Другой мыс. Отложенная демократия», в начале которой он высказывает предположение:

Старая Европа, кажется, исчерпала все свои возможности, произвела все возможные дискурсы о собственной идентификации.

Это исчерпание выглядит весьма убедительно, поскольку далее сам Деррида, вместо сколь-нибудь внятного описания этого «другого мыса», привычно углубляется в столь характерную для *french theory* вербальную схоластику. Где, по точному замечанию одного из героев Виктора Пелевина, «невозможно изменить смысл предложения никакими операциями».

Это закономерный исторический тупик европоцентристского мышления, тягостно погруженного само в себя — сколь бы оно ни создавало себе имидж «глобально открытого». Хотя открытие того, что Земля круглая, его, похоже, так и не коснулось. Это мышление и поныне пребывает в плоской, двумерной системе координат, до сих пор «Восток» и «Запад» представляются ему некими противоположными векторами, расходящимися из самой Европы и отмеряемыми по расстоянию от нее — «ближний» или «дальний» — хотя сами их жители так себя не обозначают и имеют совершенно иную картину мира. А для «просвещенных» европейцев затруднительно помыслить естественное совпадение «Востока» и «Запада» где-то на обратной стороне земного шара. Неслучайно именно в европейской мифологии возникло характерное определение «края света», перекочевавшее в постмодернистскую философию в образе некоего экзотического «Другого».

В нынешней России это европоцентристское мышление также весьма распространено — порождая смиренное признание своей вторичности и провинциальности. Хотя именно Россия вплотную прилегает к этому самому загадочному региону «края света», и даже включает в свою собственную территорию этот «другой мыс», с которого все это «восточно-западное» противостояние эпохи модерна выглядит нелепой фантазией.

Политолог Владимир Видеман демонстрирует, насколько легко осознать эту очевидность:

Убеждение, что Россия «всем телом» примыкает к Европе, во многом обусловлено чисто оптической иллюзией, порождаемой привычным ракурсом европоцентристской карты мира, где американский континент расположен слева. Если же мы переместим его вправо (как это сделано, к примеру, на японских географических картах), то тут же убедимся в том, что Россия «целуется» на востоке с Америкой, а протяженность российско-американской морской границы ничуть не меньше сухопутной границы между Россией и европейским блоком. Более того, взглянув на земной шар «сверху», мы обнаружим, что Северный ледовитый океан является, по сути, большим внутренним российско-американским морем.

Чукотский мыс, с которого можно разглядеть Аляску, носит весьма символическое название — *Провидения*. Деятели эпохи модерна старались не замечать этого «шокирующего» сближения Дальнего Востока и Дальнего Запада — оно напрочь рушило их дуалистическую модель мира. В том числе даже границу между днем и ночью — в этом регионе день и ночь полярные и не подчиняются «нормальному» суточному ритму. Потому и просто вынесли

этот регион за скобки истории, объявив его «мировым резервом» для самого отдаленного будущего и ссылаясь на совершенную непригодность этих замороженных земель для жизни.

Однако, по версии многих не признавших это негласное «табу» историков, именно этот регион был глобально лидирующим примерно 30-40 тысяч лет назад, до «великого обледенения». Тогда на месте нынешнего Берингова пролива существовал сухопутный перешеек, по которому «первые американцы» и пришли на свою «землю обетованную». Уникальные археологические совпадения древнесибирских и древнеамериканских культур вполне подтверждают эту версию. Бросаются в глаза близкие мотивы в мифологии, одеждах, формах жилищ и т.д. народов Сибири и Северной Америки.

Вероятно, имели место и обратные переселения народов. Например, Лев Гумилев высказывал мнение, что в III-II тысячелетиях до нашей эры индейцы пересекали Берингов пролив и, попадая в Сибирь, добирались до Урала. Даже этимологию столь «евразийского» титула, как «хакан» («каган», «хан», «ван»), которым именовали себя в том числе и князья Древней Руси, он возводит к дакотскому слову *wagan*, имевшему то же значение — военный вождь и первосвященник.

Палеонтологи же «копают» еще глубже — так, А.В. Шер в своей монографии «Млекопитающие и стратиграфия плейстоцена Крайнего Северо-Востока СССР и Северной Америки» (1971 год) показывает, что на протяжении последних трех с половиной миллионов лет жизни нашей планеты сухопутный «мост» между Евразийским и Американским континентами возникал пять, шесть, а может быть, и большее число раз! Некоторые современные исследователи предлагают даже название для этой «виртуальной» земли — *Берингия*. Однако если уж развивать мифологическую версию во всем объеме, то отчего бы не предположить, что этот загадочный перешеек мог быть частью изначального северного континента — *Гипербореи*?

Географ Алексей Постников утверждает:

В Берингии контакт между старым и новым миром был постоянным, хотя, конечно, подавляющее большинство племен и народов, населявших западное и восточное полушария, ничего об этом не подозревало.

Однако сами эти «подозрения» — в существовании «старого» и «нового» мира, «западного и восточного полушария» — с северной точки зрения выглядят абсолютными условностями. Это целостное мышление ярчайшим образом проявилось именно у аборигенов этой земли, которые на вопрос «цивилизованных» пришельцев, какого они народа, называли себя просто *людьми*. Им, наоборот, странными казались европейские картографы, мыслящие отдельными полушариями...

Всякая история исходит из мифа. Рациональный научный инструментарий оказывается совершенно неприменим к анализу, например, взаимоотношений героев и богов, которыми полны все древние манускрипты. Кроме того, современная (модернистская) историография, как правило, придерживается плоской, линейной концепции истории, напрочь игнорируя традиционную, циклическую. А именно по циклической логике самые смелые проекты будущего оказываются прямым отражением самой глубокой древности.

* * *

Для нас наибольший интерес представляет регион, где «Дальний Восток» и «Дальний Запад» сливаются воедино, стирая эту условную границу. Александр Герцен, безмерно удивляя своих европоцентричных современников, еще в XIX веке предсказывал неизбежное сближение русской и американской цивилизаций именно в этом регионе, откуда, как он полагал, и начнется строительство «будущего мира». И сегодня оно действительно становится вполне реальным — когда на смену последнему «великому обледенению» приходит не менее великое «глобальное потепление», которое, по прогнозам климатологов, приблизит погоду этих широт к среднеевропейской. Причем произойдет это раньше, чем многие думают, — уже в наступившем веке.

В последнее время много говорится о «потеплении» другого рода — установлении между Россией и Америкой дружественных отношений после десятилетий «железного занавеса». Однако с точки зрения широкой исторической перспективы эту дружбу вряд ли уместно называть «оттепелью» — само это слово производит впечатление некой случайности посреди «зимы», которая считается нормой. Тогда как досадным историческим недоразумением

(«летним заморозком») в российско-американских отношениях был, напротив, сам этот «завес» второй половины XX века. На протяжении всей предыдущей истории своих отношений Россия и США не только никогда не воевали между собой, но были постоянными союзниками — даже несмотря на глубочайшую разницу своих режимов. И в этом нельзя не увидеть, если угодно, «руки Провидения».

Так, во время американской войны за независимость Екатерина II открыто поддержала американских «сепаратистов» в их борьбе с английской метрополией — чем вызвала неслыханное удивление у европейских монархов. Когда же эти европейские монархии вели с Россией Крымскую войну 1853–56 гг., множество американцев, в свою очередь, просили русское посольство в Вашингтоне отправить их туда добровольцами. И возможно, исход этой не слишком удачной для России войны был бы другим... Но уже буквально через несколько лет, в ходе гражданской войны в Америке, сама Россия послала к американским берегам две крупные эскадры — в знак поддержки правительства Авраама Линкольна. Эти эскадры, бросившие якорь у западного и восточного берегов Америки, сыграли весомую роль в предотвращении возможной интервенции европейских держав, сочувствовавших рабовладельческому Югу. А Россия, только что сама отменившая крепостное право, встала на сторону свободных северян.

Исследуя отличия Европы и Америки, Георгий Флоровский удивлялся:

Загадочен лик Дальнего Запада — Америки. По быту это повторение и утрировка «Европы», гипертрофия общеевропейского демократизма буржуазности. И тем неожиданнее встретить под этою коркой определенно гетерогенную традицию культуры, ведущую от первых иммигрантов через Бенжамена Франклина и Эмерсона к self-made-man Джека Лондона, традицию радикального отрицания мещанства и путь жизни и утверждения индивидуальной свободы.

Эту мысль он высказал в своей работе «О народах не-исторических». Публикуя ее в первом евразийском сборнике 1921 года «Исход к Востоку» он, как видим, мыслит «Восток» гораздо дальше многих своих коллег... Но современные «нео-евразийцы» эту даль не преемствуют. По своему европоцентристскому, модернистски-дуалистическому мышлению они практически ничем не отличаются от своих излюбленных врагов — «атлантистов». Разве что у тех с «индивидуальной свободой» несколько лучше...

Прямое сближение Востока и Запада «по ту сторону Европы» издавна порождало чрезвычайно интересное взаимодействие русских и американских утопических проектов. В Америку уезжали многие русские революционеры, в том числе герой романа Чернышевского «Что делать?», «особенный человек» Рахметов. «Новая Россия», которую видит в своих знаменитых снах Вера Павловна, судя по подробному географическому описанию, находилась где-то в районе Канзаса — который упоминается в романе и «наяву».

Как сообщает историк Майя Новинская,

в первой половине XX в. (в основном в 1900–1930 гг.) на американской почве проигрывались российские утопические общинные идеи, в частности Толстого и Кропоткина; причем речь идет не только о маргинальных общинах эмигрантов из России, но и о чисто американской утопической практике.

Примечательно, что после 1917 года это «взаимодействие утопий» не только не прекратилось, но обрело новый масштаб:

С очень большим уважением относились к Америке первые большевики: она служила для них настоящим маяком передового промышленного и даже отчасти социального опыта. Они мечтали о введении в России системы Тейлора, внедряли американские образовательные концепции, восхищались американской деловитостью и посылали множество народу на учебу в Америку. В Советской России 20-х — начала 30-х годов насаждался почти что американский культ техники и промышленности, а когда дело дошло до индустриализации, советская тяжелая промышленность была просто скопирована с американской, и строили ее тысячи американских инженеров. В те годы съездить в Америку и опубликовать потом свои впечатления о ней было делом чести для всякого крупного советского писателя: Есенин, Маяковский, Борис Пильняк, Ильф и Петров создавали в своих книгах относительно симпатичный образ Америки. Критикуя, как было положено, американский капитализм, они не скрывали восхищения техническим гением американского народа, мощью американской индустрии, широтой американского делового размаха. Ничего подобного не писалось тогда

о близкой Европе: напротив, Европа воспринималась как явный враг и будущий агрессор — именно для подготовки войны с ней строили американские инженеры советские тракторные, автомобильные и химические заводы.

И даже когда после Второй мировой войны между Россией и Америкой возник «железный занавес», он опустился именно над Европой. А аборигены Чукотки и Аляски продолжали ездить на нартах в гости друг к другу по льду Берингова пролива, окруженные шаманской «невидимостью» для пограничников двух противостоящих империй...

* * *

В тумане узкого пролива между мысами Провидения на Чукотке и Воскресения на Аляске меняется пространство и время. Именно там исчезает иллюзорная граница между «Востоком» и «Западом». Именно там проходит «линия перемены дат». Это не просто последовательная смена часовых поясов по широте — время по обе стороны этой воображаемой линии остается одинаковым, но меняются сразу целые сутки. При возникновении прямой связи между этими точками фактически воплощается утопия машины времени.

На европейских картах еще с XVI века, т.е. задолго до Беринга, этот пролив носил загадочное название «Аниан». Советский географ А. Алейнер выдвинул любопытную, но довольно логичную гипотезу того, откуда происходит это слово:

Русская подпись «море-акиан», восходящая к латинскому «mare-oceanus», могла быть прочитана кем-то из иностранцев как «море аниан», поскольку стилизованную русскую букву «к» в этом названии легко принять за «н».

В таком заимствовании нет ничего удивительного, поскольку русские «чертежи» тех неведомых европейцам мест (к примеру, Дмитрия Герасимова), датируются еще 1525 годом! Еще одним подтверждением того, что русский географический кругозор тогда неизмеримо превосходил европейский, служит и тот факт, что легендарный Джеймс Кук, вышедший в 1778 году к Алеутским островам и полагавший, что он их «открыл», неожиданно обнаружил там русскую факторию и был вынужден скорректировать свои карты у ее жителей. В знак благодарности он подарил командору фактории Измайлову свою шпагу. Хотя наверняка она больше пригодилась бы ему самому — в следующем году он погиб на Гавайях, попытавшись «цивилизовать» тамошних аборигенов. Хотя и там уже давно была русская фактория, но никого из ее жителей не съедали...

В этом таинственном, магнетическом регионе вскрывается вся условность европоцентристской картины мира. Именно сюда с разных сторон в поисках собственной утопии стремились наиболее пассионарные, активные и свободные личности. В Америке, которая сама по себе была изначально утопической страной, самыми продвинутыми, во всех смыслах этого слова, утопистами были пионеры-освоители «Дикого Запада», которым уже не хватало свободы в слишком регламентированных атлантических штатах. И примерно в это же время начинается массовое движение русских землепроходцев и мореплавателей на Восток, «встречь Солнцу». Составляли это движение в основном также те силы, которые стремились уйти из-под чрезмерной государственной опеки — вольные казаки и поморы, никогда не знавшие ни ига, ни крепостничества. Такие легендарные личности, как Хабаров, Дежнев, Поярков — представители именно этой волны. Первый правитель Аляски Александр Баранов был родом из поморского Каргополя. Позже в эту волну естественным образом влились и старoverы, уходившие из «падшего Третьего Рима» искать волшебное Беловодье и спасительный град Китеж.

Но самыми первыми пересекли «край света» новгородцы — носители великой севернорусской традиции, жестоко подавленной татаро-московским игом. Историк русской эмиграции в Америке Иван Окунцов пишет об этом так:

Имеются кое-какие намеки на то, что первыми русскими эмигрантами были какие-то предприимчивые жители Великого Новгорода, прибывшие в Америку на 70 лет позднее Колумба. Жители Великого Новгорода бывали в Западной Европе, на Скандинавском полуострове и на Урале. Их переселение в Америку произошло после того, как в 1570 г. царь Иван Грозный разгромил Новгород. Энергичная и предприимчивая часть новгородцев вместо того, чтобы подставлять свои головы под топоры Москвы, двинулась в далекий и неведомый путь — на Восток. Они попали в Сибирь, остановились около какой-то большой реки (Иртыш?), соорудили там несколько кораблей и по этой реке спустились к океану. Затем новго-

родцы в течение четырех лет двигались на восток вдоль северного берега Сибири и доплыли до какой-то «безбрежной реки» (Берингов пролив). Они решили, что эта река течет в Восточной Сибири, и, переплывши ее, очутились в Аляске... Новгородцы быстро смешались с туземными индейскими племенами, и их следы затерялись в веках истории. В последнее время эти следы были найдены в русско-церковных архивах Аляски, попавших в библиотеку Конгресса в Вашингтоне. Из этих архивов видно, что какой-то русский церковный приход доносил своему епископу из Америки о постройке часовни и называл свое место не Америкой, а «Восточной Русью». Очевидно, русские переселенцы думали, что они утвердились на восточном берегу Сибири... В те давние годы русским стало тесно жить под царской пятой, и они ринулись искать счастье в другом полушарии. Колумб открыл Америку с востока, а новгородцы подошли к ней с северо-запада.

Эта сенсационная версия подтверждается не только церковными архивами, но и академическими исследованиями. Так, американский историк Теодор Фаррелли в 1944 году опубликовал работу об обнаруженных им специфически новгородских постройках более чем 300-летней давности на берегу Юкона! (2)

Известная на протяжении многих столетий землепроходческая активность новгородских *ушкуйников* (которых в Орде и Москве считали «разбойниками» (3)) заставляет считать этот трансконтинентальный переход вполне вероятным. Так, еще за несколько веков до знаменитого похода Ермака, «поклонившегося» затем Сибирью московскому царю, Новгородская летопись 1114 года упоминает о хождении ушкуйников «за Камень (4)», в землю Югорскую». То есть они уже тогда прошли в Северную Сибирь! При этом новгородцы, хотя и отделяли себя от москвитов, всегда использовали русскую топонимику (и само слово «русский») в своих открытиях. Отсюда понятно неслыханное удивление позднейших «открывателей» из Москвы и Петербурга, когда местные жители дальних земель сообщали, что их поселение называется Русское Устье (на Индигирке) или Russian Mission (на Аляске)...

Петербургский писатель Дмитрий Андреев, работающий в жанре «альтернативной истории», реконструирует хронологию этого великого новгородского похода:

В конце XV века новгородские кочи Северным Морским Путем доходят до Аляски и основывают там несколько торговых факторий. В 70-е годы XVI века, после разгрома Новгорода Иваном Грозным, несколько тысяч новгородцев отплывают на Восток и оседают на юге Аляски. Связь с внешним миром прерывается на полтора столетия. Повторное открытие Аляски происходит в начале XVIII века Берингом.

И рисует не менее великое будущее Независимой Аляски. Так, в начале XIX века там должно было быть:

Население — 500-600 тыс. чел, религия — православие (до-никоновское), индейцы и алеуты взаимоассимилируются с потомками русских. Политическое устройство — развитая парламентская демократия с периодами военной диктатуры (в годы войны). Аляска участвовала в Крымской войне на стороне России, начиная с 70-х годов XIX столетия — золотодобыча, промышленный рост, бурная иммиграция. К началу XX века 5-6 млн. населения. Границы: р. Макензи, затем побережье до 50 градуса сев. широты, Гавайи (приняты в состав республики на федеральной основе в 1892 году), Мидуэй, анклав в Калифорнии... Аляска на стороне Антанты приняла участие в Первой Мировой Войне (патрулирование Тихого Океана, посылка экспедиционного корпуса на Восточный Фронт), затем помогала белым армиям в ходе Гражданской Войны. В 1921-1931 гг. приняла более 500 тыс. русских эмигрантов, выкупила Русский Флот, интернированный в Бизерте... Авиагруппу составили частью закупленные в Японии истребители, частью торпедоносцы компании «Сикорский-Ситха». Дружба с Японией предотвратила участие Аляски во Второй Мировой Войне на Тихом Океане, но с июня 1940 года Аляска воюет с Германией, Италией и Португалией (вследствие гибели множества ее граждан во Франции и на потопленных судах)... Ядерная держава с 1982 года, запускает спутники с космодрома на Гавайях с 1987 года. Население на 2000 год — 25 млн. чел. ВВП — \$300 млрд.

«Новгородскую версию» освоения Аляски, не говоря уж о проектах ее возможного будущего, почему-то особенно любят «опровергать» московские историки. В этом сказывается как недостаток исторического воображения, так и застарелая централистская неприязнь к «слишком вольным» открывателям новых земель. Хотя даже если предположить, что первыми на Аляске высадились не новгородцы, а, как гласит официальная версия, лишь два века

спустя участники экспедиции Беринга-Чирикова — то все равно и к ним Москва никакого отношения не имеет, поскольку эта экспедиция была сформирована в Петербурге по личному указу Петра I. Москва же всегда оставалась (и остается) типичным городом Старого Света, который интересуется географическими открытиями не самими по себе, и уж тем более не в перспективе нового исторического творчества, а лишь сугубо утилитарно — в плане присоединения «под царскую руку» очередных бесправных колоний. К сожалению, и Петербургская империя по отношению к Русской Америке во многом продолжила эту ордынско-московскую традицию.

Сама же Русская Америка тех лет являлась своего рода аналогом «Дикого Запада», или — избегая этой географической условности — можно назвать ее «Дикой Утопией». Русские первопроходцы и поселенцы конечно не были ангелами, однако, в отличие от англичан и испанцев, никогда не ставили своей целью вытеснение и истребление аборигенов. Алеуты, эскимосы, тлинкиты и другие жители этого «края света» ценили это, хотя совершенно не представляли себе понятия «подданство». Несколько забегаая вперед, уместно вспомнить претензию одного индейского вождя, высказанную им во время продажи Аляски в 1867 году: «Мы дали возможность русским жить на нашей земле, но не право кому-то ее продавать». Это действительно иной мир, выходящий за рамки европейских стандартов «колониальной собственности».

Русская Америка все более напоминала изначальную, мультикультурную Русь. Поморы и казаки охотно женились на индейках, алеутках, гавайках, и в результате возникал некий совершенно новый народ, с особым менталитетом. В отличие от Южной Америки, где колонизация сопровождалась жестким насаждением испанских и португальских канонических религий, языка и поведения, здесь, на Севере, происходила настоящая транскультурация. Также и в отличие от ордынского нашествия на Русь, превратившего ее в тоталитарную Московию, на Аляске утвердился уникальный синтез новгородского и индейского свободолюбия. Местные жители учились у русских основам православия и перенимали многие слова, но в свою очередь научили русских управляться с нартами и байдарками, а иногда и посвящали их в свои собственные мистерии. И неслучайно многие русские поселенцы даже после продажи Аляски отказались ее покинуть. Это не было каким-то «национальным предательством» — просто они настолько глубоко включились в ритм этого нового мира, что уже чувствовали свою разнородность с метрополией. Во многом это было похоже на поведение тех выходцев из Англии, которые осознали себя гражданами Нового Света и объявили о своей независимости. Разница состояла лишь в том, что для масштабного складывания нового этноса на основе русско-индейского синтеза тогда просто не хватило исторического времени...

Не хватало и людей. Из-за жесткости законов Российской империи, ограничивавших для многих сословий право передвижения, русскому было гораздо сложнее попасть в аляскинский Ново-Архангельск, чем англичанину в Нью-Йорк. Правители Русской Америки неоднократно обращались к столичным чиновникам, в Сенат и даже царский двор с просьбой разрешить переселение на Аляску и в калифорнийский Форт-Росс хотя бы нескольких крестьянских общин, жизненно необходимых для экономической независимости русских поселений. Но — неизменно встречали категорический отказ. Чиновники опасались (и не напрасно — судя по имевшимся все же прецедентам), что эти несколько сот крестьян, освоив характерный для Америки фермерский тип хозяйства, окажут революционное влияние на тогдашний экономический строй Российской империи. Возможно, потому Аляску побыстрее и продали практически сразу после отмены крепостного права — чтобы не допустить массового переселения туда освободившихся крестьян.

Другая версия такой поспешной продажи Аляски состоит в том, что российское правительство заботилось о защите «национальной самобытности» от пугавшего его заокеанского «всесмешения». Однако парадокс здесь в том, что подлинную русскую самобытность в данном случае воплощали как раз те, кто смешивался с индейцами и белыми американцами и тем самым давал начало новому народу. Сами русские в свое время возникли именно как этнический синтез варягов и славян. «Патриоты» же ордынско-имперского толка демонстрируют этим лишь свое провинциальное невежество в русской традиции, которая изначально имеет глобальный характер. Петербургский философ Алексей Иваненко четко объяснил это в работе «Русский хаос»:

Наша старина не является исконной. Удивительно, но по данным этимологического анализа такие древние слова, как *хлеб*, *изба*, *колодец* и *князь* имеют германское происхождение. На смену древним заимствованиям приходят новые. Где же настоящий лик России? Тайна состоит в том, что его нет. Византийские иконы, золоченые минаретные луковицы, татарские балалайки, китайские пельмени — все это импорт.

* * *

Русские первопроходцы вообще не знали слова «Аляска» и называли ее просто «Большая Земля». Аляска действительно могла стать «воплощенной утопией» — подобно Америке, освоенной европейцами со стороны Атлантики. В 1799 году была основана Российско-Американская Компания и у тихоокеанского освоения Америки были свои знаменитые «отцы-основатели» — Григорий Шелихов, Александр Баранов, Николай Резанов... Но к сожалению, они не успели провозгласить свою Декларацию Независимости, и потому проект Русской Америки был в конечном итоге подавлен европоцентристской метрополией.

Калифорнийская база Русской Америки — Форт-Росс — была основана в 1812 году. Если воспринимать историю творчески, с точки зрения новых возможностей, а не бесконечных переделов Старого Света, то это событие выглядит гораздо важнее войны с Наполеоном. Даже если бы Наполеон остался в Москве, это вряд ли что-то существенно изменило бы в России, где дворянство владело французским языком лучше, чем русским. Тогда как перенос общественного внимания на освоение Нового Света мог бы задать совершенно иной масштаб российскому самосознанию, заодно и избавив Россию от позорного ярлыка «жандарма Европы».

Даже выполняя эти «жандармские» функции по спасению европейских монархий от революции, русские напрасно рассчитывали на какую-то признательность со стороны этих престолов. Более того, к примеру, испанцы, составлявшие тогда в Калифорнии большинство, неоднократно пытались ликвидировать Форт-Росс — то демонстрацией силы, то засыпая официальный Петербург гневными дипломатическими нотами за «вторжение на их территорию», хотя юридические права их самих на нее были весьма условными и довольно зыбкими. Напротив, местные индейцы поддерживали Форт-Росс, надеясь, что русские своим авторитетом и экстерриториальным статусом «третьей силы» спасут их от полного цивилизационного уничтожения в жерновах между янки и испанцами. И неоднократно с оружием в руках обороняли русскую крепость от тех и других!

Российское правительство тем временем вело себя более чем странно. В ответ на испанские ноты оно не вставало на защиту русского поселения, но... отводило роль ответчика самой Российско-Американской Компании. Однако реальных международных прав у Компании почти не было — и по давней российской традиции она была обязана согласовывать все свои решения со столичными чиновниками. Представители Компании просто уставали объяснять им очевидности — какие колоссальные исторические преимущества сулит существование и развитие русского поселения в Калифорнии. Но наталкивались на глухую стену, а то и вовсе удары в спину — наподобие заявления министра иностранных дел Нессельроде о том, что он сам выступает за закрытие Форт-Росса, так как это поселение вызывает «боязнь и зависть гишпанцев». Этот апофеоз «старосветской» ограниченности и настоящего национального предательства, пожалуй, не с чем даже сравнить! Обратную, «зеркальную» ситуацию — чтобы испанские конкистадоры убеждали Мадрид в продуктивности своих американских освоений, а их за это бы порицали и требовали свернуть свою деятельность под предлогом «боязни и зависти» других наций — просто невозможно себе представить...

Впрочем, и это еще не предел глупости российского централизма — в 20-е годы XIX века правительство попыталось запретить поселенцам Русской Америки (к которым причисляли и индейцев) вести прямую торговлю с американцами. Это фактически означало экономическую блокаду и действительно, настоящее «тлетворное влияние Запада» — учитывая, что по отношению к Старому Свету Аляска является «Сверхдальним Востоком».

Правление Российско-Американской Компании на Аляске по мере сил и дипломатического умения, как могло, снижало эти противоречия между свободным развитием Русской Америки и бредовыми требованиями далекой метрополии. Виднейшая роль в этом примирительном процессе, несомненно, принадлежала первому «правителю Аляски» (официальный титул) Александру Баранову. За годы своего правления этот великий, но

увы, почти неизвестный в России деятель фактически превратил всю северную часть Тихого океана в «русское озеро», построив на американском берегу новую цивилизацию, равную половине Европейской России и развитую гораздо выше тогдашней Сибири. Аляскинский Ново-Архангельск (город явно назван поморами) как центр самой важной в то время меховой торговли, при нем был первым портом (!) на севере Тихого океана, оставив далеко позади себя испанский Сан-Франциско. Причем это был не только экономический и военный, но и культурный центр: в его библиотеке хранилось несколько тысяч книг — количество, весьма внушительное по тем временам и по сравнению с более южными колониями «Дикого Запада».

Однако чиновничья зависть и ее верное оружие — клевета свалили этого гиганта. Приносивший ежегодно в российскую казну миллионы, но сам довольствовавшийся грошовым жалованьем, Баранов был смещен без объяснения причин и отозван в Россию. Куда он так и не доплыл — тяжело заболел и умер в дороге. Станным повторением этого маршрута оказалась судьба другого командора Русской Америки — Николая Резанова, который также закончил свои дни на обратном пути в Россию, так больше никогда и не увидев свой Новый Свет вместе со влюбленной в него дочерью калифорнийского губернатора. Это не просто печальная романтика — утопический Мыс Провидения действительно не отпускает своих открывателей на «обычную землю».

Действительно, над всеми русскими первопроходцами этого «края света», с точки зрения его «середины», довлеет какой-то злой рок. Начиная с исчезнувших новгородцев и умершего в своей экспедиции Беринга вплоть до волны необъяснимых смертей в самой России практически всех потомков и последователей Баранова... Впрочем, если воспринимать эту ситуацию менее мистически, за ней можно разглядеть и вполне «земные» мотивы — жесткий антиутопизм российской власти, которая чрезвычайно ревниво и негативно относится к «фантазерам», мечтающим создать новую цивилизацию. Ведь это создание с неизбежностью означает крушение старой.

Форт-Росс был самым наглядным свидетельством того, что русская жизнь может быть иной. Однажды его правителем оказался энергичный 22-летний «русский швед» Карл Шмидт. И в масштабе маленького гарнизона началась настоящая «молодежная революция» в петровском стиле — с новым дизайном самой крепости, строительством своего флота, открытием новых школ и даже театра! «Смутьяна» вскоре сместили...

Декабристы, многие из которых сотрудничали с Российско-Американской Компанией, пострадали куда серьезнее. Константин Рылеев, разрабатывавший проект независимости Русской Америки, был повешен. Другой декабрист, Дмитрий Завалишин, сепаратистом не был. Наоборот, он развивал идеи массового и интенсивного русского проникновения в Калифорнию и подбивал местных испанцев принимать российское гражданство. Свою миссию он именовал «Орденом Восстановления» и пытался убедить царя в грандиозных перспективах «обрусения Америки». Однако российская власть справедливо считала, что это будут уже «не те русские», которыми можно легко управлять. А Завалишин со своими челобитными оставался еще «тем», и был отправлен на сибирскую каторгу.

Таким образом, проект Русской Америки фактически оказался уничтоженным не какими-то внешними врагами или обстоятельствами, но изнутри — властями самой Российской империи, посчитавшей его «чрезмерно дорогим». Но Провидение иронично — вскоре после того, как Форт-Росс в 1841 году был продан буквально за копейки, именно с мельницы его нового владельца, Джона Суттера, и началась знаменитая американская «золотая лихорадка». Так российская власть, не дождавшись золотого яичка, зарезала свою курочку-рябу. А в этой реке, которая изначально называлась Славянка, а потом — Russian river, терпеливые американцы моют золото до сих пор...

* * *

После продажи Форт-Росса вся Русская Америка сжалась до границ Аляски — хотя все еще грандиозных, но уже отодвинутых далеко к Северу — и уже без регулярного и практически бесплатного продовольственного снабжения из Калифорнии. Фактически это был последний бастион перед окончательным отступлением в Старый Свет.

Однако в истории сохранились и знаменательные примеры куда более южного, чем даже Калифорния, освоения русскими этой загадочной линии перемены дат, «края света». Со-

хранились в разных значениях — как память о «потерянном рае» и о бездарности «старосветского» правительства. А также, быть может, и как намек на будущее — утопия исторических границ не знает..

Иван Окунцов приводит факты, не менее поразительные, чем высадка новгородцев на Аляске. Жюль Верн и Стивенсон отдыхают:

При дальних плаваниях в Тихом океане течением и ветрами русских мореплавателей заносило даже на экватор. Однажды они попали в Новую Зеландию, на востоке от Австралии. В то время на русском судне находился один монах, потерявший надежду на благополучный исход плавания. Монах ночью сбежал с судна на остров, где взял в свои руки власть и объявил себя королем Новой Зеландии. На острове был поднят русский флаг. Затем монах-король обратился к Петру Великому с просьбой о помощи и о принятии всех маорийцев — жителей Новой Зеландии — в русское подданство. Но помощь из Петербурга почему-то не была оказана, а монах умер и «по-королевски» был сожжен на «священном костре».

А вот обширное свидетельство из камчатского журнала «Северная Пацифика» (5), мало кому известное в плоском мире «евразийско-атлантистских» разборок:

Однажды промысловый корабль «Беринг» штормом отнесло далеко на юг. Потеряв счисление, моряки и не заметили, как сквозь kloчочущую пену выросли шипы островных кораллов. Судно разнесло в щепки, а людей вынесло к благодатным берегам. Обсушившись и перекусив бананами, они вскоре обнаружили, что попали на необитаемый остров. Около месяца русские моряки скитались по тропическим лесам, питаясь экзотическими фруктами. Изрядно обносились, но духом не пали и молились о спасении. Один из мореходов с Аляски, проходя на судне мимо острова, заметил шестерых загорелых мужчин, которые носились по берегу и выражались «крепко по-русски». Конечно, робинзонов подобрали. Вскоре их доставили в столицу Русской Америки — Ново-Архангельск, где они подробно поведали Баранову об острове с «молочными реками и кисельными берегами».

Так началась великая эпопея открытия русскими Гавайских островов. В 1806 году с легкой руки Баранова мореход Сысой Слободчиков достиг-таки Гавайев. Он привез дорогие меха, из которых местные вожди, несмотря на дикую жару, не вылезали. О щедрости «новых белых» прослышал король Гавайских островов Тамеамеа Великий. Он сам оделся в меха и выразил огромное желание торговать с людьми Баранова. Постепенно стал разгораться огонек искренней дружбы.

Всю зиму Слободчиков «со товарищи» провели под сенью пальм. Они увидели, что островитяне живут в белых полукруглых хижинах, любят петь и носить яркие одежды. Они ценят дружбу и готовы отдать даже своих подруг, чтобы убажить белого гостя. Под слова гавайских песен и неистощимые запасы русской водки три месяца зимы пролетели как один день. Страна вечного лета так понравилась нашим морякам, что они заключили с канаками первый торговый договор о поставке с Гавайев на Аляску плодов хлебного дерева, сандала и жемчуга. Тамеамеа послал в подарок Баранову королевские одежды — плащ из перьев павлинов и редкой породы попугаев. Кроме этого, король сам хотел приехать на Аляску для переговоров, но опасался оставить острова в условиях растущей морской активности «других белых».

Такой поворот дела весьма обрадовал Баранова. Он отправил на острова своего друга Тимофея Тараканова, который пробыл там целых три года, изучая жизнь островитян. Вместе с русскими жил и ближайший слуга короля Тамеамеа, который обучал белых путешественников охоте на акул и рассказывал местные легенды. Одна из них гласит: когда океан покрывал землю, огромная птица опустилась на волны и отложила яйцо. Был сильный шторм, яйцо разбилось и превратилось в острова. Вскоре к одному из них причалила лодка с Таити. На лодке были муж, жена, свинья, собака, курицы и петух. Они поселились на Гавайях — так началась жизнь на островах.

Русские настолько понравились королю Гавайских островов, что он через год их пребывания подарил царю один из островов. Местный вождь Тамари принял посланцев Баранова благосклонно. Под шум прибоя на острове Канаи строилась русская крепость-форт Святой Елизаветы. Отечественные корабли, прибывающие в крепость, встречали уже не полуголые дикари, а люди, одетые кто в шляпу и набедренную повязку, кто в матросский бушлат, кто в башмаки. Сам Тамари, как и король Тамеамеа, стал шеголять в соболиных мехах.

Жизнь на острове шла своим чередом. Вскоре был составлен первый русско-гавайский словарь. На Аляску шли корабли, груженные гавайской солью, сандаловым деревом, тропическими плодами, кофе, сахаром. Соль русские добывали близ Гонолулу, из высохшего озера в кратере старого вулкана. Дети местных вождей учились в Санкт-Петербурге, изучали не только русский язык, но и обучались точным наукам. Богател и король Тамеама. Баранов подарил ему шубу из отборного меха сибирских лисиц, зеркало, пицаль, сработанную тульскими мастерами-оружейниками. Под зелеными пальмами коралловых островов не один год развевался русский флаг. И гавайские гитары вполне ладили с русскими гармошками.

* * *

Увы, российские цари слишком отличались от гавайских королей... Они, как обычно, были озабочены укреплением своей «вертикали власти», в которую никак не вписывалась эта утопия на тихоокеанских просторах. В правлении Российско-Американской Компании вольных землепроходцев, мореплавателей и купцов постепенно полностью сменили серые чиновники, мало что понимавшие, да и не желавшие ничего особенно понимать в специфике Аляски и Тихого океана. Для их централистского мышления это пространство было не более, чем «самой дальней провинцией» Российской империи, к тому же опасно «оторванной» от метрополии. Поэтому с середины XIX века в российских околовластных кругах начинают бродить идеи о продаже Аляски.

Заметим — речь о предоставлении Аляске независимости не заходила никогда. Хотя еще свеж был пример того, как Англия все же уступила своим американским поселенцам право самостоятельно владеть освоенной ими территорией Нового Света. Что мешало России точно так же поступить с освоенной русскими частью Америки? Установив при этом с ними стратегическое *транспацифистское* партнерство, подобное *трансатлантическим* отношениям Англии и США.

Реализации этой возможности воспрепятствовало то, что Россия в гораздо большей степени принадлежала цивилизации Старого Света, чем Англия. А в континентальной Европе тех лет еще совсем не было принято отказываться от своих заморских колоний. Это считалось «признаком слабости», хотя исторический опыт свидетельствует как раз об обратном — Англия с тех пор не проиграла ни одной европейской войны, а созданное ею Содружество оказалось куда более прочным, чем многие европоцентристские проекты. Но в России победил именно европоцентризм.

Разумеется, в продаже Аляски есть своя доля вины и у непосредственных ее жителей того времени. Они, к сожалению, мало научились у другой, восточной, части Америки опыту гражданской самоорганизации, и, в большинстве своем, молча повиновались продаже своей земли, для многих уже родной. Тяжкое тоталитарное наследие централизованного российского государства проявилось даже у потомков тех, кто в свое время бежал от него...

Однако и после «русской капитуляции» на Аляске в 1867 году, эта земля не утратила свой особый, вольный характер. Только теперь он сопротивлялся уже американскому централизму. И поныне самый выигрышный предвыборный слоган на Аляске: «Мы сначала аляскинцы, а потом американцы». У современной Аляски есть свой уникальный флаг, придуманный ее детьми и ставший официальным — золотое созвездие Большой Медведицы на темно-синем фоне зимнего северного неба. И официальный девиз: «На Север, в будущее!» Наконец, там вполне легально действует и выдвигает своих политических лидеров Партия Независимости Аляски.

Что же до продажи Россией своего Нового Света, то здесь также не обошлось без символического знака Провидения. Деньги за Аляску так и не попали к вельможным «продавцам». Оговоренная сумма в 7,2 млн. долларов была выплачена золотом, которое везли из Нью-Йорка в Санкт-Петербург. Однако в Балтийском море судно затонуло...

Русскую Америку отпели в мюзикле «Юнона и Авось»:

*Принесите карты открытий
В дымке золота, как пыльца.
И, облив самогоном, сожгите
У надменных дверей дворца!*

* * *

Зеркальным отблеском освоения Аляски стала высадка американцев на Русском Севере в годы российской Гражданской войны. Формально они прибыли туда для поддержки своих русских союзников по Первой мировой войне в условиях возможного немецкого наступления. Но неожиданно возник и более близкий союз. Генерал Уайлдс Ричардсон в своих воспоминаниях «Война Америки на Севере России» писал:

1 августа 1918 года жители Архангельска, услышав о нашей экспедиции, сами восстали против местной большевистской власти, свергли ее и учредили Верховное управление Северной области.

Возглавлял это управление Николай Чайковский — очень интересный исторический деятель, известный реализацией своих утопических проектов в самой Америке. На краткий исторический миг в Архангельске словно бы воплотился аляскинский Ново-Архангельск — в то время, когда в Москве и Питере свирепствовал чекистский террор, Русский Север был экстерриториальным островком мира, где сохранялась свободная экономика, культура, пресса. Но увы, у американцев странным образом вскоре обнаружилась та же логика, что и у русских периода освоения Аляски, — «далеко и дорого». Хотя если бы они остались — впоследствии не было бы никакой «холодной войны», да и вообще Советского Союза!

Причем для этого им вовсе не нужно было предпринимать никакой агрессии — большевики в то время сами готовы были отдать все неконтролируемые ими территории, лишь бы сохранить свою власть над российскими столицами. В 1919 году Ленин предложил Уильяму Буллиту, который приехал в Москву с полуофициальной миссией от президента Вильсона, признать большевистскую Россию, и в обмен на дипломатическое признание соглашался зафиксировать результаты Гражданской войны такими, какими они были на тот момент. То есть власть большевиков ограничилась бы несколькими центральными губерниями. Но Вудро Вильсон, полагавший, что большевики и без того вскоре падут, и потому отказавшийся от этой сделки, оказался плохим провидцем...

* * *

XXI век вновь дает шанс воплотить историческую субъектность Мыса Провидения. В соответствии с прогнозами Кеничи Омаэ, Чукотка и Аляска действительно могут превратиться в особый суверенный регион, гораздо сильнее связанный внутренне, нежели со своими метрополиями. Для этого есть все экономические и культурные предпосылки. Причем такое формирование, по крайней мере на первых порах, не будет никак противоречить политическому централизму РФ и США. Чукотка и Аляска вполне могут оставаться ассоциированными субъектами этих государств, однако сама логика процесса глокализации будет вести к цивилизационному сближению этих регионов и ослаблению централизованного контроля за ними. Именно эта *утопическая* земля и станет самым *реальным* критерием того, что заявленное «стратегическое партнерство» России и Америки не является лишь декларативным.

Владимир Видеман в своей программной статье «Ориентация — Север или окно в Америку» (6) рисует грандиозные перспективы будущего российско-американского сближения. Он предсказывает создание «стратегического трансполярного альянса», который неизбежно будет доминировать в мировой политике и экономике. Однако это взгляд с позиций некоего глобального монополизма, странный для этого автора, публикующего на своем сайте множество «антиглобалистских» манифестов.

Вообще, в самом названии этой статьи очевидна аллюзия на метафизическую поэму Гейдара Джемала «Ориентация — Север». Но если у Джемала речь идет о «трансформации принципиальной дисгармонии реальности в фантастическое трансобъективное бытие», то «трансполярный альянс» Видемана выглядит на этом фоне слишком приземленным. Все его цели сводятся, в сущности, к некоему механическому соединению реальных государств РФ и США — без возникновения какой-то новой, особой цивилизации.

Проблема здесь в том, что этот автор мыслит еще модернистскими категориями централизованных национальных государств и, видимо, не замечает, что мир перешел уже в совсем другую эпоху, когда основными субъектами политики становятся сами регионы, в особенности — расположенные на границах этих государств. Их прямое сотрудничество оказывается

все более значимым и эффективным, чем дипломатические протоколы центральных властей. И чем более «далекими» друг от друга полагают себя политические центры этих национальных государств, тем более интересным и перспективным — в плане создания новой цивилизации — оказывается взаимодействие их пограничных регионов. Это вообще онтологический закон «сочетания противоположностей» — чем более они радикальны, тем более уникальным оказывается результат их синтеза.

После европоцентристской эпохи модерна сама Европа сегодня словно бы переживает «вторую молодость» — расцвет регионализма в Старом Свете уже таков, что заставляет усомниться, существуют ли там еще национальные государства, напоминая о временах, когда их вообще не было. Однако нынешняя Россия со своим гиперцентрализмом и европоцентризмом остается еще в состоянии модерна. Преодолеть его способен лишь выход северных регионов на уровень прямого транснационального и трансконтинентального сотрудничества с северянами других стран. Но пока оно тормозится центральными властями, резонно опасаясь того, что самостоятельный Север просто перестанет их содержать.

Север и Сибирь, занимающие 2/3 территории Российской Федерации, дают этому государству более 70 % экспортной прибыли, однако по причине его тотального экономического централизма имеют репутацию «дотационных». А «донором» изображается Москва, контролирующая нефтегазовые трубы. Менее контрастная, но схожая ситуация наблюдается и на Севере Америки. В этих условиях никакой «стратегический трансполярный альянс» между чиновниками двух стран для северян ничего не изменит.

Эта «принципиальная дисгармония реальности» может быть исправлена только с переходом в «фантастическое трансобъективное бытие» — когда власть на Севере от изолированных и централизованных государственных машин перейдет к сетевому, транснациональному гражданскому самоуправлению. Именно тогда «однополярная» Америка и гиперцентрализованная Россия уйдут в историю и уступят место глобальному Северу.

Русский, Сибирский Север по своему менталитету ближе Аляске, чем Московии. Аналогично и Аляска гораздо более похожа на Русский Север, чем на «down states», как аляскинцы называют основную территорию США. Интересными наблюдениями на этот счет делится в интернете Олег Моисеенко, русский американец, приехавший на Аляску туристом:

Аляска — это страна настоящих мужчин и настоящей мужской работы: строителей, лесорубов, нефтяников, охотников, водителей, рыбаков, капитанов и пилотов (удивительно, но факт — такую работу здесь делают и женщины!). Аляска — это мир вне СМИ, светских новостей и прочих порождений цивилизации. Это возможность принадлежать самому себе. Быть свободным от надзора полиции (вне Анкориджа). И наконец (пожалуйста, смотрите на это просто как на факт) — это все еще уголок белого человека.

Понятно, почему белого человека из «нижних штатов» последнее особенно впечатляет. В отличие от них на Аляске действительно нет той болезненной политкорректности, которая все более превращается в расизм наизнанку. Там есть просто здоровая, естественная, северная мультикультурность, где никто никому не мешает быть самим собой и не заставляет стыдиться от непринадлежности к тому или иному агрессивному меньшинству. Именно эта «возможность принадлежать самому себе» и является самой удивительной чертой аляскинцев в глазах носителей навязчивых медиа-стандартов.

Однако было бы неточно изображать Аляску как некий архаичный индустриальный придаток постиндустриального мира. Там пропорционально ничуть не меньше представителей творческих, «постэкономических» профессий, чем в «нижних штатах», — но их мировоззрение существенно отличается. Величественная, прекрасная, и поныне бережно сохраняемая природа Аляски, а также репутация «края земли» воспитывает менталитет первооткрывателей, а не пассивных потребителей глобальной попсы. И это будет становиться все заметнее на фоне идеологических, демографических и региональных коллизий в «нижних штатах», борющихся за место под догорающим солнцем уходящего мира...

Примечательно, что одна из сибирских староверческих общин, которую судьба в XX веке заносила и в Китай, и затем в Южную Америку, в конце концов нашла свое место именно на Аляске. Их городок Николаевск вполне органично вписался и в аляскинскую природу, и в топонимику, где сохранилось множество русских названий. Хотя психология у них, конечно, существенно изменилась — нет больше пугливой подозрительности к чужакам и технике. Но нет, однако, и чрезмерно расчетливого «американизма»... Исследуя в целом фе-

номен этой особой культуры, возникающей на русско-американском пограничье, Михаил Эпштейн предвидит их грядущий уникальный синтез:

В своей потенции это великая культура, которая не вмещается целиком ни в американскую, ни в российскую традицию, а принадлежит каким-то фантастическим культурам будущего, вроде той Амероссии, которая изображается в романе Вл. Набокова «Ада». Русско-американская культура не сводима к своим отдельным составляющим, но перерастает их, как крона, в которой далеко разошедшиеся ветви когда-то единого индо-европейского древа будут заново сплетаться, узнавать свое родство, подобно тому, как смутно узнается родство индо-европейских корней в русском «сам» и английском «same». Единые по своим глубочайшим корням, эти культуры могут оказаться едиными и по своим дальним побегам и ответвлениям, и русско-американская культура может быть одним из предвестий, прообразов такого будущего единства.

Когда я думаю о русском американце, мне представляется образ интеллектуальной и эмоциональной широты, которая могла бы сочетать в себе *аналитическую тонкость и практичность американского ума и синтетические наклонности, мистическую одаренность русской души*. Сочетать российскую культуру задумчивой меланхолии, сердечной тоски, светлой печали, — и американскую культуру мужественного оптимизма, деятельного участия и сострадания, веры в себя и в других...

Именно на этом «Беринговом мосту» произойдет символическое рукопожатие Семена Дежнева и Джека Лондона. Те, кто часто вспоминает киплингские строки «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись», почему-то забывают пророческий финал этого стихотворения:

*Но нет Востока, и Запада нет,
Что значит племя, родина, род,
Когда сильный с сильным плечом к плечу
У края земли встает?*

Глава из книги: RUтопия. М.: Ультра. Культура, 2004.

ПЕРЕСБОРКА РУССКОГО МИРА

Происходящие вокруг России революции всё больше пугают российское общество. Грузия, Украина, теперь вот Кыргызстан — во всех этих странах победили силы, не поддерживаемые российской властью. Даже более того, на первый взгляд кажущиеся и внутренне антироссийскими и антирусскими.

Первая ласточка случилась не в СНГ, а уже в Евросоюзе. В Литве, пусть и демократическими процедурами, но всё же с изрядным сомнением в легитимности, отправили в отставку в целом пророссийского (насколько можно быть пророссийским политику в современной Литве) выросшего в СССР Роландаса Паксаса и путём свободных демократических выборов вернули власть проведшему большую часть жизни в США Валдасу Адамкусу.

Первой в СНГ была Грузия с её «революцией роз». Конфликт в стране назревал давно, но был настолько скрыт от россиян, причём не только обывателей, но и специалистов, что поначалу в прочность нового правительства никто не верил. Однако прошло уже больше года, а правительство вполне успешно преодолело внутренние противоречия и успешно продолжает работу.

Потом была Украина. Пожалуй, события на Украине и показали, что грузинская революция — не единичное событие, а начало чего-то большего. Снова политологи подсчитывали выигрыши и потери России, Европы и Америки при реализации разных сценариев, а обыватели, как и в тот раз, обсуждали «продавшуюся американцам оппозицию». Однако за развитием событий на Украине следили все. После того, как она стала фактом, почти во всех постсоветских государствах власть живёт в состоянии ожидания революции. О её возможности говорят, с разной степенью интенсивности, но всё же гораздо чаще, чем раньше, в России, Беларуси, Армении и Казахстане. А в Кыргызстане, пожалуй, самом благополучном в политическом отношении из постсоветских азиатских государств, революция вдруг произошла.

«СЛАВА ВАМ, КАЖДОМУ»

«Слава вам, каждому, слава Господу Богу и слава Украине,» — эти слова, которым Виктор Ющенко закончил своё обращение к сторонникам, собравшимся на Майдане Незалежности, пожалуй, лучше всего характеризуют суть происходящих революций.

Вся система, сложившаяся в большинстве постсоветских государств, в том числе и в России, восходила к личностям, если не бывшим руководителями ещё в позднесоветское время, то воспитывавшимся именно в советских структурах. Ещё больше это относится к руководителям более низкого уровня. Где-то раньше, где-то позже, но почти во всех странах после короткого периода свободы началось очередное закручивание гаек и реставрация советской системы если не в экономике, то в общественных отношениях.

Однако население стран уже включилось в глобальный мир, присоединилось к благам современной цивилизации, и так же, как и в советское время, владеть умами стало невозможно. Люди же вдохнули свободы, и отдавать её не собирались, поэтому советские методы управления обществом становились всё менее эффективными. Всё произошло в точности по Линкольну: «Нельзя дурачить весь народ всё время». И движения, приведшие к смене режимов были не столько движениями конкретно за Ющенко или Саакашвили, сколько против циничного поведения вернувшейся советской власти, против отношения к людям как к быдлу.

То, что протест был именно таким, показывают множество фактов, проявившихся, например, в ходе украинской кампании. Это заметно, даже если сравнивать уровень организации размещения в Киеве прибывающих из регионов сторонников: люди Януковича не догадались даже нормально накормить организованно привезённых шахтёров, в то время как в лагере Ющенко людей успевали и одевать и кормить. Дело тут не в финансовых возможностях: у донецких олигархов их не меньше, чем у финансовых покровителей Ющенко (я здесь не буду касаться вопроса, западные они были или нет), дело именно в восприятии народа как «быдла» или равноправного партнёра.

Показательным здесь является и музыкальное сопровождение революции. Победу в оранжевой революции можно представить даже не столько как победу двух личностей, и даже не победу Западной Украины над Восточной, а как прежде всего победу «Океана Эльзы» над Веркой Сердючкой. Я, конечно же, имею в виду не этих конкретных исполнителей, а стили музыки, ими выражаемые. Произошла некая победа качественной динамичной рок-музыки, дающей слушателю пищу для размышлений, над отупляющей «аншлаговщиной», построенной по принципу «а пипл схавает» и насаждаемой, в общем-то без спроса мнения населения, по всем каналам.

Показательно в этом отношении и участие в украинской революции музыкальных коллективов из стран СНГ. Так, Беларусь была представлена пропагандируемыми властью унаследованными с советских времён Поплавской и Тихановичем, со стороны Януковича, и запрещёнными на родине за активную гражданскую позицию «N. R. M.» и «Крамбамбулей» с противоположной.

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ БУДУТ К НАМ.

Киев — мать городов русских. Это знают все. О важности Украины для постсоветского пространства писал ещё Бжезинский. Киев — единственная кроме Москвы точка, способная собрать вокруг себя пространство СНГ.

Собственно, процесс уже идёт. Украина активно поддерживает связь с новыми правительствами Грузии и Кыргызстана, и демократической оппозицией в других странах: России, Беларуси, Молдове. Показательно хотя бы назначение Бориса Немцова советником правительства Украины и участие украинских политических организаций в оппозиционных мероприятиях в Минске. Впрочем, участие это — процесс взаимный: на облетевших мир кадрах с Майдана Незалежности хорошо заметны национальные флаги Грузии и Беларуси, а люди собрались со всего СНГ. Да и на «оранжевых» митингах в Москве были далеко не только украинцы и граждане Украины. Показателен и тот факт, что первыми после речи Ющенко на сцену Майдана вышли белорусские, а не украинские группы.

Притягивает Украина и альтернативные музыкальные проекты: поскольку украинский медиа-рынок — второй по объёму в СНГ после российского, а правила на нём не настолько жёсткие, как в России, новым коллективам, особенно отходящим от насаждаемого в России аншлагово-попсового направления, проще пробиться именно там. Что мы и видим на примере белорусских проектов, запрещённых на Родине: «Крамбамбуля», «Саша и Сирожа» и другие предпочитают выходить на украинские просторы и даже не пытаются идти на российский медиа-рынок, хотя по уровню исполнения они вполне конкурентоспособны.

Всё это можно трактовать следующим, весьма неприятным для России образом: складываются некие два СНГ, два Русских мира. В каждой стране оба они присутствуют и постоянно соперничают друг с другом. Один из них, советский, номенклатурный, олигархический, группируется вокруг Москвы. Наверное, в том числе и в этом выражается тяжкий груз правопреемственности СССР. Другой — свободный, динамичный, рыночный, можно сказать, предпринимательский — после его успешного выдавливания из политического пространства России всё больше концентрируется вокруг Киева.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ...

Революция ещё не победила — скажете вы. Новые правительства, что в Грузии, что на Украине, погрязли в межклановых разборках и «охоте на ведьм». И в чём-то будете правы. Действительно, пришедшие к власти новые команды управляют странами по советским номенклатурным лекалам. Также боятся инакомыслия. Также друг друга «подсигивают». Что поделаешь, эти люди — тоже продукты советской системы отношений. Об этом же говорит и история с отставкой министра юстиции Украины Романа Зварыча — вернувшегося на Родину выросшего в Америке украинца, не прижившегося в номенклатурной системе отношений нового украинского правительства.

Но... Давайте взглянем тех людей, которые стояли на Майдане Незалежности в Киеве. Которые ходят на митинги «Яблока», коммунистов и «Идущих без Путина» в Москве. Которые устраивают разного рода акции вроде признания в любви к европейским ценностям на Октябрьской площади в Минске. Сравним возраст музыкантов, выступавших на Майдане Незалежности, с насаждавшимися по всем телеканалам партией власти.

Вырастает новое политическое поколение, которое не помнит «благословенного застоя», зато помнит (если!) огромные очереди за дефицитом и продукты по талонам. Которое выросло в эпоху свободного выбора, во что ему одеваться, какую музыку слушать, за какую границу ехать отдыхать. Которое достаточно динамично и мобильно, и уже успело если не подышать воздухом свободы, то в достаточной степени его почувствовать посредством свободных СМИ и Интернета. Они — будущее своих стран. И они свой выбор сделали. Именно эти ребята и составляли костяк собравшихся на Майдане и оранжевых митингов в Москве. Даже ленивые домоседы из этой категории в кухонных разговорах всё равно поддерживают революцию, ругают Путина, «Идущих вместе» и Лукашенко. Именно они в будущем займут командные высоты в своих государствах, либо, в случае чрезмерного давления, как это происходит в Беларуси, в полном составе эмигрируют. И именно из-за них я почти уверен в том, что либо в форме какой-то революции, либо эволюционного развития эти страны также придут к своим «оранжевым» процессам. Либо, что печально и нежелательно, скатятся на свалку истории, на её свободное пространство между Северной Кореей и Кубой. «Если нет было надежды на изменения, то надо рвать когти из страны. Но мы здесь, значит у нас есть надежда,» — говорит «туру» запрещённых белорусских рок-музыкантов солист N. R. M. Лявон Вольский.

«ПРОДОЛЖАЕТСЯ РУССКИЙ ЯЗЫК...»

Когда-то Русь была полноправным европейским государством. Мы прекрасно помним из учебников истории о князе Мстиславе Владимировиче, сыне англичанки Гиты Гаральдовны, о Ярославне, королеве Франции. И позже, во времена удельных княжеств, Русь не была в стороне от европейского исторического, культурного и торгового движения. Те из них, которые вошли в состав Великого Княжества Литовско-Русского продолжали держаться европейской культурной орбиты, восприняли европейскую городскую культуру и европейские системы технологий и образования. Северо-восточные же земли, впоследствии трансформировавшиеся в Россию, как принято считать, были разорены татаро-монгольским нашествием и отброшены от Европы на триста лет.

Неправда это. Оставался ещё Великий Новгород, продолжавший развивать древнерусские типы вечевой демократии: уже в монгольский период власть князя всё более ослабевала, а «производные» Новгорода, такие как Вятская земля, и вовсе обходились без княжеской власти, по сути дела, являясь первыми «чистыми» республиками на русской земле (не правда ли, символическая связь вече и нынешних «площадных» демократий). При этом Великий Новгород успешно и на равных правах входил в европейские организации (если так можно назвать Ганзейский союз), участвовал в европейской политике.

Да и Московия при Иване III и Василии III, только освободившись от татарского ига, двинулась в Европу, и успешно, семимильными шагами. Тогда в Москве работали итальянские мастера, строился Кремль, как говорили европейские путешественники того времени, «в итальянском стиле», Московия участвовала в европейской политике и даже ватиканских интригах, заключала династические браки, и такие знаковые, как женитьба Василия III на Софье Палеолог.

При Иване Грозном это всё резко куда-то пропало. Россия идёт на восток. Присоединяет татарские ханства Поволжья, инкорпорируя в себя местные элиты. Причём эти элиты занимают очень высокие посты в государстве, а сам царь одно время даже завещал престол «Великому князю Симеону Бекбулатовичу». Разрушаются и последние оплоты вечевой демократии и связи с Европой: Новгород, Псков и Вятка. И в стране на долгие столетия устанавливается восточная деспотия со всеми её атрибутами вроде «доброты царя», «сильной руки», «вертикали власти», «православия, самодержавия, народности»...

Наверное, правы Рафаэль Хакимов и его идейные предшественники, заявляя, что Москва — это просто переехавшая столица Золотой Орды.

Российская империя развивалась. Дошла до Тихого Океана. Присоединила Среднюю Азию. Восприняла, пусть и с опозданием, европейские технологии. Выигрывала войны. Потом, уже в формате Советского Союза, выиграла самую кровавую войну в истории. И всё это — в разных формах деспотии, то пытающейся примерить на себя европейскую маску, то нет. Всегда у нас были «добрый царь» и «плохие бояре», всегда народ считался быдлом, с мнением и потерями которого можно не считаться. Пока вдруг не обнаружилось, что народу мало. Что мир изменился и каждый человек на вес золота. Что «бабы в Сибири больше не нарожают». И поэтому с людьми надо считаться, иначе они сами заставят с собой считаться, голосуя ногами и авиабилетами.

Потому и происходят вокруг России одна за другой разноцветные революции. Потому и просят рок-музыкантов о нейтралитете и заполняют телеэкраны аншлаговщиной российские и белорусские власти. В то время, когда путинская Россия-РФ, законный правопреемник Российской империи и СССР всё быстрее теряет свои позиции в мире и на постсоветском пространстве, становится новый, динамичный Русский мир, который пока ещё может быть и слаб, но уже самодостаточен и признаваем на международной арене (пример этого, пусть и далёкий от политики — победа Русланы на Евровидении) и склонен к быстрому и активному развитию. Именно он сейчас — главная угроза для постсоветских режимов. И именно он — единственный шанс для возвращения Русского мира из исторического небытия.

Наверное, он будет совсем другим, совсем непривычным для нас. Он не будет никому угрожать, а просто спокойно развиваться. Он будет сетевым, разбросанным по всей планете. В нём не будет единого всеподавляющего Центра, подобного Москве (Санкт-Петербургу) в Московии — Российской Империи — СССР. В нём не будет вертикали власти, а будет достаточно широкое разнообразие культур и жизненных укладов...

«Вертикаль власти — это харакири», — хорошо сказал как-то Рафаэль Хакимов, обнаружив совпадение системных кризисов в Российской Империи/СССР с укреплением центральной власти. Не знаю, правильно ли эту мысль применять к прошлому, но сейчас вопрос стоит именно так.

УКРАИНА UNDER CONSTRUCTING...

Летом-осенью 2005г. была проведена исследовательская работа, выявляющая реальные психологические, ментальные основания жителей Украины для разыгрывания политических сценариев территориального перепланирования государственных границ в пределах Украины и перспективах воссоединения с Россией. На основе личных бесед с людьми, участвующими в политической жизни Украины, в той или иной степени наделённых властью и владеющих собственностью, на основе наблюдений за поведением жителей, анализе политической информации из открытых и конфиденциальных источников, внимательным изучением языка, сделаны заключения, частично изложенные в данной статье.

Украина находится в состоянии поиска основ государственности: происходит осмысление себя жителями Украины в исторической ретроспективе, поднимается вопрос о наличии гражданского самосознания у людей, населяющих эту территорию.

Перед Украинской властью стоят несколько неразрешённых ключевых противоречий, определяющих перспективы государственности. Для утверждения государства нужно попытаться отделить свой народ как нацию от других материнских целостностей: русских, белорусов, поляков. Для этого интенсивными темпами попытаться развить собственный язык и культуру до возможности ответа на современные вызовы. Вырастить собственную национальную политическую элиту, несущую на себе традиции властвования. Согласовать с мировым сообществом место Украины в глобальной макроэкономике. И все эти задачи не возможно расположить в последовательность, а требуется решать одновременно в перспективе 10-20 лет, бросая на их решение имеющиеся ресурсы и изыскивая новые.

Жителям Украины, если они хотят утвердить государство, следует осмыслить себя как «единый народ», отделив себя в культурно-историческом самосознании от других «материнских» целостностей и постараться утвердиться в своей самости. Если такого самостоятельного народа не обнаружится или его не удастся отделить от русского народа, существование государства Украина, как целостности, утверждающейся на основе нации, можно оспаривать. Учитывая соседство внутри государства украинского и русского населения (считающего себя русскими, русский язык родным), для Украины это означает века споров о кровных и культурно-исторических связях с соседними народами России, Белоруссии и Польши. Как следствие, эти споры сохраняют и в будущем постоянную возможность дестабилизации политической и экономической жизни через пересмотр исторических и политических координат.

Существенных для государственного строительства, этнически обусловленных ментальных отличий жителей восточных областей Украины: Харьковской, Донецкой, Луганской от жителей Белгородской, Курской, Ростовской областей не обнаружено! Более того, жители областей по разным сторонам границы крайне дружелюбны друг к другу и считают друг друга «родными, на время разделёнными». Государственная граница, проведённая между этими областями — достаточно искусственная линия разделения, не обусловленная существенными этно-национальными различиями в населении этих областей! Изменения менталитета фиксируются внутри самого украинского государства, и наиболее близки к границам 1938 г.

Сильного ядра культуры, отличной от культуры русской, у Украины нет. Единственной возможностью получить Украиной сильное культурное ядро — выделить огромный пласт русской культуры созданной украинцами на русском языке и в русских традициях творчества (Н.Гоголь, К.Малевиц...), и попытаться считать его своим вместе с Россией. Но, очевидно, что это не значительный заход на провокацию. Украинский язык не есть самостоятельный язык, отличный от русского в своём историческом развитии. Скорее он родная предтеча современного литературного русского языка, появившегося за последние два века. Политическая протекция на Украине массового увлечение «старинной» приводит к мысли о грядущем регрессе в самых живых областях жизнедеятельности на этой территории.

Исходя из всего перечисленного, строительство Украинского государства не может происходить на этногенетической основе, т.е. не может мобилизовывать естественный потенциал ук-

раинцев как Нации, по причине их высокой впаянности в русскую культуру и кровь, и по сути являющихся «русскими украинцами». Сейчас находящиеся у власти украинские политики стремятся показать проект государства «Украина» *национальным*, однако, это попытка ввести в заблуждение. Исторический этап вызревания украинцев как нации уже не будет пройден, в силу окончания эпохи национальных государств (см.: J.Habermas «Die Postnationale Konstellation und Zukunft der Demokratie»). Какая модель государства возможна на этой территории — отдельный вопрос. На самом деле, существующее государство, возникнувшее по остаточному принципу, не в результате учреждения, а в результате распада, является проектом *советских элит*, и представляет собой корпорацию собственников украинских экономических инфраструктур, присвоенных всё в том же процессе распада. Существующая государственность Украины сохраняется крайне неустойчивой, именно по причине отсутствия внятной национальной идентификации и, по сути, отсутствия общего видения проекта государства с обязательным учётом исторических оснований и ясной концепцией источника власти.

Вследствие распада СССР, элиты, управлявшие государством, кадры способные к государственному строительству и управлению, остались в Москве. Оставшиеся на территории Украины, работники администраций считались *республиканскими* в годы СССР. Настоящей Элиты, подготовленной и способной к строительству государства, несущей на себе традиции властвования, в Украине нет. В этом признаются сами чиновники администрации, это же признают депутаты Верховной Рады и местных органов власти. Такое положение усугубляется моральным опустошением и тотальной коррупцией. Руководители хозяйственных инфраструктур близких, к примеру, Ефиму Звягильскому, констатируют ставшее естественным стремление к воровству сотен их работников, что катастрофически мешает развитию хозяйства. Как молодому государству Украине требуется сильная политическая, научная, культурная элита, без которой страна не сможет стать в ряд развитых стран.

Вопрос, на какой культурной, языковой и образовательной базе эту задачу решать?

Этой задачи не решить без построения универсальной системы образования, тесно переплетённой с российской системой подготовки кадров и международными образовательными центрами. В связи с этим, нельзя направлять скудные экономические резервы населения Украины на перекодирование существующих систем Знания на искусственно наполняемый Украинский язык в ущерб свободе оперирования языками с более мощными ядрами — литературного русского и международного английского. Раз приходится прилагать большие усилия на уровне государства для срочного наполнения украинского языка современными терминами, вводить экстренными мерами государственное обеспечение разработки понятийного аппарата, значит естественно развивавшийся язык (не важно в силу каких причин) не соответствует уровню современных технологических и экономико-хозяйственных задач. Следовательно, вложения в отстающую жизненноважную систему хранения, воспроизводства и выработки знания в условиях становления «Экономики знаний» — чрезвычайно рискованные инвестиции, если не роковые для будущего поколения! На украинском языке, оставшемся на уровне XVIII века, невозможно работать ни с современной информационной экономикой, экономикой знаний, ни с высокими инновационными технологиями и разрабатывать их, а именно они ложатся в основу современных интеллектуальноёмких производств. В интересах Украины ввести сложную систему образования на двух базовых, интуитивно впитываемых родных языках: русском и украинском, и одном международном — английском для возможности воспитывать новую элитную прослойку в образовательных системах России и Европы.

Руководители Украины понимают дилемму: либо ставка на неразвитый украинский язык и культуру непромышленных, сельских районов в надежде на созревание Нации, что повлечёт за собой выпадение из современной экономической гонки и истощение ресурсов, либо введение вторым государственным русского языка, что позволит сохранить имеющийся культурный уровень и остаться в ряду перспективных экономик, но придётся расстаться с идеей национально-го государства!

Представители Украинских политических, экономических, культурных, религиозных кругов разобщены. Только на наднациональном и вненациональном — правовом уровне возможно управлять столь разными регионами Украины. Если и возможно строить Украинское государство вне союза с Россией, то только в концепции государства-корпорации. Историческая память, культурное наследие, языковое ядро и вся национальная идентичность будет долгие десятилетия расщеплена.

Всё вышеперечисленное придаёт геополитической системе в этом регионе высокую степень нестабильности, что сохраняет возможность перепланировать геополитическое устройство, играть с границами государственных образований.

Нахождение в точке пересечения интересов России и Евросоюза, когда обе стороны приминают, но ни одна не кормит, пагубно сказывается на перспективах получения фактической независимости и приобретения сильной субъектности Украиной. Сейчас украинские политические круги ищут кооперации и союзнических отношений одновременно во всех возможных направлениях. И если видеть системность этих процессов, то можно констатировать за этим явную потребность найти именно на международном уровне политическую легитимность государственного образования «Украина». Есть явная попытка растянуть ткань дипломатического платка, завязав его уголками в кардинально противоположных сторонах, за счёт вплетения в общую сетку международных отношений, легитимировать и обезопасить свою власть. Однако перспективный концептуальный план включения Украины в региональную политическую архитектуру без протектората России так и не найден. Без придания жёсткости государственной конструкции, территория Украины превращается в зону длительной экономической и геополитической нестабильности, это в свою очередь может скоро возбудить желание жителей Украины объединения с Россией в поисках социальных, экономических, правовых гарантий. Существенную трудность на этом политическом пути играют высшие государственные слои, не желающие выпускать из рук собственное государство, не испытав до конца все шансы удержать его, как геополитический проект высокой капиталоемкости.

Пётр Щедровицкий

РУССКИЙ МИР. ВОЗМОЖНЫЕ ЦЕЛИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Сегодня мало кто станет возражать, что последние 25 лет в мире происходили кардинальные изменения. Масштабные и интенсивные перемены захватили не только сферы хозяйства, экономики и политики, но и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа, а вместе с тем практику образования и мышления. Надвигается новая эпоха.

На рубеже веков множатся общемировоззренческие размышления об итогах уходящего и перспективах надвигающегося столетия. На фоне разногласия в оценках будущего практически все диспутанты сходятся в том, что существующие сегодня социокультурные институты и технологии управления требуют кардинальной реконструкции.

Перелом драматичен. XX век проблематизировал практически все политические и экономические понятия, сфокусированные вокруг идеи «национального» государства и «народного» хозяйства — единиц, которые уже несколько столетий задавали рамки оценки происходящих изменений и проектирования достойного будущего. Бурными темпами оформляются транснациональные хозяйственно-экономические регионы. Экономические процессы все больше выходят за границы национальных государств, а национально-государственные границы на наших глазах теряют экономический смысл. Не только футурология, но и практическое управление — вплоть до уровня отдельного предприятия — все больше начинают пользоваться понятиями геоэкономики.

В эпоху интенсивных и быстротечных перемен *самая большая опасность таится в концентрации усилий и ресурсов на достижение ложных целей, постановка которых инициируется обращением к уходящим ценностям, негодным средствам и устаревшим знаниям.* Американский философ и футуролог А. Тоффлер обратил наше внимание на появление новой массовой болезни: боязни будущего. Как показывает анализ опыта уходящего века, человеческое понимание и мышление достаточно консервативны. Даже открытые новые технологии мышления отторгаются массовым сознанием из страха перед переменами. В меняющихся обстоятельствах распространенные способы действия могут длительное время сохраняться неизменными, будучи огороженные стенами непонимания и неприятия. Русский философ В. Лефевр в многочисленных исследованиях показал, что человек (и человеческая группа-сообщество) представляет собой «рефлексивную систему», которая действует в пределах принятых им самим рамок и превращает ожидаемое в явь.

Мы знаем, что человеческие сообщества часто утрачивают волю понимать историю и использовать ресурсы коллективного мышления для действия в новых условиях. Мировое развитие подобно молевому сплаву: сплавщик перескакивает с одного бревна на другое; цена скоординированности и ритма его движений — продвижение целого и его собственная жизнь. Великий русский ученый Л. Гумилев посвятил свои работы исследованию границ феномена пассионарности — временного перемещения центра воли-действовать-в-истории по материалу этнокультурных групп. Переживая события последних десятилетий, мы, русские, вынуждены задавать себе вопрос в исторических рамках: каков смысл процессов, происходящих на территории бывшего СССР? *Сохранилась ли здесь воля мыслить и действовать в историческом масштабе? Каковы возможные цели русского самоопределения?*

ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ И СИСТЕМА КООРДИНАТ

Важнейший момент в процессах целеобразования — выбор рамок. Можно ли сегодня, на рубеже XXI века, вести речь в терминах самостоятельного мира-экономики в условиях глобализации мирового хозяйства? Можно ли говорить о геоэкономических интересах страны-системы в условиях становления макрорегионов (подобных ЕС или АТР)? *Можно ли в языке национального капитала планировать будущее в условиях расширения поля деятельности ТНК и формирования геофинансовых потоков?* Эти вопросы выбора точки отсчета предельно драматичны.

Мы исходим из того, что человеческое общество представляет собой рефлексивную полисистему, в которой идеи и представления, которыми пользуются люди для осмысления своего прошлого и проектирования будущего, реальнее, чем фактическое положение дел. Представления есть реальность, а знания суть идеи-силы, влияющие на способы самоопределения и взаимодействия людей. В конечном счете именно технологии мышления и понимания человеком самого себя (своего места в мире) и закрепляющие их идеологии, получившие массовое распространение, становятся ведущим фактором исторического взлета и падения обществ и государств.

Французская буржуазная революция знаменует собой становление новой геокультурной ситуации, новую интеллектуальную и идеологическую формацию. В ее основе — идея и идеология развития. *XIX век постулировал в качестве направляющей оси мировой истории процессы индустриализации — развития средств деятельности и присвоения благ природы в целях воспроизводства условий жизни человека.* Вместе с тем, будучи качественным изменением и новообразованием, развитие неравномерно. Неравномерность его процессов состоит, в частности, в эшелонированном и асимметричном характере распределения последствий и эффектов изменения. Развитие создает различие. Различие создает богатство — и бедность. Следующий шаг развития не столько сглаживает, сколько углубляет и закрепляет разрывы предыдущего, создавая вместе с тем полюса и точки для новообразований следующего поколения. Всякое развитие носит кризисный характер; будучи кризисным (а часто катастрофичным), оно фундаментально неопределенно. Неопределенность порождает страх. Страх оборачивается агрессией.

XX век был (в отличие от XIX) гораздо более критичен к процессам индустриализации. Римский клуб впервые четко постулирует, что экономическое развитие является системой займов у будущего. В последние 25 лет ширятся рассогласования между процессами мирового потребления и инфраструктурами управления, между производительными элементами мирового хозяйства и трансрегиональными перетоками ресурсов, товаров и услуг.

Модели экстенсивного развития исчерпаны. Предметом анализа становится возможность интенсивных форм развития, их предпосылки и обеспечивающие способы мышления и деятельности. *На рубеже XXI века предметом заботы становятся не объемы производства товаров и не уровень обеспеченности потребления, но способность управлять глобальным производством, потреблением и обращением, воплощенная в качестве самих систем управления.* Аналитики развитых индустриальных стран более 30 лет назад обратили внимание на *трансформацию промышленной бюрократии второй волны в быстроманевренную группу организаторов-управленцев третьей.* Сегодня мы стоим на пороге *четвертой волны.* Ее характеризуют *формирование новых технологий мышления (прежде всего методологического), коллективной деятельности и управленческих команд; перенос центра исследований из области объектно-ориентированных наук в сферу исследования мышления и деятельности; повышение плотности и «точности» инвестиционных потоков; глобальная доступность интеллектуального труда (квалифицированных кадров) и столь же глобальное управление ресурсными потоками.*

Сегодня решение большей части мировых проблем оказалось, на наш взгляд, сконцентрировано в сфере управления. Растет уровень специализации организационно-управленческого мышления и деятельности. На смену планированию и оргпроектированию приходит *логистика, сценирование и стратегическое управление сложными процессами.* Работа управления приобретает кооперативный и командный характер. Технологизация процессов потребления в ориентации на национальные и региональные рынки, характерная для XX столетия, дополняется (а во многом замещается) *технологизацией процессов обращения и распределения ресурсов в масштабах мирового хозяйства.* Происходит повсеместный *переход от иерархической архитектуры систем управления к сетевым принципам и моделям.*

Несмотря на утверждения о формировании постиндустриальной цивилизации, реальный переход в новую историческую формацию (отношений) остается вопросом отдаленного будущего (существуют достаточно веские основания, позволяющие предположить, что этот переход будет связан с переходом от производства средств деятельности к производству человеческих качеств, самого человека и глобальным технологиям управления жизнью). Однако сегодня мы продолжаем существовать в рамках все еще доминирующей индустриальной ойкумены. Вместе с тем, как мы уже подчеркивали, если до последней четверти XX века основной единицей индустриального роста было национальное или народное (как говорил Ф. Лист) хозяйство, то на пороге XXI века возникают новые границы и новые системы отношений.

В конце XX века мирохозяйственные процессы фактически выходят за границы не только национальных государств, но и региональных трансгосударственных альянсов и блоков. Складывается реальность мирового хозяйства. Возникают новые межгосударственные и глобальные институты, регулирующие мировые ресурсные потоки как в сфере добычи сырья, мирового транзита и производства, так и в сфере инновационной деятельности, глобального перемещения квалифицированных кадров и геофинансов. Страны, напротив, все больше превращаются в агломерации различных хозяйственно-экономических укладов, зачастую неспособные справиться с протекающими на их территории экономическими и социальными процессами.

На смену уходящим субъектам мирового развития — национальным государствам и ТНК — приходят новые, в том числе мировые диаспоры, крупные трансрегиональные объединения или стратегические альянсы стран, мировые города (инфраструктурные узлы мировой геоэкономической сети) и антропоструктуры (сплоченные группы и ассоциации, использующие сетевые формы организации деятельности и культурную политику для активного участия в мировых процессах).

ПОИСК РАМОК

В качестве важнейших причин краха советского проекта, постигшего СССР в 70-80-е годы, следует назвать ложные установки и концепции, многие из которых получили распространение в конце XIX — начале XX века. Среди них выделим «технократизм» в понимании процессов воспроизводства и развития общества, а также недооценку как роли культурных факторов и культурных ресурсов в человеческой истории и деятельности, так и значения оргуправленческого мышления и деятельности. Еще раз: в качестве важнейшей идейной предпосылки кризиса мы назвали «технократизм» — комплекс представлений о ведущей роли в процессах изменения и развития материально-технических условий деятельности, опирающийся на недооценку значимости культурных, институциональных, гуманитарных и человеческих ресурсов. В противовес этому уже в конце XIX века — во многом в оппозиции к техно-экономической доктрине формационных изменений К. Маркса — в европейской интеллектуальной традиции сформировалось понимание того, что индустриальное, промышленное и экономическое развитие в гораздо большей степени опирается на культурные и социокультурные институты, чем на технические нововведения.

Для СССР и стран, возникших на территории постсоветского пространства, последнее 30-летие стало во многом периодом избавления от иллюзий. Расширяющиеся противоречия между уровнем развития производительных сил, присущим мировому хозяйству, и типом производственных отношений стран «развитого социализма» привели уже в середине 70-х годов к самораскручивающемуся кризису устаревшей системной соорганизации. Слабость культурной политики и институционального обеспечения процессов развития превратила эти страны в узлы культурных, политических, социальных и экономических проблем. Сегодня все более ясна та драматическая развилка, перед которой оказалась Россия как ядро постсоветского пространства: *либо будет предложена новая модель развития, которая станет основой формирования нового народа, либо территория РФ, не обретя устойчивой политической и государственной формы, превратится в предмет деятельности мировых субъектов силы или — в худшем случае — в свалку человеческих отходов.*

Попытки нащупать подобную модель развития в последние 15 лет и тем более создать социокультурные и институциональные условия ее реализации следует признать несостоятельными. Россия все более и более теряет форму. Возможности для ее сбалансированного развития тают с каждым годом.

Вместе с тем в XX веке под воздействием тектонических исторических сдвигов, мировых войн и революций на планете сложился *русский мир — сетевая структура больших и малых обществ, думающих и говорящих на русском языке.* Не секрет, что на территории, очерченной административными границами РФ, проживает едва ли половина населения русского мира.

В рамках поиска моделей развития формируется новое, предельно широкое, современное понимание капитала как единства культурного, политического, организационного, человеческого, финансового, промышленного, технологического, инфраструктурного и ресурсного потенциала.

(До конца XIX века, говоря о производственных процессах, обычно подразумевали «трехфакторную модель»; естественные условия производства (прежде всего земля), труд и капитал

рассматривались как основные виды производительных услуг, обеспечивающих акт производства. Многофакторную модель несколько раз стремились свести к однофакторным, проинтерпретировав все в одном языке и логике. Узость монофакторных моделей становится очевидной при переходе от анализа процессов производства к рассмотрению процессов воспроизводства и тем более процессов развития. Возникает фактически четырехфакторная модель, где все названные ранее услуги возникают в контексте организации (оргфактора) и по сопричастности к ней. Именно Организация устраняет противоречие Труда и Капитала, формируя новую конфигурацию факторов воспроизводства.)

Для производственной идеологии было очевидно, что без капитала нет богатства. Для воспроизводственной модели было важно, что без сбережений нет капитала. Для любых моделей развития очевидно, что без наличия образа будущего и доверия к будущему нет накоплений и сбережений. Так *в понятие капитала входит способ, каким человеческое сообщество производит будущее (в том числе и прежде всего — образы будущего).*

Признание существования русского мира позволяет нам говорить о *русском капитале, совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выражимых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка.* Энергия воли различных этнокультурных групп, думающих и говорящих на русском языке, позволяет актуализировать эти потенциалы и превратить их в ряд образов будущего, задающих рамки и границы поля хозяйственных, политических и образовательных онтопрактик.

Вместе с тем, существенно расширив понимание капитала, придется менять и понятие производительности капитала — его способности сберечь труд и естественные условия производства. Капитал — это способность производить богатство за счет создания продукции и снижения ресурсозатрат на каждую единицу последней.

Капитал бунтует против неэффективных институтов, обеспечивающих и поддерживающих его производительность: в их числе надо прежде всего назвать политические и электоральные институты, игнорирующие интересы молодежи и запросы будущего; социальное государство и раздутую систему социальной помощи; неповоротливую систему обучения, ориентированную на передачу сведений; затратное производство, функционирующее в рамках протекционистской политики. *Феномен бегства капиталов (для начала в своих самых мобильных формах — перетока финансов и утечки мозгов) должен осмысляться прежде всего с точки зрения эффективности функционирования институтов, обеспечивающих реализацию процессов развития.* Сегодня национальные государства уже не распоряжаются монопольно своими жителями и их сбережениями, капитал (в широком понимании) не поддается налогообложению, а пресловутая политическая независимость и суверенитет государства выражается в возможности привлечения и удержания капитала на своей территории. Чем больше капитала и благосостояния мы намерены создать, тем больше мы должны создавать будущего.

В этих рамках можно сформулировать одну из ключевых ценностей и целей: *всемерно повысить производительность русского капитала (как основы воспроизводства богатства; привлечение внешнего (нерусского) капитала, создание совместного капитала, рассматривая и оценивая все это как один из факторов структурного упорядочивания русского капитала).* Эта цель отвечает глубинным вызовам третьего тысячелетия и не содержит в себе оснований для межцивилизационной и международной конфронтации. Высокая производительность русского капитала выгодна всем.

Сегодня этому тезису противоречит не только геополитическая идеология, но и реальная практика межгосударственных отношений. Однако мы все же исходим из того, что идея производительности капиталов проложит себе дорогу сквозь предсказанные Хантингтоном межцивилизационные стычки начала XXI века.

ЦЕЛИ И ДЕЙСТВИЯ

Реализация названной ценности предполагает решение вторичных, а также обеспечивающих целей и задач. Можно разбить их на три основных группы: *опережающее формирование инновационной экономики; развитие человеческих ресурсов; совершенствование институционального обеспечения процессов развития в ядре русского мира — РФ-России.*

Во второй половине XX века инновационная деятельность (от научных открытий до управления внедрением) превращается в самостоятельный хозяйственно-экономический уклад, ориентированный на создание новых технологий и получающий часть мирового дохода в фор-

мах технологической ренты. Форвардом инновационной экономики до последнего времени был военно-промышленный комплекс: разработка новых типов вооружений и технологий ведения войны с последующим использованием новшеств в гражданских отраслях была ключевым механизмом системного индустриального развития.

Вместе с тем в последние десятилетия *меняется сам тип ведения войны — ее алгеброй становится экономическая конкуренция. Брэнд (товарный знак) превращается в основное оружие индустриальных войн нового поколения. Производство знаков и знаковых систем, управляющих массовым поведением (в частности, потребительским), становится ведущим сектором инновационной экономики.* Реклама и стратегический брэнд-менеджмент сначала обеспечивала торговлю товарами, а затем, начав торговать стилями жизни, не только превратилась в ведущий элемент индустриальной культуры, но и незаметно открыла дорогу еще одной ипостаси постиндустриализма. Исследования природы все больше вытесняются исследованиями деятельности, общества и человека. Традиционные институты науки все больше замещаются институтами управления и обеспечивающими их технологиями методологического мышления. *Форвардом инновационной экономики становятся гуманитарные технологии.*

С другой стороны, взрывной рост народонаселения, значение продовольственной безопасности на страновом и региональном уровнях, глобальные проблемы здравоохранения и экологический кризис резко повышают значение биотехнологий. Можно предположить, что *биотехнологическая революция будет определять судьбы человечества в следующем столетии.* Новые знания и технологии позволят решать проблемы обеспечения продовольственной безопасности, получения новых материалов и лекарств, борьбы с болезнями и сохранения среды обитания. Одновременно появятся новые возможности создания однонаправленного оружия на основе мобильных генетических конструкций.

Не секрет, что индустриальное развитие в XX веке во многом питалось открытием новых, более дешевых источников энергии. Высока вероятность того, что *на следующих стадиях индустриального развития наиболее дефицитным станет предпринимательский фактор, перемещение которого будет означать реструктуризацию всех остальных связей и ресурсных потоков.* В связи с этим вновь возникнет необходимость создания компактных инфраструктурных узлов (центров коммуникации, сервиса и производства) на основе экологичных и высокоэффективных источников энергии.

Итак, *гуманитарные технологии, биотехнологии и новые способы производства и использования энергии задают стратегические перспективы неоиндустриального развития; на их основе возможно создание глобальных инфраструктур и сетей обращения и распределения ресурсов в масштабах мирового хозяйства.* Выскажем предположение: русский мир может сыграть важнейшую роль в процессах становления и развертывания инновационной экономики по названным направлениям. Однако осуществление этих возможностей предполагает решение как минимум двух групп задач: широкомасштабных институциональных изменений в ядре русского мира — России и перенацеливания инвестиционных потоков на «расшивку» ключевого звена, обеспечивающего рост производительности современного капитала — сферу производства и воспроизводства человека.

Для того чтобы соответствовать все более и более усложняющимся требованиям инновационной экономики, необходимы модернизация сферы капитализации человеческих ресурсов и существенное углубление инвестиций в нее. *Инновационной экономике необходимо инновационное образование. Именно в этой сфере русский мир имеет существенные заделы и прорывные технологии.* Отечественные психолого-педагогические и методологические школы уже с начала 60-х годов создали ряд эксклюзивных технологий обучения и формирования интеллектуальных способностей на разных возрастных уровнях, тем самым заложив предпосылки для развертывания эффективной и мобильной сети образования.

К сожалению, в середине 90-х годов системы управления государственным образованием России — и в целом в среде «правящего класса» — утратили стратегические цели и ориентиры в названном направлении. Резко снизился объем ресурсов, направляемых на решение задач поддержки инновационных технологий обучения, подготовки кадров и образования. Последние были фактически приравнены к среднему массовому обучению. Госорганы практически полностью прекратили поддерживать фундаментальные и прикладные исследования, обеспечивающие развитие новой технологической платформы в сфере образования и подготовки кадров.

ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РУССКИЙ МИР

Названные моменты заставляют нас вернуться к проблеме государственности и государственного устройства РФ-России. Сегодня как никогда актуальна выработка геоэкономической стратегии ядра русского мира — России как страны-системы. Геоэкономический подход призван объединить все экономические установки и структуры страны в общую стратегию, учитывающую общемировую ситуацию. *Система России должна не только создать единую торгово-промышленную стратегию, но и сформировать новую культуру геоэкономического наступления, защиты и конкуренции, учитывающую рост роли человеческого капитала и инновационной экономики в условиях неоиндустриального развития.*

Повышение конкурентоспособности национально-государственной системы создания и удержания капиталов предполагает создание новой институциональной архитектуры общественно-государственного взаимодействия, которая позволила бы создавать богатство без высоких социальных затрат, но с опорой на активную социальную политику. (Понятие народа не совпадет с электоральным корпусом. За счет функционирования современных демократических институтов государство имеет тенденцию перекладывать тяжесть своих решений на ту часть народа, которую они не представляют, — на будущие поколения. Сегодня основой патриотизма становится экономическая независимость от государства и способность к деятельному самообеспечению). Государство должно отвечать потребностям своих граждан, в том числе будущих граждан. В конечном счете, *современное государство суть прежде всего система институциональных и управленческих сервисов-услуг.* Модернизация системы государственного управления и местного самоуправления призвана обеспечить, с одной стороны, использование мировых ресурсов для развития русского капитала, а с другой — эффективное включение страновых ресурсов в мировое хозяйство.

С точки зрения концепции повышения производительности русского капитала может и должна быть пересмотрена стратегия размещения и привлечения инвестиций. Необходимо политическое признание наличия инвестиционных проектов и потоков, приводящих к потере контроля над сферами деятельности и отраслями промышленности, ликвидации рабочих мест и вытеснению (а иногда и замещению) русского капитала внутри и вне России. Наряду с поощрением инвестиций в культурный туризм, строительство, а также предприятия, переживающие период утраты технологической конкурентоспособности, необходима поддержка русского капитала за границами РФ-России. Условием реализации подобного подхода становится стратегическое развитие русской школы управления во всем мире.

Преодоление конституционного кризиса, вызванного конкуренцией моделей парламентской и президентской демократии, должно сочетаться с повышением эффективности сочленения федеральной, региональной и местной системы управления-самоуправления — основы будущего роста. Мы уже подчеркивали, что *одним из ведущих институтов индустриальной цивилизации был город.* Эволюция городских форм жизни от торгово-ремесленных городов-государств Средиземноморья к вольным городам Средневековой Европы, от них к городам — промышленным центрам индустриального роста XIX века и, наконец, к современным городам — единицам глобальных технологий потребления — может в ближайшие 30-40 лет, наряду с индустриальными мегаполисами, дать человечеству новый образ города. Вероятно, это будет инфраструктурный центр — *город-предприниматель, обеспечивающий связь национальных государств с мирохозяйственными и геоэкономическими процессами.*

Сегодня именно в крупных городах сконцентрирована деловая и интеллектуальная активность, наиболее развита транспортная, телекоммуникационная и финансовая инфраструктура. Именно здесь сосредоточены основные информационные и управленческие ресурсы, тот человеческий и культурный капитал, с опорой на который может проектироваться будущий подъем ядра русского мира. Этих городов не так уж много, и сегодня они переживают не лучшие времена. Однако мы уверены, что именно в них сконцентрированы реальные, а не иллюзорные возможности социокультурного и экономического развития страны. И именно они, вопреки всем кабинетным попыткам административно-территориального членения, составляют тот костяк, остоу России, который может позволить не только удержать целостность страны, но и обеспечить устойчивость и управляемость ее дальнейшего развития в рамках русского мира.

В современном мире все больше и больше стирается граница между «внешним» и «внутренним». Между внешним и внутренним рынком. Между населением, живущим внутри страны, и диаспорой. Между экономической политикой, направленной на решение внутренних территориальных задач, и

прямым политическим, управленческим и экономическим участием в мирохозяйственных процессах. Международные отношения в новую эпоху меняют свою деятельностьную, субъектную природу. Диаспоры, антропоструктуры и мировые сети становятся центрами выработки и принятия решений, которые затем оформляются государственными обязательствами. В противовес сербскому сценарию силового решения территориальных, конфессиональных и этнокультурных проблем формируется культурно-политическая стратегия и гуманитарно-технологический подход к их дипломатическому решению. Наряду с традиционной для европейской политической культуры рамкой «прав личности», ищет свое место идея прав народов и малых сообществ.

Рискнем утверждать: чем большему числу людей и сообществ в мире нужна РФ-Россия, тем она устойчивее. Чем большее число мировых проблем получит свое выражение, а возможно, и решение в рамках русского языка, тем более востребованными будут культурные и человеческие ресурсы русского мира. Парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус мировой державы, стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах граждан иных государств и стран. Чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах русского мира, в политике конструктивного развития его мировых сетей.

МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЯМ МОСКОВСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»

Заседание первое, 30 сентября 2005 г. Тема «Государство и олигархия».

Андрей Павлович Бунич. Государство и олигархия. — Москва: клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

Андрей Бунич. Необходимо демонтировать олигархическую систему управления.

Андрей Бунич. Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации.

Андрей Бунич. Они притаились в Лондоне и ждут...

Андрей Бунич. Позади ли потрясения?

Андрей Бунич. Мы смешали олигархам карты.

Виктория Петрова. Кто заменит олигархов?

Точка в деле залоговых аукционов еще не поставлена.

Андрей Князев. Что ждет Россию после крушения олигархов?

Андрей Бунич. Технология ГКЧП или реванш олигархов.

Андрей Бунич. Сцилла всепрощения и Харибда национализации.

Заседание второе, 14 октября 2005 г. Тема «Постиндустриальный класс».

Александр Иванович Неклесса. Постиндустриальный класс. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 56 с.

Новый интеллектуальный класс.

Локомотив Постмодерна, или «Территория тьмы».

История в (пост)современном интерьере.

Personalia

Заседание третье, 28 октября 2005 г. Тема «Какая конституция нужна России?»

К столетию манифеста 17 октября 1905 года»

Конституция России. Новый строй. — Москва: Институт национальной стратегии, 2005. 122 с.

Конституция России. Проект Института национальной стратегии.

Новый строй. Дискуссия Агентства политических новостей.

Михаил Ремизов. Проект «государство-цивилизация».

Ярослав Бутаков. Как нам переучередить Россию?

Борис Межуев. Апология федерализма.

Юрий Солозобов. Вечная Россия и временная Конституция.

Павел Святенков. Двухэтажная Конституция.

Владимир Карпец. Возвращение к основам.

Юрий Коринец. Между «старым государством» и «новой империей».

Презентация клуба «Красная площадь». Гостинный двор 10 ноября 2005 г.

Буклет «Клуб “Красная площадь”». — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 8 с.

Заседание четвертое, 25 ноября 2005 г. Тема «Кризис цивилизации: переселение народов»

Ольга Выхованец, Сергей Градировский, Дмитрий Житин, Татьяна Лопухина, Никита Мкртчян. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад / Под ред. С.Н. Градировского. — Москва: Фонд «Наследие Евразии», Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2005. 310 с.

Заседание пятое, 9 декабря 2005 г. Тема «Кризис цивилизации: картография глобального ландшафта»

Александр Иванович Уткин. Кризис цивилизации: картография глобального ландшафта. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

Цивилизация против глобализации.

Стоимость демократии.

Империя победила республику.

Заседание шестое, 20 декабря 2005 г. Тема «Кризис цивилизации сквозь призму антропологии»

Сергей Сергеевич Хоружий. Кризис цивилизации: сквозь призму антропологии. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 24 с.

Глобализация и поиск новой модели человека.

Эвтанасия.

Судьба Адама и судьба Ивана.

Заседание седьмое, 13 января 2006 г. Тема "Глобальная революция: ретроспектива и перспективы"

Глобальная революция: ретроспектива и перспективы. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 32 с.

Михаил Делягин. Социально-экономическая программа будущей революции.

Дмитрий Андреев. Последний шанс Путина, или Превентивная «бархатная революция».

Александр Неклесса. Поражение России.

Заседание восьмое, 27 января 2006 г. Тема «Закат России и проект нового государства-цивилизации»

Закат России и проект нового государства-цивилизации. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 40 с.

Александр Неклесса. Введение.

Станислав Белковский, Владимир Гольшев, Роман Карев, Никита Кричевский, Михаил Ремизов. Обналичивание власти: финальная стратегия российского правящего слоя.

Станислав Белковский. Проект сырьевой колонии.

Имперский проект: 2 взгляда

Анатолий Чубайс. Миссия России в XXI веке (в изложении).

Станислав Белковский. Империализм как высшая стадия либерализма.

Сергей Марков. Понять будущее.

Общество должно обсудить и решить проблему 2008 года.

Лекция, прочитанная участникам псковского молодежного регионального движения «Первый рубеж» (фрагменты)

Глеб Павловский. На пятой точке вниз по мокрой глине.

Заседание девятое, 10 февраля 2006 г. Тема «Альтернативные сценарии глобальной революции»

Альтернативные сценарии глобальной революции. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 92 с.

Борис Кагарлицкий. Покорение Сиэтла

Борис Кагарлицкий. Капитализм как миросистема

Сайт «Контрудар.ру». Манифест Нового Интернационала

Сайт «Контрудар.ру». Декларация Интернациональной Социальной лиги

Юрий Крупнов. Гиперимперия США или мировая держава Россия?

Максим Калашников. Нейрономика: жизнь в стиле action

Материалы к заседаниям Московского интеллектуального клуба "Красная площадь"

Заседание десятое, 17 февраля 2006 г. Тема «Другая Россия. Революция как предмет мусульманской политической мысли»

Другая Россия. Революция как предмет мусульманской политической мысли. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 60 с.

Гейдар Джемаль. Общество и время. Глобальный механизм отчуждения

Рафаэль Хакимов. Где наша Мекка?

Рафик Мухаметшин. В поисках религиозной идентичности

Алексей Малашенко. Ислам в России в 2020 году

Исмаил Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения

Али Шариаги. Красный ислам

Рухолла Хомейни. Основы исламского государства

Рухолла Хомейни. Послание имама Хомейни Михаилу Горбачеву

Материалы к заседаниям Московского интеллектуального клуба «Красная площадь»

Заседание одиннадцатое, 21 февраля 2006 г. Тема «Модели власти»

Валерий Александрович Подорога. Власть. Опыты по психосемиологии. Заметки 90-х годов. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 84 с.

Что такое власть. Постановка проблемы

Гитлер / Сталин

Идея лагеря. Опыт генеалогии тоталитарного пространства

